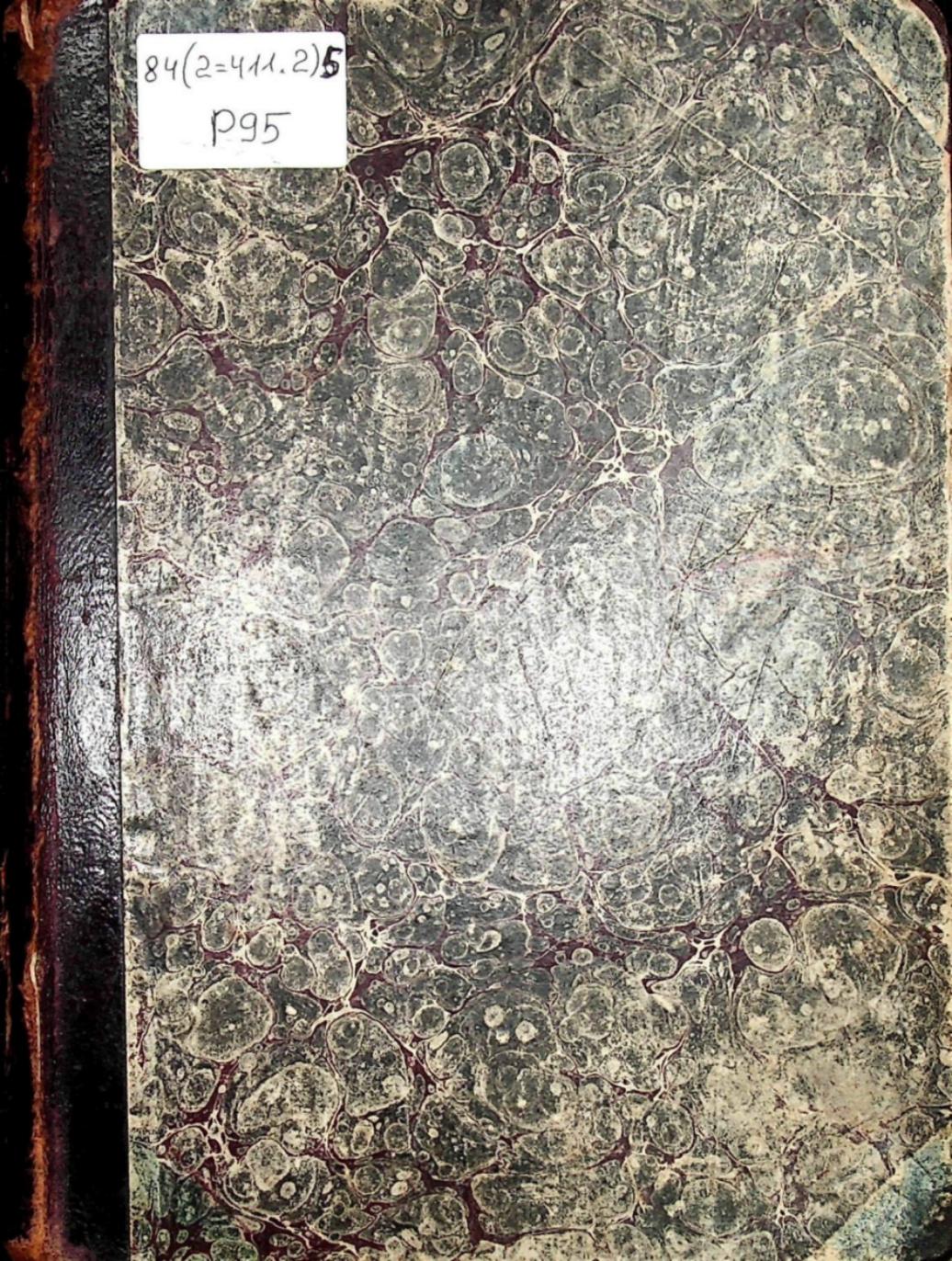
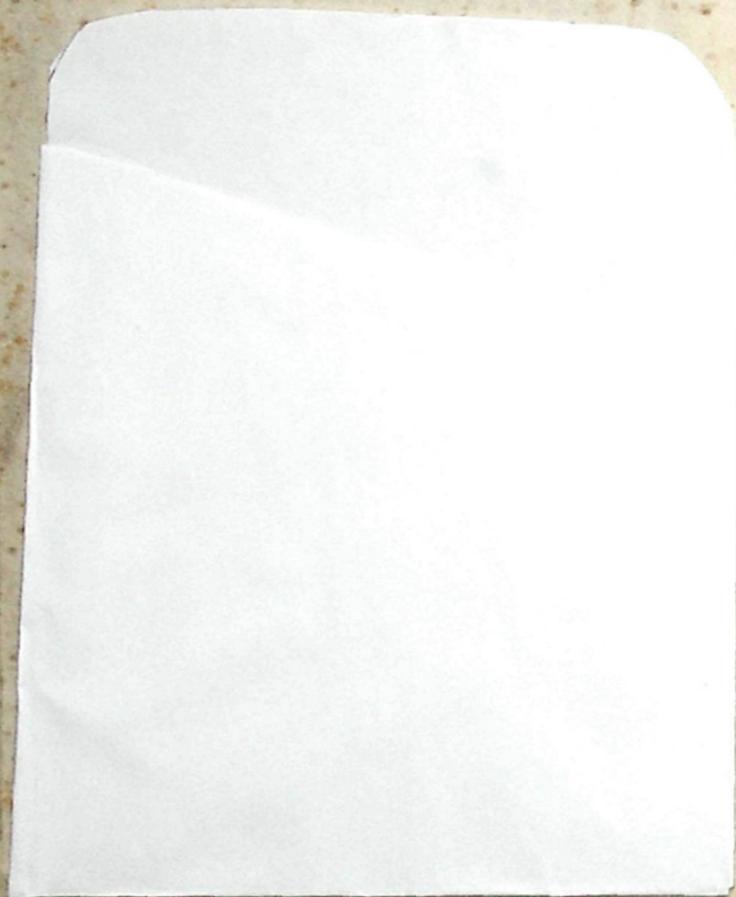

84(2=411.2)5

p95

См. пред. лист
Листа

862/321

Дар

Викторъ Рышковъ.

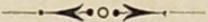
865/351

Александрович

Вазсказы.

Вторая книжка.

7349-9-1

МУК «ЦБС»
г. Вологда

С.-Петербургъ.
ИЗДАНИЕ П. А. КАРТАВОВА.
1903.

Центр писателя
В.И. Белкина

84(2.411.2)5-44

P95

НА ЯВУ И ВО СНЪ.

На яву и во снѣ.

Сергѣй Семеновичъ устраивалъ своимъ дѣтямъ елку всегда самъ:—лично покупалъ игрушки, елочные принадлежности и самое дерево, лично и украшалъ елку и зажигалъ ее... Такъ началось съ „первой елки“, когда онъ былъ еще молодымъ врачомъ, а старшему сыну его, теперь гимназистуку второго класса, было два года, и, повторяясь изъ года въ годъ, вошло въ привычку. Теперь у него четверо дѣтей, онъ состарѣлся, отяжелѣлъ и, будучи почтеннымъ докторомъ, занятъ съ утра до ночи; но и сегодня, по обыкновенію, онъ устроилъ елку самъ...

И онъ очень усталъ. Больнымъ не полегчало отъ того, что нынче—сочельникъ, и весь день Сергѣй Семеновичъ былъ занятъ, какъ и въ обычные дни; рано утромъ надо было зайти часа на два въ больницу; въ пріемные часы пришлось принять и выслушать человѣкъ десять пациентовъ у себя, а тяжело больныхъ необходимо было навѣ-

стить на дому. Тѣмъ не менѣе, между дѣломъ, Сергѣй Семеновичъ ѣздилъ по магазинамъ, докупая все, что не успѣлъ купить въ предшествовавшіе дни, выбралъ и послалъ домой красивую высокую елку и послѣ обѣда часа три подъ рядъ провозился около дерева, украшая его, развѣшивая мелочи, сладости и подсвѣчники, раскладывая на столѣ, около елки, и на полу, подъ нею, игрушки и тщательно прилаживая зажигательную нитку, чтобы дерево освѣтилось непременно сразу...

Только въ девятомъ часу все было готово, и, по знаку Сергѣя Семеновича, нетерпѣливыхъ ребятишекъ впустили изъ смежной комнаты въ темную столовую. Сергѣй Семеновичъ поднесъ спичку къ концу зажигательной нитки, и сверху до низу разукрашенное блестящее деревцо сразу вспыхнуло, освѣтилось и словно застыло въ своемъ волшебномъ уборѣ. И дѣти замерли въ восторгѣ, увидя все, что было на елкѣ, около нея и подъ нею...

А чего только тамъ не было! Больше всего было, конечно, игрушекъ и, среди нихъ, были почти всѣ военные доспѣхи: ружья, пистолеты, пики, сабли, шашки, эполеты, каски, трубы, барабаны; была и большая лошадь съ сѣдломъ и уздечкой; была даже будка для часового... У Сергѣя Семеновича было четыре мальчика—дѣти отъ шести до двѣнадцати лѣтъ,—такихъ же мальчиковъ привезъ на елку и дядя Петръ Семеновичъ, а потому и гости-дѣти были тоже мальчики, сверстники и товарищи дѣтей хозяевъ и ихъ двоюродныхъ братьевъ. Собралась цѣлая дюжина мальчишекъ, и для подарковъ имъ былъ заготов-

лень, дѣйствительно, цѣлый арсеналь дѣтскаго оружія и полный цейхгаузъ игрушечной амуниціи...

Всѣ мальчики любятъ именно „военныя игрушки“, любятъ играть „въ солдаты“, „въ войну“ и такъ мечтають быть офицерами, когда выростуть... А взрослые—отцы, матери и воспитатели—стараясь угодить дѣтямъ подарками, подносятъ имъ для игры и забавы именно то, что любятъ дѣти...

Ребятишки поглядывали такъ умильно на блестящія свѣжимъ лакомъ, новенькія игрушки, пытливо догадываясь,—кому что достанется. Нетерпѣніе ихъ было такъ велико и очевидно, что Сергѣй Семеновичъ поспѣшилъ раздать игрушки. И мальчики забыли на время и самую елку, и даже развѣшанныя на ней сласти, разсыпались по обширной столовой и разсматривали уже вблизи свои доспѣхи, хвастая ими другъ передъ другомъ, обнажая шашки и сабли, стрѣляя изъ пистолетовъ и ружей, трубя, барабана...

Хлопоты Сергѣя Семеновича кончились, и теперь, опустившись на стоявшій въ столовой большой турецкій диванъ, онъ особенно почувствовалъ усталость. Ноги и руки болѣли и ныли. И немудрено! Сколько разъ онъ влѣзалъ на стулъ и соскакивалъ съ него, украшая верхушку елки; но столько же разъ онъ нагибался, убирая ея нижнюю половину, а потому болѣла и поясница... А многолѣтняя привычка отдыхать послѣ обѣда—именно въ это время—брала свое; и, глядя утомленными глазами

на счастливыхъ ребятшекъ, Сергѣй Семеновичъ чувствовалъ, что, вотъ-вотъ, непременно заснетъ...

Конечно, можно уйти въ спальню... Но такъ не хотѣлось двигаться, вставать съ дивана, идти... И разоспишься тамъ, добравшись до постели и вытянувшись во весь ростъ, и проспишь, пожалуй, часа два—три... А хочется только вздремнуть... немного... полчаса... Никто не замѣтитъ... А если и замѣтятъ—никто не осудитъ... Все свои:—братъ съ женой, другой братъ и дѣти... Такъ и клонить голову... И глаза сплпаются... такъ больно смотрѣть на этотъ яркій блескъ свѣчей... Закрыть развѣ глаза?.. Никто не осудитъ... Да и заняты всѣ... Жена, теща, братья, бонна и чужія няни—всѣ суетятся около дѣтей, навѣшивая на нихъ оружіе, эполеты, барабаны...

„Рекрутскій наборъ... Мобилизація!.. Будто снаряжаютъ дѣтей на войну“, думалъ, блаженно улыбаясь, Сергѣй Семеновичъ... „А Вася-то, Вася! Радъ своей будкѣ и ружью со штыкомъ... Стоитъ на часахъ и, какъ настоящій солдатъ, не пропускаетъ куда-то Андрюшу... И лицо сдѣлалъ какое свирѣпое!.. Такъ, такъ: ружье на руку, штыкомъ впередъ... „Назадъ, а то—заколю!“ Молодчина!.. Не ушибъ-бы онъ, однако, Андрюшу.. О, какъ хочется спать!..“

Сергѣй Семеновичъ перевелъ прищуренные глаза изъ ярко освѣщеннаго елкой угла столовой, въ которомъ игралъ около своей будки Вася, въ другой уголъ комнаты, гдѣ было темнѣе, и тамъ увидѣлъ новую игру...

Дядя Митя—братъ Сергѣя Семеновича, молодой офицеръ—училъ своихъ племянниковъ драться на дуэли... Да, это—дуэль... Дядя Митя поставилъ „въ позу“ второго сына Сергѣя Семеновича—Серрежу—и, отмѣривъ нѣсколько шаговъ, противъ Серрежи поставилъ его двоюроднаго брата, десятилѣтняго Колю... Потомъ онъ далъ имъ въ руки пистолеты, взвелъ курки, наложилъ бумажные пистоны, отошелъ самъ въ сторону и, въ тактъ ударяя ладонями, сказалъ съ разстановкою: „Разъ“... „Два“...

* *
*

Что это?! Сергѣя Семеновича словно толкнуло... И внезапно картина измѣнилась...

Тоже—елка... И не одна, и не украшенная... Много елокъ, гдѣ-то у опушки лѣса... И освѣщеніе другое. Сѣрый, жуткій полумракъ, какой бываетъ ночью, передъ восходомъ солнца... И настроеніе не радостное, не то, что было сейчасъ, въ столовой: мрачное предчувствіе какой-то бѣды нестерпимо угнетаетъ душу... И дядя Митя тутъ, подъ елками. Но съ нимъ еще нѣсколько офицеровъ. Всѣ они окружили Серрежу и Колю и, молча, съ серьезными и сосредоточенными лицами, внимательно наблюдаютъ за ними. А дѣти стоятъ другъ противъ друга и цѣлятся... Но въ рукахъ у нихъ не игрушечные пистолеты съ бумажными пистонами, а настоящіе, большіе, уродливые... На блѣдныхъ дѣтскихъ личикахъ и вражда, и страхъ, и рѣшеніе—убить и боязнь—быть убитымъ... Цѣлясь, они сходятся...

— Вы—взрослые! Что вы дѣлаете?!. Вы сошли съ ума!—крикнулъ Сергѣй Семеновичъ на офицеровъ.

— Три!—послышалась въ то-же время команда дяди Мити. И одновременно раздалось два выстрѣла.

И, едва дымъ разсѣялся въ полумракѣ ранняго утра, Сергѣй Семеновичъ увидѣлъ, что сынъ его—Сережа—схватился рученкой за грудь и, съ мучительнымъ страданьемъ на дѣтскомъ лицѣ, тихо опустился на траву. Красное пятно быстро увеличивалось на его груди, а блѣдное личико покрывалось зеленоватою тѣнью... Коля съ ужасомъ отшвырнулъ свой пистолетъ, бросился къ двоюродному брату, обнялъ его и зарыдалъ... Дядя Митя и остальные офицеры засуетились, забѣгали.

— Доктора! доктора!—кричали они.

Но Сергѣй Семеновичъ подбѣжалъ уже къ сыну, наклонился надъ нимъ, приложилъ руку къ его сердцу и убѣдился въ его смерти.

— Что вы надѣлали?! Что вы надѣлали?!—кричалъ онъ на дядю Митю и на другихъ офицеровъ.—Что вы дѣлаете съ дѣтьми? Къ чему вы ихъ приучаете?... Развѣ нѣтъ другихъ забавъ, другихъ игрушекъ?! Что вы дали имъ въ руки! Дѣти любятъ эти игрушки?.. Но вѣдь дѣти любятъ играть и „жижей“—огнемъ!.. Что за игра—„въ Каина и Авеля“?!

— Что вы, Сергѣй Семеновичъ!—спокойно отвѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.—Вотъ ужъ именно:—вѣдите съ больной головы на здоровую! Сами вы подарили эти игрушки сыновьямъ и племян-

никамъ. А мы только научили ихъ, какъ ими играть...

Въ полномъ отчаяніи Сергѣй Семеновичъ поднялъ убитаго сына и понесъ его...

Но въ эту минуту, словно новый выстрѣлъ, раздался какой-то сильный трескъ... Внезапно Сережа вывалился изъ рукъ Сергѣя Семеновича и куда-то исчезъ... И все какъ-то сразу спуталось, смѣшалось и исчезло, и Сергѣй Семеновичъ проснулся...

* *
* *

Онъ открылъ глаза и мгновенно блескъ елки и радостные возгласы дѣтей вернули его къ дѣйствительности.

Сильный трескъ повторился; очевидно, очередь дошла до большихъ елочныхъ хлопушекъ съ бумажными костюмами... Да, дяди, тетя, мама, бабушка и няни срывали ихъ съ елки, съ трескомъ разрывали вложенные въ нихъ бумажные патроны, снимали золотыя обертки и, осторожно развернувъ костюмы и колпаки, наряжали въ нихъ дѣтей... И вскорѣ вокругъ елки расхаживали, хорохорясь, маленькіе „стрѣлки“, „гусары“, „турки“ и „китайцы“, „англійскіе солдаты“ и „буры“. А когда всѣ дѣти были наряжены, дядя Митя построилъ ихъ въ пары и повелъ строемъ мимо елки, вдоль столовой, и вкруговую—по всѣмъ комнатамъ...

И, лишь только шумъ затихъ въ тѣ мгновенія, когда дѣти маршировали, трубили и барабанили въ дальнихъ комнатахъ, разбуженный раньше вре-

мени Сергѣй Семеновичъ моментально заснулъ опять.

И ему приснился новый сонъ.

Онъ увидѣлъ широкое поле, освѣщенное послѣдними лучами заходящаго солнца. Красиво, величаво опускалось оно къ горизонту по ясному и чистому небу. И нѣсколько мгновений полная тишина царила надъ этой картиной... Но вдругъ издали послышались тысячи дѣтскихъ голосовъ, сливавшихся въ общій звонкій гулъ... Шумъ приближался, гулъ становился яснѣе, и наконецъ на линіи горизонта, тамъ, куда опускалось солнце, показался Петя верхомъ на своемъ игрушечномъ конѣ, съ обнаженной саблей въ рукѣ. А за нимъ, рядъ за рядомъ, выходили маленькіе воины. Всѣ они были въ бумажныхъ костюмахъ, извлеченныхъ изъ елочныхъ хлопушекъ и надѣтыхъ поверхъ кадетскихъ и гимназическихъ мундирчиковъ, поверхъ русскихъ и матросскихъ рубашечекъ, и всѣ были вооружены съ головы до ногъ. Тутъ были не сотни, а именно тысячи дѣтей, и среди нихъ Сергѣй Семеновичъ узналъ и другихъ своихъ сыновей, и племянниковъ, и ихъ товарищей, и своихъ пациентовъ-дѣтей... Это дѣтское войско, пополняясь новыми рядами, выступавшими изъ-за горизонта, заняло, наконецъ, все широкое поле, разстлавшееся передъ глазами Сергѣя Семеновича, собравшись, раздѣлилось на два отряда и мгновенно затихло...

Но вотъ, въ разныхъ мѣстахъ раздался барабанный бой и затрубили трубы... Забряцало оружіе, обнажились шашки и сабли, штыки сверкнули на ружейныхъ стволахъ, затрещали выстрѣлы, и

съ дикимъ крикомъ отрядъ бросился на отрядъ... И, къ ужасу своему, Сергѣй Семеновичъ увидѣлъ, что между дѣтми загорѣлась рукопашная битва— отвратительная рѣзня, съ увѣчемъ, кровопролитіемъ и всеми ужасами настоящей войны... Съ ожесточенными лицами дѣти набрасывались другъ на друга и рубили, кололи, уродовали и убивали другъ друга...

И вскорѣ все смѣшалось... Страшный шумъ стоялъ надъ полемъ. Сергѣй Семеновичъ слышалъ барабанный бой и выстрѣлы, визгливые, торжествующіе крики поражающихъ и стоны и вопли пораженныхъ, умирающихъ дѣтей, чувствовалъ запахъ свѣжей крови, задыхался отъ порохового дыма и видѣлъ своихъ дѣтей и племянниковъ и убитыми и убивающими... Какой-то мальчикъ, въ костюмѣ китайца, выстрѣлилъ въ Петю. Петя свалился съ игрушечнаго коня, и конь поскакалъ по полю, смѣшино подпрыгивая на негнѣвавшихся ногахъ. А мальчикъ-китаецъ подбѣжалъ къ умирающему Петѣ и прикололъ его штыкомъ...

Эта дѣтская рѣзня продолжалась съ возрастающимъ ожесточеніемъ, пока солнце зашло, небо покрылось тучами и мракъ стусился надъ страшнымъ полемъ... Потоки крови текли по полю... Побѣжденные, изувѣченные дѣти падали, мучились въ корчахъ и судорогахъ, захлебывались и тонули въ этихъ потокахъ, а дѣти-побѣдители, устремляясь съ озвѣрѣлыми лицами на новыхъ враговъ, топтали упавшихъ ногами и добивали ихъ ружейными прикладами...

Такой ужас охватилъ Сергѣя Семеновича, какого онъ никогда не испытывалъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, позвать кого—нибудь на помощь, но голосъ не повиновался его волѣ. Онъ силился кричать, но звука не получалось... Онъ пытался убажить съ проклятаго поля или хотя закрыть руками глаза, чтобы не видѣть того, что на немъ творилось, но ноги не двигались и руки не подымались, словно отнялись или стали свинцовыми... И, доведенный до полного отчаянія, онъ заплакалъ беспомощно, какъ малый ребенокъ, и, зажмурившись, сталъ тихо молиться, чтобы война эта кончилась, чтобы дѣти прекратили рѣзню...

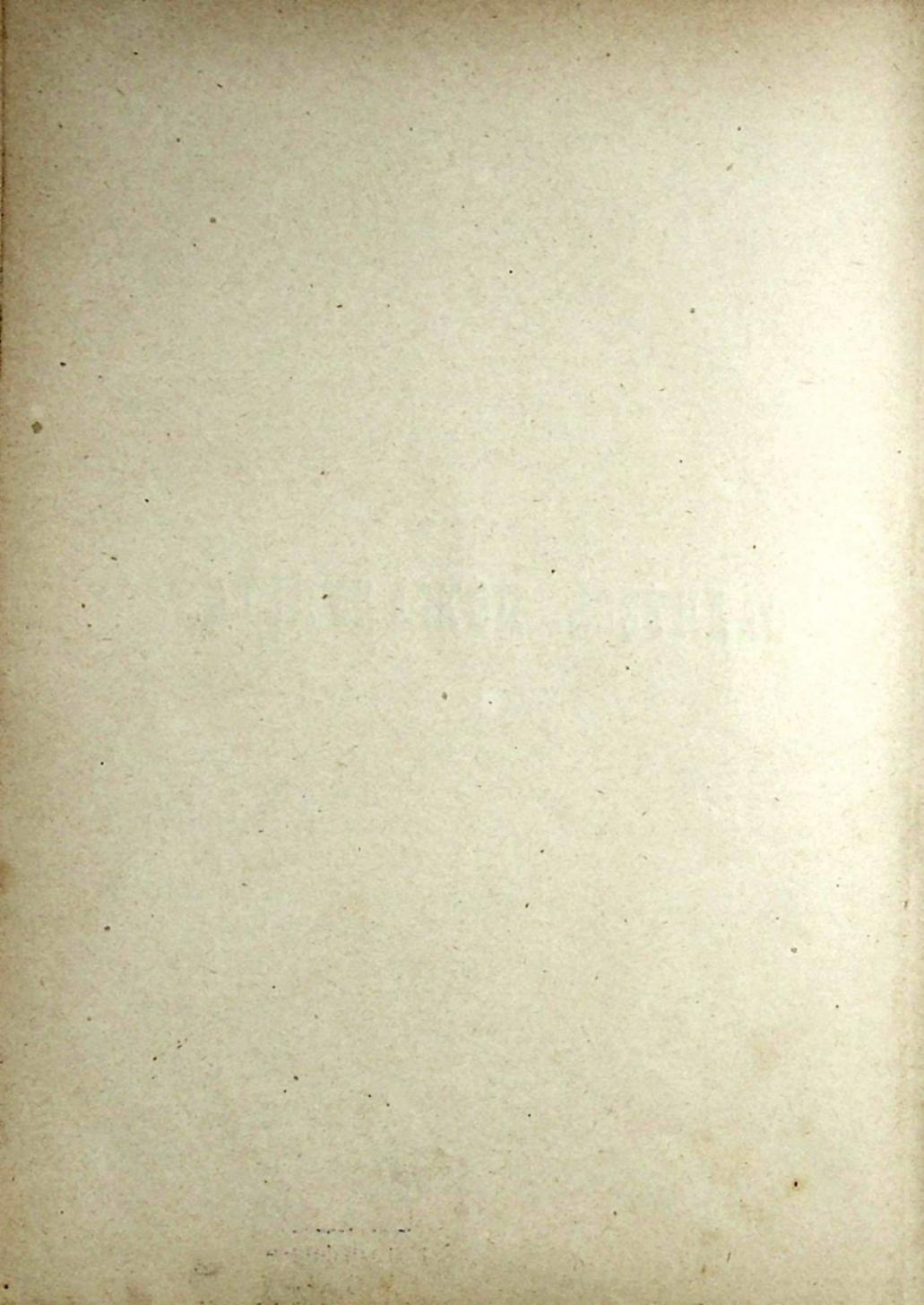
Шумъ сталъ затихать... Барабанный бой, выстрѣлы, побѣдные крики и мучительные стоны понемногу прекращались... Но Сергѣй Семеновичъ открылъ глаза только когда стихло совсѣмъ.

Темныя тучи клубились надъ полемъ... Страшное поле было сплошь покрыто мертвыми дѣтьми. Кровь въ лужахъ и потокахъ потемнѣла. Черныя большія птицы слетались со всѣхъ сторонъ и безъ крика спускались на маленькіе трупы...

Сердце Сергѣя Семеновича сжалось и перестало биться. Дыханіе остановилось... Онъ вскрикнулъ и проснулся...

САДИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА...

Садитесь, пожалуйста!

7348-7
— Все таки идешь? — спросила Марья Савишна, полная старушка не высокаго роста, входя въ кабинетикъ мужа и видя, что Иванъ Яковлевичъ — человекъ тоже не молодой — надѣлъ чистую манишку, бѣлый галстухъ и „шейнаго Владимира“ и облакается въ новый виць-мундирь.

— Иду! — отвѣтилъ рѣшительно Иванъ Яковлевичъ. — Подъ лежачій камень и вода не течетъ... Такая вакансія открывается однажды въ четверть вѣка..

— Ничего изъ этого не выйдетъ, — замѣтила печально старушка.

Иванъ Яковлевичъ обернулся къ женѣ и преуморительно замахалъ руками, словно ворона — крыльями.

— Кра! кра! кра! — крикнулъ онъ и сказалъ раздраженно. — Чего ты каркаешь?... Ужъ изъ карканья, изъ твоего, навѣрно ничего не выйдетъ!..

Онъ былъ очень добрый и тихій человекъ и, тутъ-же устыдившись, что раскипятился до „кар-

канья“, покраснѣлъ, опустилъ глаза и закурилъ папироску...

— Ты не сердись, Иванъ Яковлевичъ,—сказала между тѣмъ Марья Савишна.— Не вѣрится, чтобы что нибудь вышло, и досадно мнѣ, что ты напрасно волнуешься и надѣешься... Родились мы неудачниками и такъ—неудачниками—должно быть и помремь... Къ брату идешь?

— Да... Никогда ни о чемъ я его не просилъ, а теперь иду просить...

И озабоченный и взволнованный Иванъ Яковлевичъ одѣлся въ передней и ушелъ...

* *
*

Дѣло было въ томъ, что надняхъ скончался отъ разрыва сердца Сосипатровъ—старшій архивариусъ того министерства, въ которомъ Иванъ Яковлевичъ служилъ старшимъ столоначальникомъ, и эта отрадная,.. то, есть—эта скорбная вѣсть взволновала тѣхъ чиновниковъ, которые считали себя кандидатами на освободившуюся должность покойнаго.

Иванъ Яковлевичъ Андреевъ тоже считалъ себя кандидатомъ, и—основательно. Онъ прослужилъ въ департаментѣ тридцать три года и выслужилъ уже все, чего можно было достигнуть на должности старшаго столоначальника, которую онъ занималъ послѣдніе десять лѣтъ. Онъ дослужился до статскаго совѣтника, до „петличнаго Владиміра“, до „шейнаго Владиміра“, до полного физическаго утомленія и переутомленія, до всѣхъ безъ

исключенія спеціально-чиновничьихъ болѣзней и недуговъ и до глубочайшаго отвращенія къ тому дѣлу, которое дѣлалъ изо-дня въ день тридцать лѣтъ и три года... А на освободившейся должности открывались новые горизонты. Она давала право на производство въ давно-желанный чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на полученіе первой звѣзды, и въ будущемъ—при отставкѣ—генеральской пенсіи... И жалованія Иванъ Яковлевичъ сталъ бы получать не тысячу шестьсотъ рублей, а двѣ тысячи четыреста въ годъ... Было о чемъ похлопотать! Притомъ должность архиваріуса—старшаго архиваріуса!—была очень покойная должность, почти безъ начальства, безъ торопливаго писанія чудовищнаго количества бумагъ и „снѣжныхъ“, и „весьма нужныхъ“, и не очень нужныхъ, и даже совсѣмъ не нужныхъ, и безъ ежедневной сутолоки и канцелярской толчен, которую Иванъ Яковлевичъ переносилъ безропотно тридцать три года и отъ которой теперь, подъ старость, усталъ до переутомленія.

Но дѣло было еще и въ томъ, что директоръ департамента, подъ начальствомъ котораго Иванъ Яковлевичъ прослужилъ послѣдній десятокъ лѣтъ, который прекрасно относился къ нему и вѣроятно предоставилъ-бы именно ему открывшуюся ваканцію,—три мѣсяца тому назадъ получилъ высшее назначеніе по другому вѣдомству. А на его мѣсто—директоромъ—былъ назначень никому невѣдомый, сравнительно молодой генераль изъ провинціи—съ юга... И теперь никто изъ департаментскихъ кандидатовъ на должность архиваріуса не могъ

разсчитывать навѣрняка получить ее, такъ-какъ со дня своего вступленія новый директоръ замѣщаль всѣ открывавшіяся должности не своими служащими, а новыми лицами—„съ юга“. Такъ и тащилъ ихъ новый директоръ оттуда, откуда прибылъ самъ, и всѣ боялись, что и на должность старшаго архиваріуса, которая, по исчисленіямъ чиновниковъ, освобождалась однажды въ четверть вѣка, явится тоже какая нибудь талантливая личность „съ юга“...

И конечно всѣ „кандидаты“ заволновались и забѣгали. Естественно, что и Иванъ Яковлевичъ побѣждалъ хлопотать по этому дѣлу и озабоченный и взволнованный...

* *
*

Было десять часовъ утра, когда онъ пришелъ къ своему младшему сводному брату, графу Клобуковскому, богатому человѣку и важному генералу въ военномъ вѣдомствѣ. И онъ былъ уже на столько взволнованъ, что разсказывалъ брату „въ чемъ дѣло“ съ дрожаніемъ голоса.

— Братецъ!—воскликнулъ онъ, заключая разсказъ.—Я тебя никогда ни о чемъ не просилъ...

„И прекрасно дѣлалъ“, мелькнуло въ головѣ брата.

— Теперь прошу, потому что я старъ... немощенъ... На моей должности мнѣ уже тяжело... не подь силу... То, что прежде давалось легко, теперь дается съ трудомъ... Я усталъ!.. Должность старшаго архиваріуса — покойная, не суетливая

должность, а именно покоя я ищу на послѣдніе годы жизни... И я знаю свое мѣсто... Я вѣдь не прошусь въ министры, а прошусь—въ архивъ... Сдѣлай, что можешь... У тебя связи, знакомства...

Братецъ-генераль взглянулъ на брата-столоначальника съ тѣмъ лѣнивымъ сожалѣніемъ, съ какимъ люди смотрять на старую почтовую лошадь, пробѣжавшую за свою жизнь много тысячъ верстъ и получавшую мало овса, но много кнутовъ...

— Это у кого надо хлопотать? Я этихъ вашихъ штатскихъ чиновотношеній не знаю,—сказалъ братецъ; но, вспомнивъ о чемъ-то въ эту минуту, добавилъ.—Если вашъ товарищъ министра, князь Пылкинъ, прикажетъ этому новому директору—онъ долженъ будетъ тебя назначить?

— Князь Пылкинъ?—изумился Иванъ Яковлевичъ.

— Да.

— Конечно—назначить, несомѣнно!.. Только почему князь Пылкинъ прикажетъ?.. Какъ это сдѣлать, чтобы онъ приказалъ?!

— Я ему надняхъ такое дѣльце устроилъ, что мнѣ онъ не откажетъ,—объявилъ неожиданно братецъ...

— Князю Пылкину?!

— Ну-да!

— Конечно, если князь Пылкинъ...

— Да ужъ если дѣло въ немъ, то твое дѣло въ шляпѣ!—подтвердилъ увѣренно графъ и взялся за перо.—Мы это сейчасъ и прикончимъ,—добавилъ онъ.—А то, послѣ двѣнадцати, какъ пойдетъ эта ежедневная суета и сутолока, и—забудешь...

И онъ сталъ писать письмо на листѣ плотной желтоватой бумаги...

„Забудешь!“ думалъ Иванъ Яковлевичъ. „Я тутъ чуть не плакалъ, рассказывая ему, а онъ прямо въ глаза:—черезъ часъ забуду и тебя, и то, что ты старъ, немощенъ, усталъ!.. Людишки, людишки! Мелкіе, ничтожные, грошевые!.. А забрались высоко и думаете, что вы ни въсть какіе большіе, огромные люди“!..

— Какъ эта должность называется, на которую ты просишься?—спросилъ братецъ.

Иванъ Яковлевичъ назвалъ.

— А та, которую ты занимаешь теперь?

Иванъ Яковлевичъ назвалъ и свою должность и добавилъ.—Я состою въ этой должности десять лѣтъ; а въ общемъ служу въ министерствѣ тридцать три года... Два года осталось всего до полной пенсін...

Братецъ кивалъ головой, продолжая писать, и наконецъ сказалъ.—Слушай-же, что я написалъ.

И прочелъ.

„Любезнѣйшій Глѣбъ Дмитріевичъ“!..

— Вѣдь я съ нимъ запросто,—замѣтилъ онъ въ скобкахъ.

„Въ особое одолженіе мнѣ прошу васъ, если возможно, предоставить освободившуюся должность старшаго архиваріуса въ вашемъ министерствѣ старшему столоначальнику департамента, статскому совѣтнику Ивану Яковлевичу Андрееву, состоящему въ этой должности десять лѣтъ, а въ общемъ прослужившему въ министерствѣ тридцать три года. Я увѣренъ, что его прямое начальство дастъ

о немъ прекрасный отзывъ, почему рассчитываю, что просьбу мою вамъ будетъ легко исполнить". — Затѣмъ всякія росчерки и любезности, а потомъ—прибавляю: „Надѣюсь, на этой недѣлѣ мы увидимся: или въ среду, за обѣдомъ, въ клубѣ, или въ пятницу вечеромъ у меня". — Понимаешь,— продолжалъ графъ:—на этой-же недѣлѣ я узнаю и отвѣтъ... Хотя, вѣрнѣе, онъ мнѣ немедленно напишетъ... А это письмо я пошлю сейчасъ, съ курьеромъ...

— Ты не упомянулъ, что просишь за брата... что я твой братъ,—робко замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ, нѣсколько смущенный этимъ обстоятельствомъ.

— Да... упустилъ... Да все равно... къ чему это!—сказалъ графъ. И по его лицу никакъ нельзя было угадать: „упустилъ" онъ это случайно, или— „хотѣлъ упустить". — Назначить!—добавилъ онъ увѣренно.

Иванъ Яковлевичъ сталъ благодарить.

— За что?!—воскликнулъ графъ.—Помнишь, еще Гоголь сказалъ: „Надо похлопотать за родного человѣчка"!..

Иванъ Яковлевичъ чуть не фыркнулъ; онъ помнилъ, что не такъ, а совсѣмъ иначе объ этомъ сказалъ Грибоѣдовъ, а не Гоголь. Онъ распрощался съ братцемъ и пошелъ въ департаментъ, значительно обнадеженный..

„Кандидатъ самого князя Пылкина!" думалъ онъ. „Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, меня назначить... Пожалуй, теперь и „южный" кандидатъ того... съ носомъ!.."

* *
* *

Въ тотъ-же день, около четырехъ часовъ, князь Пылкинъ заѣхалъ „въ свое министерство“. По понедѣльникамъ, отъ четырехъ до пяти, онъ принималъ „лицъ, имѣющихъ до него надобность“.

Но, до пріема, князь вспомнилъ просьбу графа Клобуковскаго и позвонилъ.

Бравый и ловкій курьеръ „товарища“ явился и застылъ въ дверяхъ кабинета.

— Попроси директора.

Курьеръ испарился.. А черезъ двѣ минуты директоръ почтительно подходилъ къ огромному письменному столу товарища министра.

— Изволили требовать, ваше сіятельство?

— Скажите, Михаилъ Петровичъ, должность покойнаго Соси...

— Сосипатрова, — подсказалъ директоръ.

— Не замѣщена еще?

По тону „товарища“ директоръ сообразилъ сразу, что у него есть „свой кандидатъ“ и отвѣтилъ осторожно.

— Не замѣщена, ваше сіятельство. Но на югѣ у меня есть вполне подходящій человѣкъ...

— Нѣтъ, я хочу предложить вамъ своего кандидата.

— Я буду счастливъ назначить подчиненнаго по вашему указанію! — поспѣшилъ отвѣтить директоръ, но подумалъ въ это время: „конечно, я тебя назначу, выскочка... Но, ужъ и прижму я тебя, кто-бы ты ни былъ!..“

Онъ послалъ уже частное письмо „на югъ“, предлагая мѣсто старшаго архивариуса министерства этому „вполнѣ подходящему человѣку“, совершенно обнадежилъ его, самъ вполнѣ увѣренный, что предоставитъ ему это мѣсто, и вдругъ—такой сюрпризъ!..

— Пожалуйста, — продолжалъ князь. — Меня просить объ этомъ графъ Клобуковскій. А просьбу такого лица, вы понимаете, отклонить невозможно... Притомъ, предлагаемый имъ кандидатъ, по счастью, нашъ-же чиновникъ... служить что-то больше тридцати лѣтъ... Сейчасъ я скажу вамъ его фамилію... Князь досталъ изъ бумажника письмо графа Клобуковского и заглянулъ въ него. — Старшій столоначальникъ департамента, Андреевъ... Я что-то не помню...

— Статскій совѣтникъ Андреевъ.

— Каковъ?

— Я ничего не имѣю противъ него, ваше сіятельство, — сказали, скрѣпя сердце, директоръ, но, оставляя себѣ зацѣпку, добавилъ. — Хотя, за три мѣсяца, я еще не успѣлъ узнать близко всѣхъ служащихъ... Надо заглянуть въ формуляръ, навести негласно справки...

— Нѣтъ, придется назначить во всякомъ случаѣ... Нельзя, нельзя отказать Клобуковскому! — замѣтилъ князь. — И не все-ли равно: — архивариусъ! Ума много не надо, творчества тоже не требуется и украсть нечего...

— Конечно, ваше сіятельство..

— Смотри только, чтобы крысы дѣла не съѣли... ха-ха-ха! — засмѣялся князь.

— Хе-хе-хе!—немедленно отозвался директоръ.

— Такъ заготовьте докладъ объ этомъ назначеніи немедленно, чтобы я могъ утвердить его въ среду,—заклучилъ князь Пылкпнь.

* *
* *

Директоръ вернулся въ свой кабинетъ очень раздосадованный. Каково положеніе!.. Каково положеніе—послѣ письма, посланнаго „на югъ“ третьяго дня, писать сегодня отказъ?! Скандаль!.. Настоящій скандаль!.. Онъ потребовалъ формулярный списокъ статскаго совѣтника Андреева. Но, разсмотрѣвъ его, онъ убѣдился, что прицѣпиться положительно не къ чему, и приказалъ позвать самаго Андреева.

„Подѣйствовало!“ рѣшилъ Иванъ Яковлевичъ и, пригладивъ волосы да стряхнувъ папиросный пепель съ лацкановъ виць-мундира, вошелъ въ кабинетъ директора.

— Господинъ Андреевъ?—спросилъ директоръ, будто не узнавая Ивана Яковлевича, оглядывая его съ головы до ногъ, не вставая самъ и не приглашая сѣсть подчиненнаго.

„Не доволенъ,“ сообразилъ сразу Иванъ Яковлевичъ и отвѣтилъ:—Такъ точно, ваше превосходительство.

— Вы желаете занять мѣсто старшаго архиваріуса?

— Былъ бы крайне доволенъ этимъ назначеніемъ, ваше превосходительство...

— Конечно вы были-бы довольны! Но не страдаетъ-ли отъ этого дѣло?.. Вамъ осталось всего два года до полной пенсїи, и, я полагаю, привыкать въ эти годы къ новому дѣлу—трудновато...

— Ваше превосходительство, въ виду своей старости, я и прошусь на покойную должность— въ архивъ...

— Архивъ—покойная должность?!—воскликнулъ, будто изумленный, директоръ.—Напрасно вы такъ думаете. И я съ вами не согласенъ. По моему архивъ—далеко не мѣсто покоя и отдохновенія... И я предупреждаю васъ теперь-же: я буду дѣлать внезапныя ревизїи архива... Вообще, „отдыхать“ на службѣ нельзя! Отдыхать можно въ отставкѣ... Рекомендую вамъ подумать, лучше отказаться отъ этой должности и, до выслуги полной пенсїи, остаться на своей...

Не даромъ Иванъ Яковлевичъ прослужилъ чиновникомъ тридцать три года. Онъ понялъ опять сразу, что дѣйствительно сталъ поперекъ дороги какому-нибудь южному кандидату самаго директора, какъ понялъ и то, что, если не откажется отъ этой должности, пожалуй, не достигнетъ благополучно свою тридцатипятилѣтнюю лямку и на своей...

— Если вашему превосходительству не угодно мое назначеніе, конечно я...

— Не въ томъ дѣло!—перебилъ желчно директоръ.—Хотя я скрываю... мнѣ крайне неприятно! Я вашъ прямой начальникъ, и раньше всего вы должны были обратиться ко мнѣ... А вы домогаетесь этого назначенія окольными путями...

— Какими-же окольными путями, ваше превосходительство?... Я просилъ только...

— Окольными, милостивый государь!— съ возрастающей злобой повторилъ директоръ. — Какое отношеніе вы имѣете... Какое вы можете имѣть отношеніе къ графу Клобуковскому?!

— Онъ мой младшій братъ, ваше превосходительство...

Директоръ взглянулъ на своего столоначальника, какъ на умалишеннаго.

— Вашъ братъ?.. Вы—Андреевъ?..

— Совершенно вѣрно-съ... Мой сводный братъ... Моя покойная матушка, овдовѣвъ, вышла замужъ за графа Клобуковскаго...

Директоръ переставилъ на край стола коробку съ папиросами, открылъ ее и сказалъ, указывая на кресло, противъ себя:

— Садитесь, пожалуйста!..

БЛАЖЕННЫЕ.

Б л а ж е н н ы е.

— А Фани спитъ? — спросилъ Константинъ Петровичъ, входя въ комнату.

— Спитъ, — отвѣтила Анна Антоновна.

— А пора гулять. Пойдемъ одни...

— Да, посмотримъ какова погода. И, если нынче тихо, вернувшись, пустимъ ее съ Машей...

И они стали собираться...

Константинъ Петровичъ и Анна Антоновна Артишочки были люди средняго возраста и жили въ Петербургѣ, „на свои средства“, ни въ чемъ себѣ не отказывая, что называется — „въ свое удовольствіе“... Артишочки нигдѣ не служилъ, только числился гдѣ-то на службѣ „для чиновъ“ и „дочислился“ уже до статскаго совѣтника, значитъ былъ — „почти генераль“...

Они жили въ просторной и свѣтлой квартирѣ, въ самомъ центрѣ города, держали лошадей и много прислуги, которая дѣлала за нихъ рѣшительно все. Сами они ничего не дѣлали, кушали много, часто и вкусно, спали на мягкихъ poste-

ляхъ и уже двадцать лѣтъ подрядъ очень любили другъ друга... Когда они были еще женихомъ и невѣстой, онъ сталъ звать ее—Ансей, а она его—Киксой, и такъ они называли другъ друга и поднесь...

Вѣроятно отъ такой спокойной, счастливой и сытой жизни и Кикса и Анси были люди полные и ожирѣвшіе. Докторъ приказалъ имъ гулять каждый день между завтракомъ и обѣдомъ. И, дорожа своимъ здоровьемъ, они слушались доктора и гуляли ежедневно...

Въ тѣ дни, когда рѣдкое въ Петербургѣ солнышко свѣтило въ окна и по дыму, подымавшемуся изъ трубъ сосѣднихъ домовъ, было видно, что на улицѣ нѣтъ и вѣтра, Кикса и Анси брали съ собою на прогулку свое „золото“, свою „крошку“, свое „единственное сокровище“—Фани... Но, если небо было мрачно или даже чуть-чуть облачно, они шли гулять вдвоемъ, раньше смотрѣли „какова погода“ и отправляли Фани гулять съ ея няней—съ Машей. Вернувшись съ прогулки, они знали уже, какъ одѣть Фани, чтобы она не простудилась... Ахъ, она была такъ нѣжна, такъ чувствительна къ простудѣ! Чуть что—сейчасъ закашляетъ... Конечно, если, какъ сегодня, Фани спала въ то время, когда надо было идти гулять, Кикса и Анси не будили ее и уходили тоже одни...

И, уходя сегодня и оставляя свое „сокровище“ на няню, по обыкновенію, они отдали ей приказаніе не отходить отъ спящей Фани, какъ только она проснется, дать ей одну лепешку „Альбертъ“, которыя Фани очень любила, и хорошень-

ко занять ее до ихъ прихода, чтобы Фани не скучала...

Солнца не было; но погода была такая тихая и теплая—словцо не осенью, а весной—такъ что, выйдя на улицу, Кикса и Анси постояли нѣкоторое время на подъѣздѣ, совѣтуясь, не вернуться ли домой, чтобы подождать, пока Фани проснется, и идти гулять вмѣстѣ съ нею... Но, наконецъ, и вторично они рѣшили послать ее послѣ, съ няней, взялись, какъ всегда, подъ руку и пошли...

— Куда же мы пойдёмъ?—спросилъ Кикса.— Я не люблю ходить безъ цѣли...

— Пойдемъ за мячикомъ для Фани... Ты общалъ ей вчера... Вотъ и—цѣль... Пойдемъ на Невскій; я видѣла тамъ, въ одномъ магазинѣ, прехорошенькіе мячки,—предложила Анси.

— Отлично!—согласился Кикса.

И они шли на Невскій, не торопясь, медленнымъ шагомъ, какимъ ходятъ люди гуляющіе „для моціона“...

* * *

Когда они переходили какую-то улицу, съ ними случилось маленькое но досадное приключеніе... Маленькое, потому что оно не причинило большого вреда ни Киксѣ, ни Анси; досадное — во-первыхъ, потому что Кикса очень разсердился, а сердиться было ему вредно, такъ какъ у него начиналась уже „болѣзнь печени“; во-вторыхъ, потому, что новое плюшевое пальто Анси было вымазано уличной грязью, и Анси тоже разсерди-

лась; а ей было вредно сердиться, такъ какъ у нея начиналось уже „ожирѣніе сердца“...

Дѣло было въ томъ, что нѣкій „мерзавецъ—мальчишка“, лавочникъ, везъ на ручной телѣжкѣ какое-то старое желѣзо, ломъ какой-то, и, поворачивая въ ту улицу, которую, не торопясь, переходили Кикса и Анси, не успѣвъ во-время сдержать передъ ними телѣжку, и она, прокатившись около Анси, выпачкала колесомъ ея пальто...

Кикса очень разсердился. Онъ подозвалъ городского, объявилъ ему, что онъ генераль такой-то и живетъ тамъ-то, и приказалъ узнать, изъ какой лавки этотъ „мерзавецъ“ и сдѣлать чрезъ полицію внушеніе и ему и его хозяину... Городовой принялъ большое участіе въ непріятности Киксы и Анси. Но какой-то прохожій молодой человекъ, въ потрепанномъ пальто, замѣтилъ громко и съ ожесточеніемъ, что мальчишка не могъ сдержать телѣжки, потому что ему лѣтъ двѣнадцать, и онъ малъ и безсиленъ.

— Сами, на резинахъ катаясь, кругомъ грязь разбрасываютъ — ничего... А мальчишку съѣсть готовы! — добавилъ невоздержанный молодой человекъ.

И Кикса разсердился еще сильнѣе. Взглянувъ презрительно на молодого человека, онъ твердо повторилъ городовому свое приказаніе и пошелъ съ Ансей дальше...

Пальто Анси было вымазано не настолько, чтобы было „неприлично“ продолжать прогулку. Они дошли до Невскаго, купили за шесть гри-

вертъ очень хорошенкѣй мячикъ и, не спѣша, вернулись домой уже безъ приключеній...

Впрочемъ, недалеко отъ дома, Анси (она была же женщина доброй души, добрѣе Киксы, хотя и его считали „мягкимъ“ человѣкомъ) обратила вниманіе на нищую-женщину съ ребенкомъ и—содрогнулась... И женщина, очень легко одѣтая, была какая-то испитая, очевидно больная; но у ребенка, едва завернутаго въ грязныя тряпицы, все лицо было покрыто золотушными язвами и смотрѣть на него было, дѣйствительно, и жалко, и тошно...

— Кикса, посмотри на этихъ несчастныхъ! Дай ей что-нибудь, — сказала Анси.

— Ну... мнѣ лѣнь разстегиваться!—отвѣтила раздражительно Кикса.

— Не сердись же, не сердись, голубчикъ!.. Тебѣ это вредно!—заволновалась, Анси. — Лѣнь, такъ и не надо...

* * *

Когда они позвонили у себя въ квартирѣ, горничная Саша отворила имъ дверь, и они вошли въ переднюю. Маленькая Фани радостно выбѣжала къ нимъ на встрѣчу.

— Не подходи!.. Не подходи, малютка!.. Мы холодные!—закричала испуганно Анси.—Маша!.. Маша!! Гдѣ ты?!

Маша выскочила изъ сосѣдней комнаты и схватила Фани на руки.

— Мы холодные, а она бѣжить прямо на насъ и—простудится! Что ты смотришь?—ворчала Анси.

— И сколько разъ тебѣ объ этомъ говорили!—добавилъ сердито и Кикса.

— Мы все время вмѣстѣ играли, барыня!—оправдывалась Маша и унесла Фани въ столовую...

Когда Анси сняла верхнее платье и обогрѣлась, и она прошла съ мужемъ туда же.

— Теперь—можно!.. Теперь можно ко мнѣ, мое золото!.. Крошечка ты моя!.. Дѣточка! Малюточка!—говорила она, принимая Фани отъ Маши и цѣлуя ее и въ носикъ, и въ лобикъ.—Смотри, что мы тебѣ сегодня купили!.. Смотри-ка!..

Кикса развернулъ уже мячикъ и держалъ его за спиной.

— Пусти ее на полъ,—сказалъ онъ женѣ.

И, когда Анси спустила Фани, Кикса бросилъ мячикъ на паркетъ. Мячикъ попрыгалъ и покатился по полу, и Фани стремительно побѣжала за нимъ... Рѣзвясь, она играла мячикомъ, а Кикса, Анси и Маша любовались ею...

— Ну, дѣточка, а теперь, пока свѣтло, надо идти гулять... Довольно! Довольно бѣгать, а то вспотѣешь и простудишься... Кашлять будешь опять, чихать!..

И Анси догнала Фани и взяла ее опять на руки.

— Гуленьки!.. Теперь Фани пойдетъ гуленьки!.. Съ няней пойдетъ... Со своей няней... Одѣваться, Маша! Скорѣе одѣваться!.. Фаничка гуленьки хочетъ!.. Сейчасъ няня костюмчикъ принесетъ...

— Какой прикажете, барыня: голубенькій или зеленый?—спросила Маша.

— Я думаю, сегодня можно—голубенькій?—спросила Анси мужа.

— Холодно не было-бы... Зачѣмъ рисковать!—замѣтила благоразумно Кикса.

— Ну, неси зеленый. А то, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ — вѣтеръ... Тепло — тепло, а все-таки—осень!..

Фани поставили на обѣденный столъ; Анси и Маша нарядили ее; всѣ полюбовались ею; Кикса и Анси долго цѣловали ее опять и, наконецъ, Маша взяла ее на руки и понесла „гуленьки“...

Анси проводила ихъ до входныхъ дверей.

— Только все-таки—не долго, Маша!—говорила она. — А если вѣтеръ подымется, сейчасъ же—домой!.. Немного дай ей пройтись и ножками, а потомъ опять возьми на руки... Не дай Богъ, кто-нибудь толкнетъ, ушибетъ... Не зѣвай, пожалуйста!..

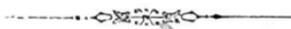
*
* *

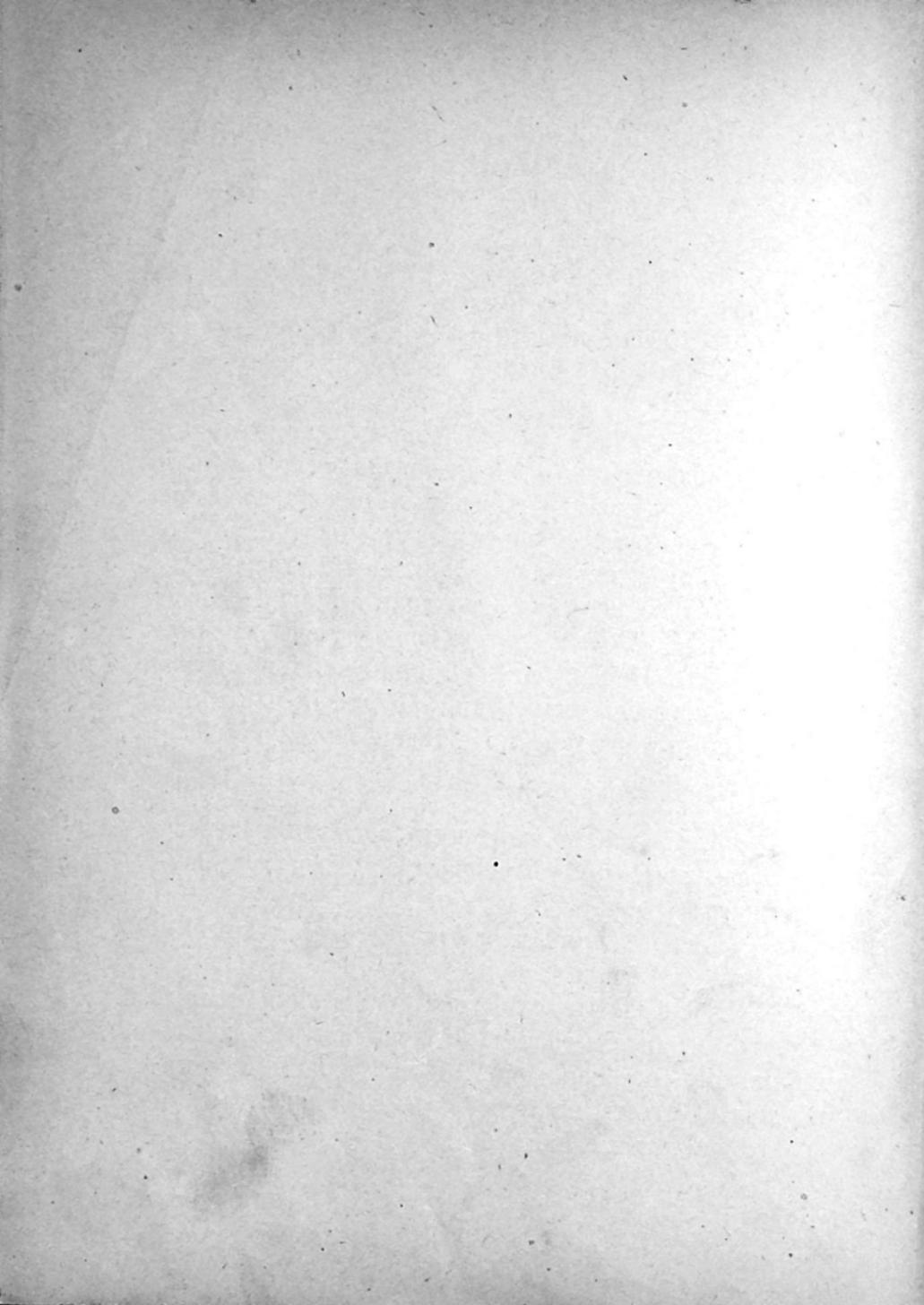
— А вы все съ параднаго крыльца шмятесь, сколько ни говори!—заворчалъ на Машу старикъ-швейцарь.

— Господа приказываютъ, потому и ходимъ!—отпрыгнулась Маша.

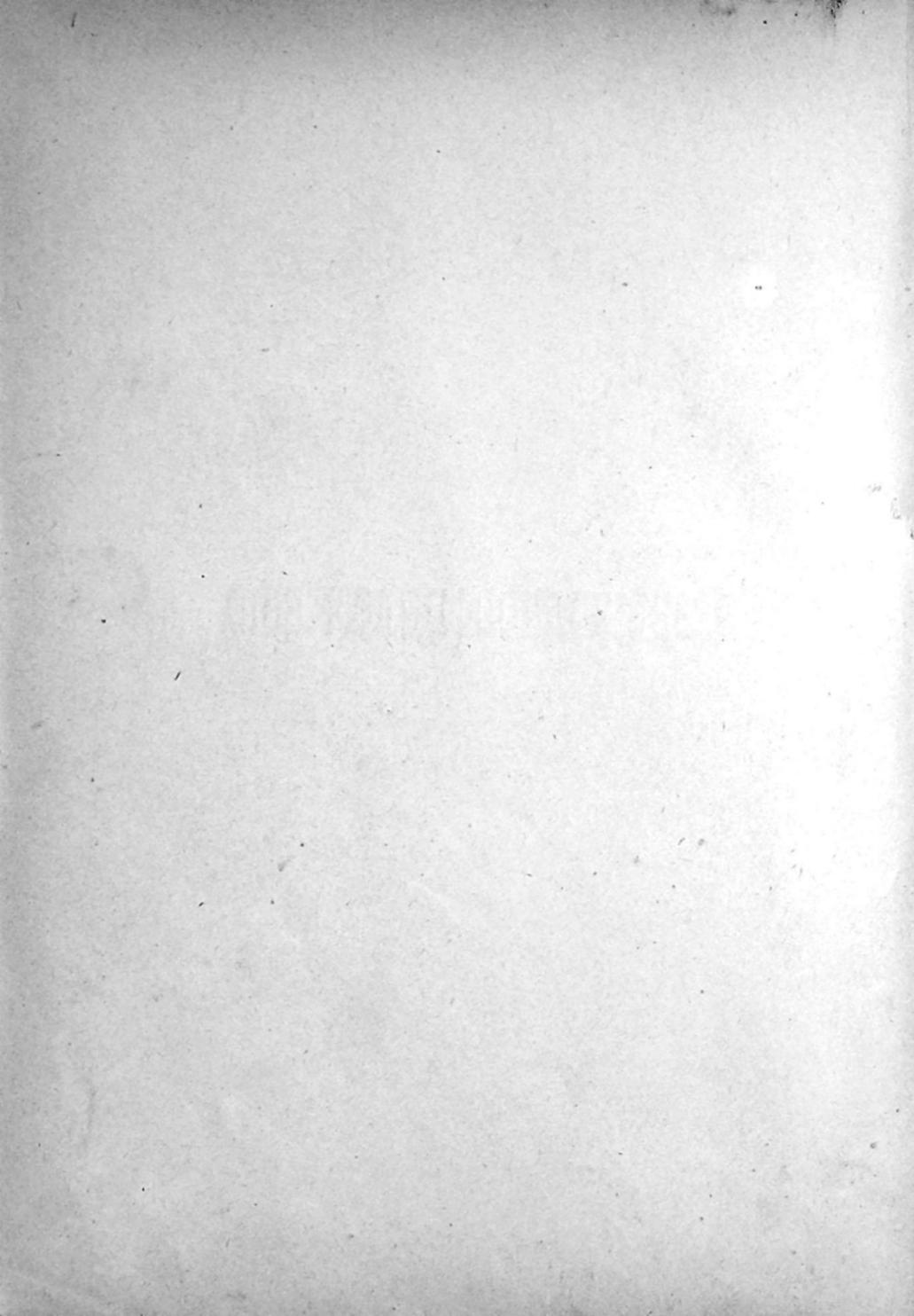
— Господа! Не одни они по этой лѣстницѣ живутъ! А другіе господа жалуются... И правильно, потому—не порядокъ... И по черной лѣстницѣ можно водить на прогулку—собачку...

Да, читатель, Фани была—собачка!..

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Безвыходное положеніе.

Когда Митѣ Крюкову было тринадцать лѣтъ и онъ былъ во второмъ классѣ гимназін, сосѣдомъ его по партѣ былъ Сениа Карпунинъ. И, какъ то, въ началѣ учебнаго года, Сениа очень удивилъ Митю—открылъ ему нѣчто новенькое, о чемъ самъ Митя еще не додумался..

Первый урокъ по субботамъ былъ „арифметика“, и во время этого урока учитель и въ то же время класный наставникъ гимназистиковъ второго класса, Николай Ивановичъ — очень добрый человекъ—выдавалъ обыкновенно „свидѣтельства“ —таблички съ баллами, полученными за истекшую недѣлю... И сегодня, въ концѣ урока, онъ выдалъ эти таблички...

По обыкновенію, у Мити Крюкова были средніе баллы изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка стояла опять единица... О, до чего этотъ латинскій языкъ и эти единицы измучили Митю Крюкова! Съ тоскливымъ вздохомъ онъ взглянулъ на свидѣтельство и спряталъ его въ одну

изъ тетрадокъ, чтобы отнести послѣ уроковъ домой...

Да, опять предстояло то-же... Брань и угрозы отца, а быть можетъ и—наказаніе... Унылое лицо матери... Мама, кажется, боится папу... Когда папа сердится на Митю, и она не разговариваетъ съ нимъ. И бабушка будетъ ворчать; а если и приласкаетъ и поцѣлуетъ, тоже непременно — когда ни папы ни мамы не будетъ въ комнатѣ... А сестра, Вѣра, будетъ смѣяться... Она старше Мити, прекрасно учится и всегда насмѣхается надъ Митей, когда у него какое-нибудь „горе“ — единица, или что-нибудь подобное... Вообще, завтра предстоитъ опять скучное, противное воскресенье... Никуда не пустять, даже — гулять... Развѣ бабушка возьметъ съ собою въ церковь, если пойдетъ сама. Въ церковь нельзя не пустить... А все-таки — развлеченіе. И главное, не быть дома хоть часъ-другой... Пирожного не дадутъ... А пирожное, какъ нарочно, бываетъ только по праздникамъ и по воскресеньямъ... Никогда, ни одна единица не прошла Митѣ даромъ! И наказанія папа придумываетъ все строже и строже. Недавно, къ обѣду пріѣхали гости, и, чтобы осрамить Митю, онъ приказалъ ему сѣсть не къ общему столу, а къ тому, на который во время обѣда прислуга составляетъ грязныя тарелки, и рассказывалъ гостямъ, что Митя наказанъ за единицу... Стыдно было — до слезъ.. Два раза онъ грозилъ уже „выпороть“... „Неужели и это когда-нибудь случится?“ думалъ Митя, слушая эту угрозу...

„Что-то будетъ за эту единицу“? трусливо спрашивалъ онъ себя и сегодня. „Вдругъ, въ этотъ разъ и выпореть?! И гдѣ напa учился самъ? Если то-же въ гимназiи, онъ долженъ знать, какъ легко получить единицу“ ...

Съ тоскливымъ выраженiемъ на грустной и словно обиженной мордочкѣ, онъ простоялъ у стѣны въ корридорѣ пятиминутную переѣмь, между первымъ и вторымъ уроками. Второй урокъ былъ „рисованiе“. Во время этого урока большинство гимназистовъ дѣлало обыкновенно что хотѣло. Учитель понималъ, что у всѣхъ сорока человекъ класса не можетъ быть ни способностей, ни любви къ его предмету, и занимался только съ тѣми мальчиками, у которыхъ видѣлъ задатки дарованiя. А такихъ было въ классѣ пять-шесть человекъ. И, занимаясь съ избранными усердно и съ любовью, онъ не стѣснялъ прочихъ дѣтей. Потому—одинъ читалъ какое-нибудь „путешествiе“, другой готовился къ слѣдующему уроку, третiй игралъ съ сосѣдомъ „въ перышки“. Учитель требовалъ только, чтобы въ классѣ было тихо, и тѣхъ, кто шумѣлъ или шалилъ, посылалъ къ стѣнѣ, подъ развѣшенныя на ней географическiя карты. „Постерегите-ка Африку!“ говорилъ „онъ въ такихъ случаяхъ“ ...

Во время этого урока Сеня Карпухинъ и „заинтересовалъ“ Митю Брюкова.

Сеня получилъ свидѣтельство съ двойкой, все изъ того-же латинскаго языка, и теперь, расправивъ табличку на подложенной тетрадкѣ, сталъ выскабливать эту двойку. Склонивъ голову на

бокъ и чуть-чуть высунувъ и прикусивъ языкъ— поза, въ которой онъ дѣлалъ всякое дѣло, требовавшее неослабнаго вниманія и осторожности,— онъ скоблилъ, не торопясь и едва касаясь бумаги кончикомъ хорошо отточенного перочиннаго ножа...

— Что ты дѣлаешь?—изумился Митя.

— Сфискалить хочешь? Попробуй!..

— Что ты! Когда-же я фискалилъ!—обидѣлся Митя.—Что ты скоблишь?..

— Двойку...

— Зачѣмъ?

— Хочу ее помножить...

— Да развѣ можно?!

— Нѣтъ, нельзя... Только мой батька дерется за единицы и за двойки... А у меня и уши не гутаперчевыя, и волосы не приклеены:—болжно... Вотъ, я ему вмѣсто единицъ и двоекъ и подношу всегда четверки и пятерки.

— И онъ не замѣчаетъ, что ты подскабливаешь?

— Подписывать подаю во-время, потому и не замѣчаетъ!..

— Какъ—во-время? Когда-же?—спросилъ оживленно Митя, думая и въ своей бѣдѣ воспользоваться практикой товарища.

— Въ воскресенье, послѣ обѣда. Онъ въ это время бываетъ всегда выпивши...

— Выпивши?.. Кто?.. Твой папа?

— Ну, да!

Воспользоваться практикой товарища не пришлось. „Мой папа никогда не бываетъ выпивши“, подумалъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ Митя.

— Увидить, что единицы вѣтъ, — шепталъ тѣмъ временемъ Сеня:—и подмахнетъ криво-косо: „Егоръ Карпухинъ—читаль“... А ужъ если очень „клянувши“ — мамѣ прикажетъ подписать... И тогда — что хочешь подсуны!.. Она по писанному и читать-то не умѣетъ. А имя свое пишетъ совсѣмъ каракулями, и не—Софія, а—Савія... Постои!—прервалъ себя этотъ мальчикъ—„дока“.—Еще бумагу проскребешь, разговаривая... Тонкая, чтобъ ее!..

Онъ продолжалъ свое занятіе опять молча. И видно было, что онъ занимается этимъ дѣломъ не въ первый разъ. Выскобливъ двойку, онъ сгладилъ мелкія шероховатости бумаги ногтемъ большого пальца, потеръ скобленное мѣсто кусочкомъ бѣлой бумаги и, переждавъ минуту-другую, выставилъ, едва нажимая перомъ, на мѣстѣ испарившейся двойки цифру „5“.

— Смотри, ловко?

— Совсѣмъ незамѣтно!—дивился Митя.

— Ловко!—повторилъ Сеня, любуясь и самъ чистотою своей работы...

— Карпухинъ, а какъ же ты возвращаешь потомъ свидѣтельство съ подскобками Николаю Ивановичу?—спросилъ Брюковъ, уже въ концѣ урока рисованія.

— Да ты развѣ ему возвращаешь?—спросилъ, вмѣсто отвѣта, Карпухинъ.

— Дежурному. А тотъ—ему...

— „Дежурному!“—передразнилъ Сеня.—Фефела ты, вотъ что! Станетъ ихъ дежурный разсматривать! Въ кучу собрать и положить на

каоедру. А Николай Ивановичъ такъ, кучей, и уноситъ. И тоже нестанетъ ихъ на свѣтъ разглядывать...

— Конечно, не станеть...

И мысленно Митя пожалѣлъ еще разъ о томъ, что папа его не бываетъ „выпивши“, а мама и читаетъ и пишетъ бѣгло, какъ и папа...

* *
*

„Выпореть въ этотъ разъ... Кажется, непременно выпореть!“ думалъ онъ на третьемъ урокъ, на „Закопѣ Божьемъ“... И онъ сталъ припоминать, въ какихъ выраженіяхъ, въ прошлую субботу, отецъ общалъ его „выпороть“...

„Вотъ, принеси ты мнѣ еще хоть разъ единицу,—я тебя непременно выпорю! Вижу, что съ тобой больше нечего дѣлать, мерзавецъ-мальчишка!...“

Именно такъ сказала тогда отецъ... „И выпореть!“ рѣшалъ Митя. И ясно представлялъ онъ себѣ, какъ ему будетъ стыдно, когда его выскуютъ... Хуже чѣмъ было тогда, при гостяхъ, за обѣдомъ... Должно быть, „держать“ онъ позоветъ дворниковъ... А вдругъ, прикажетъ Серафимъ и Машѣ!.. Еще стыднѣе будетъ:—бабы... Мама не заступится, потому что это будетъ дѣлать папа, и значитъ—такъ надо... Бабушка? Ее не послушаютъ... А Вѣра будетъ смѣяться и радоваться... Злая она дѣвчонка!.. И подругамъ расскажетъ... А тѣ такія-же злыя, какъ она“...

— Карпухихъ, выскобли и мою единицу,— нерѣшительнымъ шепотомъ попросилъ Митя въ концѣ третьяго урока.

— Ишь ты!—воскликнулъ Сеня.—Попадешься фефѣла, а я за тебя отвѣчай! Ну, нѣтъ!..

— Ей Богу, если попадусь, скажу, что это я самъ!..

— Нѣтъ, братъ, врешь!.. Да и нельзя на Законѣ Божьемъ... Батка въ очкахъ, въ четыре глаза смотритъ...

— Ну—въ большую перемѣну!

— Нѣтъ!

— Ну—на латинскомъ!..

— Отстань! Сказаль—не стану... Что я тебѣ за подскобщикъ достался!.. Я свою двойку скобилъ, а ты скобли свою единицу...

— Пожалуйста, Карпухинъ!..

— Убирайся къ чорту!..

Мордочка Мити Крюкова была уже не печальна, а озабочена. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ средство избавиться отъ единицы, а потому и отъ посрамленія, отъ „порки“, мысль воспользоваться этимъ средствомъ и „избавиться“, какъ легко избавляется отъ побоевъ отца Сеня, засѣла въ его головѣ. И большую перемѣну онъ простоялъ у стѣны, въ корридорѣ, около классныхъ дверей. Но на лицѣ его не было уже той безысходной тоски и того тупого отчаянія, съ которыми онъ стоялъ на этомъ мѣстѣ въ первую перемѣну. Теперь, по его оживленнымъ каримъ глазамъ, можно было сразу угадать, что онъ что-то обдумываетъ, соображаетъ и рѣшаетъ... „Предложу ему за это

мой альбомчикъ съ марками"! рѣшилъ онъ наконецъ, вспомнивъ, что на дняхъ Карпухинъ взялъ съ общаго товарища, съ Петрова, дюжину золотыхъ перьевъ за то, что сдѣлалъ ему по ариеметикѣ задачу. „Предложу; тогда онъ — выскоблить“...

Сторожъ далъ звонокъ, и начался четвертый и послѣдній урокъ:—латинскій языкъ...

Какъ только учитель—чехъ—вызвалъ кого-то изъ товарищей „отвѣчать“, Митя присталъ опять къ Сенѣ съ просьбой „подскоблить“ и съ перваго-же слова сталъ соблазнять его „альбомчикомъ“ съ коллекціей марокъ.

— И альбома твоего мнѣ не надо! — уперся Сеня.—Если бы ты былъ другой, я бы сдѣлалъ. А ты фифѣла:—попадешься! Скобли самъ!..

— Я-бы подскобилъ, Карпухинъ, да не умѣю! Проскоблю бумагу...

— Такъ сдѣлай изъ единицы четверку... Ужъ тутъ нечего умѣть. И скоблить не надо...Только крючекъ придѣлать...

Митя созналъ теперь и самъ, что онъ фифѣла. Въ самомъ дѣлѣ: кажется простая штука, а ему и она не пришла въ голову... Правда, и скоблить не надо; придѣлалъ только крючекъ, и—все... Это, конечно, онъ съумѣетъ сдѣлать и самъ...

Онъ досталъ табличку и приставилъ къ единицѣ крючекъ. Свидѣтельство вдругъ и совершенно измѣнилось. Стояли все хорошія и удовлетворительныя отмѣтки; а сдѣланная Митей четверка казалась совсѣмъ „настоящей“, была поразительно

похожа на „въ самомъ дѣлѣ настоящую“, выставленную по-русскому языку... И, стоя на непривычномъ мѣстѣ, въ графѣ по латинскому языку, эта четверка до того заняла и заинтересовала Митю, что нѣсколько разъ во время урока онъ доставалъ изъ тетрадки свидѣтельство и подолгу смотрѣлъ и на нее и на общій прекрасный видъ недѣльной таблички. Съ нея онъ переводилъ глаза на учителя латинскаго языка, на Каршика, и думалъ съ злорадствомъ: „Много взялъ? Вотъ меня и не высѣкутъ изъ-за тебя! Все-таки—не высѣкутъ“!..

Но въ концѣ урока лицо его приняло опять озабоченное выраженіе.

— Кардунинъ,—прошепталъ онъ:—а вдругъ папа не повѣритъ, что я получилъ изъ латыни четверку?..

— А ты скажи, что Каршикъ только и ставитъ: или единицу, или четверку. Хорошо знаешь—четыре, плохо—коля...

— Вотъ, развѣ такъ сказать, — согласился Митя и опять успокоился...

Урокъ кончился. Пришелъ инспекторъ. Прочли „молитву послѣ ученія“. Затѣмъ инспекторъ „пустилъ классъ“, оставивъ только тѣхъ, кто попалъ сегодня за какую-нибудь провинность въ штрафной журналъ. Остальные ребятишки, перегоняя другъ друга, посыпались съ лѣстницы, какъ горохъ, одѣлись въ швейцарской и разошлись по домамъ. Кто спѣшилъ домой съ хорошими баллами и легкимъ сердцемъ, а кто шель, не торопясь, съ единицами и двойками и тяжелыми думами,

въ ожиданіи „выговоровъ“, „нотацій“, „шлениа“, „злостнаго вышучиванія“, а то и— „порки“...

* *
*

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неожиданно свершившагося „избавленія“ отъ „единицы“ и всѣхъ ея грустныхъ послѣдствій, и Митя выбѣжалъ изъ гимназіи „съ легкимъ сердцемъ“ и пошелъ было домой очень скорыми шагами. Но, дойдя до улицы, на которой жилъ со своими родителями, онъ уже замедлилъ шаги; а къ подъѣзду онъ подходилъ и совсѣмъ тихо... Нахлынуло совершенно новое, до селѣ невѣдомое ощущеніе—стыдъ... Прежде, когда онъ возвращался по субботамъ домой съ единицей, ему бывало и страшно въ ожиданіи наказанія, и грустно, и тоскливо; теперь онъ несъ „эту“ четверку, и ему было тоже страшно, но какъ-то иначе страшно, а главное—стыдно. Такъ стыдно, будто онъ укралъ что-нибудь... Онъ хотѣлъ себѣ представить, какъ покажетъ свидѣтельство родителямъ, бабушкѣ и сестрѣ и что будетъ отвѣчать на ихъ вопросы, но, сколько ни старался, не могъ себѣ этого вообразить; онъ не бывалъ еще въ этомъ положеніи, никогда никого не обманывалъ и не зналъ еще, какъ это лгутъ, когда нельзя сказать правду...

Первое знакомое лицо, попавшееся ему дома, былъ швейцаръ Антонъ. Встрѣтившись съ нимъ на подъѣздѣ, Митя внезапно опустилъ глаза и такъ, съ опущенными глазами, и прошелъ мимо него... И на горничную, отворившую дверь по его

звонку, онъ не могъ взглянуть... Онъ спалъ еще въ одной комнатѣ съ бабушкой и понесъ въ эту комнату ранецъ съ книгами. Бабушка, бодрая старушка небольшого роста, сидѣла въ мягкомъ креслѣ, у окна, и чинила какое-то бѣлье.

— Митюша, а ты и не поздоровался со мной?—спросила она удивленно.

Онъ подошелъ и, цѣлуя ея руку, низко, низко наклонился... А бабушка, видя его смущенное лицо, спросила ворчливо, но и сочувственно.

— Неужели, опять съ единицей?!

— Нѣтъ...

— Безъ единицы?—воскликнула она радостно. — Ну, молодецъ! Покажи скорѣе свидѣтельство... И двоекъ нѣтъ?..

— Нѣтъ...

Долго Митя рылся въ тетрадкахъ, будто розыскивая свидѣтельство, и, наконецъ, подаль его бабушкѣ. Она взяла табличку и стала ее внимательно разсматривать, очевидно любуясь отмѣтками.

„Я поставилъ этотъ крючекъ, я“! думалъ въ это время Митя...

— Давай я тебя за это крѣпко-крѣпко поцѣлую!—сказала бабушка и, обнявъ внука, поцѣловала его въ голову.

Онъ робко поцѣловалъ ея руку. А въ горлѣ у него щекотало, першило, будто пересохло. И уши горѣли. И ему такъ хотѣлось заплакать!..

— Бѣги, родной, покажи мамѣ...

Митя поздоровался съ мамой и подаль свидѣтельство ей...

Она быстро взяла его, взглянула тревожно, но тутъ-же вздохнула облегченно.

— Видишь, голубчикъ, когда захочешь, можешь учиться... И смотри, даже—четверка!...

Сконфуженный Митя сталъ торопливо лгать.

— Карникъ только и ставить четверки и единицы... Хорошо—единица, плохо—четверка...

— То-есть, наоборотъ! — улыбнулась мама и, притянувъ къ себѣ Митю, тоже поцѣловала его.— Слава Богу, сказала она:—и папа не будетъ сегодня сердиться... Положи табличку къ нему на столъ...

Папа, очень занятой человекъ, приѣхалъ домой, по обыкновенію, передъ самымъ обѣдомъ и, какъ всегда, прошелъ въ свой кабинетъ снять вицъ-мундиръ, надѣть пиджакъ и взглянуть на письма, полученные въ его отсутствіе и положенныя на письменномъ столѣ. А въ это время, тоже по разъ навсегда заведенному порядку, подали обѣдъ, и вся семья ждала въ столовой его прихода.

Тревожно и трепетно и Митя ждалъ выхода отца изъ кабинета. Лицо его пылало, и каріе глазенки, то и дѣло, поглядывали на дверь кабинета. Онъ хотѣлъ уловить моментъ, когда отецъ покажется въ дверяхъ, чтобы раньше, чѣмъ онъ скажетъ что-нибудь, угадать по выраженію его лица—обмануть онъ, какъ мама и бабушка, или нѣтъ...

— Смотри, до чего онъ запуганъ; онъ боится его даже сегодня.—шепнула бабушка мамѣ...

Папа вышелъ наконецъ, и Митя невольно вздрогнулъ, не смотря на то, что на лицѣ отца играла улыбка, торжествующая и самодовольная, — улыбка побѣдителя.

— Видишь, дрянной мальчишка! — сказалъ онъ, здороваясь съ Митей. — Вѣдь можешь учиться. Пообщайся выпороть — четверку принеси! То-то и есть... Меня, братъ, не обманешь!.. Я знаю, что ты можешь учиться. А не хочешь, лѣнишься... Ну, а за четверку — молодецъ!..

И, потрепавъ ребенка по щекѣ, онъ сѣлъ за столъ, расправилъ усы и съ удовольствіемъ выпилъ рюмку водки...

* *
*

Весь вечеръ Митя прятался по темнымъ угламъ отъ старшихъ и отъ сестры Вѣры. Ему было стыдно смотрѣть имъ въ глаза. И раньше обыкновеннаго, до десяти часовъ, онъ пошелъ спать. Но заснулъ онъ не скоро... Пробило одиннадцать часовъ, пробило и двѣнадцать; бабушка пришла уже изъ столовой въ свою комнату и, медленно раздѣваясь, ходила по комнатѣ въ мягкихъ, войлочныхъ туфляхъ. А Митя все еще не спалъ... Укутавшись въ теплое одѣяло и крѣпко замуривъ глаза, онъ лежалъ, отвернувшись къ стѣнѣ, и плакалъ тихо, беззвучно.

Онъ сознавалъ, что обманулъ всѣхъ.. И ему было стыдно, гадко, горько... Онъ сознавалъ и то, что теперь уже каждую недѣлю долженъ будетъ придѣлывать къ единицѣ крючекъ, и до времени

обманывать всѣхъ, или же отецъ будетъ свѣчь его за единицы... Тринадцатилѣтній ребенокъ натолкнулся уже на „безвыходное положеніе“, натолкнулся впервые, и его охватило отчаяніе...

Бабушка погасила свѣчу, затеплила передъ образницей лампаду и, опустившись предъ нею на колѣни, стала молиться... Митя взглянулъ на бабушку, не раздумывая всталъ съ постели и босой, въ одной рубашонкѣ, пошелъ къ ней. Она испуганно оглянулась.

— Что съ тобой, Митюша?

Онъ опустился на полъ, обнявъ ее и разрыдался.

— Бабушка, бабушка! Я обманулъ и тебя и всѣхъ!..

— Что ты, Митя! Какъ ты обманулъ? Когда?

— Я крючекъ сдѣлалъ! Я!.. Четверку сдѣлалъ... Тамъ была единица... Прости! Прости меня, бабушка!..

— Дѣточка!— ужаснулась старушка.

— Я не могу, бабушка, я не могу!.. Я не знаю стараго, а надо все—впередъ! Каждый день новое, цѣлыми страницами!.. Я спутался, я не понимаю, что онъ учить... Бабушка, дорогая, милая, что мнѣ дѣлать?! Я самъ не знаю!.. Помогите мнѣ! Помогите!..

ПРОЕКТЪ.

Проектъ.

Къ широкому подъѣзду большого казеннаго зданія подкатила пара вороныхъ. Городовой, стоявшій на посту около этого зданія, подбѣжалъ къ коляскѣ и, одною рукой отворяя дверцы ея, другою дѣлалъ „честь“, несмотря на то, что изъ экипажа выѣзла не военная, а статская особа. Правда, особа была пожилая, тучная и на видъ вообще—важная. Старый и на свой образецъ тоже „важный“ швейцаръ, съ полчаса напряженно поджидавшій чего-то у парадныхъ дверей, увидя вороныхъ, крикнулъ своему „помощнику“ : „пріѣхали“ и, моментально разставшись со своею „важностью“, опрометью побѣжалъ на подъѣздъ принимать особу отъ неумѣло суетившаго около нея городского. Помощникъ швейцара поднялъ голову кверху, въ пролетъ широкой лѣстницы, и крикнулъ, какъ въ рупоръ, то же слово—„пріѣхали“. А поймалъ его стоявшій на площадкѣ лѣстницы старшій курьеръ съ медалями. Черезъ открытую на лѣстницу дверь онъ подалъ рукою знакъ стоявшимъ въ прихожей

трѣмъ курьерамъ помоложе, безъ медалей. Они, какъ напуганныя мыши, побѣжали стрѣмглавъ въ разныя стороны и скрылись въ разныхъ дверяхъ, а онъ, позвякивая медалями, побѣжалъ внизъ и попалъ въ швейцарскую какъ разъ вѣремя. Швейцаръ снялъ уже съ особы верхнее платье, и она восходила по лѣстницѣ. Курьеръ получилъ отъ швейцара цилиндръ и трость съ золотымъ набалдашникомъ и понесъ и то и другое за особой.

А въ это время и младшіе курьеры успѣли выполнить возложенныя на нихъ обязанности. Одинъ, пробѣгая по всѣмъ присутственнымъ комнатамъ, оповѣщалъ чиновниковъ о томъ, что особа пріѣхала; другой доложилъ объ этомъ отдѣльно экзекутору; третій влетѣлъ въ пріемную, наскоро распахнулъ дверь, ведущую въ кабинетъ самой особы, и, проскользнувъ къ сосѣдней двери и распахнувъ и ее, вскочилъ въ этотъ покой и, оставившись у порога, закричалъ, вѣщая словно о пожарѣ или объ иномъ значительномъ бѣдствіи.

— Ваше превосходительство, его превосходительство пріѣхали!

Сидѣвшій въ этой комнатѣ пожилой господинъ въ вицъ-мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ, вскочилъ изъ-за стола съ такой торопливостью, будто и въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь вблизи загорѣлось, и побѣжалъ. На ходу онъ сбросилъ пенсне, пригладилъ сѣдые волосы, и безъ того причесанные очень гладко, съ боковымъ проборомъ, потрогалъ, поправляя, и галстукъ и крестъ подъ нимъ, а въ то же время не громко но внушительно говорилъ поспѣвавшему за нимъ курьеру.

— Я нѣсколько разъ поправлялъ тебя... Нельзя докладывать: „его превосходительство прѣѣхали“. Надо говорить: „Ихъ превосходительство прибыли“. Запомни. Иначе я прикажу тебя оштрафовать...

Но они пробѣжали уже около кабинета особы и должны были разстаться. Курьеръ ухватился за ручку открытой двери въ кабинетъ, сразу остановился и застылъ въ этой позѣ, какъ на сценѣ статистъ, окончательно приготовившійся къ живой картинѣ. А господинъ съ крестомъ на шеѣ пробѣжалъ дальше въ прихожую, гдѣ въ трехъ шагахъ отъ входныхъ дверей, стояли уже два освободившіеся курьера и экзекуторъ—пожилой чиновникъ, съ широко пробритымъ подбородкомъ и Владиміромъ въ петлицѣ потертаго виць-мундира—и сталъ у самыхъ дверей, впереди экзекутора. И такъ какъ съ лѣстницы доносились уже тяжелые шаги тучной особы и слышенъ былъ ея знакомый кашель, господинъ съ крестомъ на шеѣ тоже окончательно „приготовился“. Нѣсколько изогнувшись, онъ сдѣлалъ такое почтительное и ласковое лицо, съ какимъ люди поздравляютъ „новорожденную“ бабушку, отъ которой ждутъ наслѣдства, и смотрѣлъ, не смигивая, на входную дверь.

И, не смотря на то, что этотъ „разводъ съ церемоніей“ производился изо дня въ день безъ малѣйшихъ упущеній или добавленій, встрѣча выходила всегда одинаково торжественной. Такою вышла она и сегодня. Особа вступила въ прихожую, кивнула курьерамъ и экзекутору, въ отвѣтъ на ихъ почтительнѣйшій поклонъ, и, протянувъ нѣсколько пальцевъ стоявшему впереди второсте-

пенному генералу, сопровождаемая имъ по приемной, сказала на ходу.

— Зайдите ко мнѣ, Іуда Ивановичъ. Есть неотложное дѣло.

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣтилъ Іуда Ивановичъ, идя, по обыкновенію, будто и рядомъ съ особой, но въ сущности держаась „на полкорпуса“ позади,

И особа, Іуда Ивановичъ и старшій курьеръ съ цилиндромъ и тростью, пройдя мимо временно застывшаго младшаго курьера, скрылись въ дверяхъ кабинета.

Экзекуторъ опустилъ голову и поплелся медленнымъ шагомъ на свое мѣсто, какъ старая лошадь—въ давно знакомое стойло, а молодой курьеръ, притворивъ безшумно дверь въ кабинетъ, вздохнулъ съ облегченіемъ, извлекъ изъ кармана тряпицу не первой свѣжести, вытеръ ею выступившія на носу и на лбу капли пота и пошелъ на площадку лѣстницы—покурить.

Живая картина, въ которой онъ участвовалъ, кончилась, и онъ могъ передохнуть.

* *
*

Особа, встрѣченная такъ торжественно, былъ директоръ департамента „Благихъ Начинаній“ . первостепенный генералъ Проломовъ. Второстепенный генералъ, приглашенный директоромъ въ кабинетъ, былъ начальникъ перваго отдѣленія департамента—отдѣленія „Непредвидѣнныхъ Осложненій“—Іуда Ивановичъ Виляевъ.

Хотя въ департаментѣ „Благихъ Начиначій“, кромѣ этого отдѣленія, было еще два отдѣленія: „Невыполнимыхъ Обѣщаній“ и „Непреодолимыхъ Препятствій“, и, естественно, въ нихъ было и по начальнику отдѣленія, однако, изъ трехъ одинъ Виляевъ встрѣчалъ директора въ прихожей, вмѣстѣ съ курьерами и экзекуторомъ. Почему это было такъ—кто знаетъ! Но, вѣроятно, какую-нибудь выгоду Іуда Ивановичъ извлекалъ изъ этого, потому что—кто же станетъ встрѣчать въ прихожей хотя-бы и начальство только изъ любви къ искусству?

Вообще, начальство притягивало къ себѣ Виляева, какъ магнитъ притягиваетъ сталь, и нѣкоторымъ изъ товарищей и подчиненныхъ Іуды Ивановича казалось, что онъ злоупотребляетъ этимъ „тяготѣніемъ къ начальству“. И, пожалуй, они были правы. Никто изъ чиновниковъ не зналъ конечно, безъ сколькихъ минутъ въ четыре, или во сколько минутъ пятаго директоръ придетъ въ данный день въ департаментъ; а Іуда Ивановичъ зналъ это всегда и безошибочно и въ любой день являлся на службу ровно за четверть часа до пріѣзда директора. Тѣмъ болѣе никто не сумѣлъ бы угадать, въ какой именно вечеръ директору вздумается поѣхать въ клубъ—развлечься; а Іуда Ивановичъ угадывалъ и это и пріѣзжалъ въ клубъ непременно въ тотъ-же вечеръ. И тамъ, прогуливаясь съ директоромъ по гостинымъ, онъ разговаривалъ съ директоромъ уже не о служебныхъ дѣлахъ, а такъ, о томъ, о семъ и между прочимъ о товарищахъ и подчиненныхъ... Даже когда ди-

ректоръ ѣздилъ въ негласный отпускъ, ѣхаль такъ сказать „пикогнишо“, и проводы на вокзалѣ не были предусмотрѣны и предложены чинамъ департамента, Іуда Ивановичъ зналъ и день и часъ отъѣзда его превосходительства, забѣгалъ на минутку, будто по своей надобности на тотъ самый вокзалъ, чрезъ который директоръ выбывалъ изъ столицы, и... присутствовалъ „случайно“ при отъѣздѣ начальника. Подобная же „случайность“ помогала ему и встрѣтить возвращающагося изъ кратковременной отлучки директора... И такимъ образомъ, почти всегда и всюду всѣ видѣли Іуду Ивановича около директора. И удивительно ли, что въ концѣ-концовъ и директоръ привыкъ къ Іудѣ Ивановичу, какъ къ вещи, безъ которой никакъ нельзя обойтись—къ портсигару, къ карманнымъ часамъ, къ носовому платку или—къ зубочисткѣ? Удивительно-ли, что онъ привыкъ къ почтительно и ласково улыбающемуся лицу Виляева, къ его мягкимъ шагамъ, ступающимъ позади, и къ осторожному и всегда обдуманному шопоту, которымъ Іуда Ивановичъ „насвистывалъ“ (такъ выражались чиновники) ему все, что, по его мнѣнію, начальству не мѣшаетъ знать и вѣдать?.. Удивительно-ли, наконецъ, что въ иныхъ случаяхъ и самъ директоръ обращался за разными свѣдѣніями и даже за совѣтами не къ кому-нибудь другому изъ подчиненныхъ, а къ нему, къ Іудѣ Ивановичу?

А Іуда Ивановичъ именно того и добивался всю жизнь, чтобы начальство привыкало къ нему, какъ—къ зубочисткѣ...

* *
*

Директоръ грузно опустился въ кресло. Курьеръ поставилъ на окно цилиндръ, прислонилъ къ стѣнѣ трость и, не особенно граціозно балансируя по паркету и ступая смѣлѣе по ковра, удалился безшумно, притворивъ за собою дверь. Иуда Ивановичъ стоялъ съ привычной ласковой улыбкой, ожидая, что скажетъ генераль.

Генераль сказалъ: „Садитесь, Иуда Ивановичъ“, и только тогда Иуда Ивановичъ сѣлъ.

— Вчера вечеромъ,—началь оживленно директоръ:—мнѣ пришелъ въ голову серьезный проектъ...

„Опять?! Опять проектъ!..“ подумалъ Иуда Ивановичъ. Но, такъ какъ директоръ заговорилъ о „серьезномъ“ проектѣ, онъ немедленно согналъ съ лица улыбку и изобразилъ на немъ глубокое вниманіе.

— Поутру я его обдумалъ подробно,—продолжалъ директоръ:—и теперь немедленно надо его обработать и изложить... Какъ можно скорѣе... Вопросъ большой, чрезвычайно важный и—секретный.

Иуда Ивановичъ не то стиснулъ зубы, не то поджалъ губы, будто хотѣлъ показать директору наглядно, какъ онъ будетъ хранить этотъ секретъ, если генераль осчастливитъ его—повѣдастъ сущность секрета. И генераль осчастливилъ Иуду Ивановича. Онъ досталъ изъ бумажника доскутокъ бумаги и протянулъ его Вилеву.

— Вот окончательно утвержденный мною подробный заголовокъ проекта, — сказали онъ. — Взгляните, и все станетъ вамъ ясно...

Туда Ивановичъ принялъ бережно бумажку, съ благоговѣніемъ прочелъ написанное на ней и помня, что это — „секретъ“, положилъ бумажку на столъ чистой стороною кверху, а написанной — къ сукну.

— Чрезвычайно важный и существенный вопросъ, ваше превосходительство, — сказали онъ, видя, что директоръ ждетъ его замѣчанія.

— Несомнѣнно... Теперь вопросъ — кому поручить разработку? Вы видите, что составленіе этого проекта нельзя поручить любому чиновнику. Тутъ мало знанія и ума. Тутъ нужна любовь къ дѣлу. Надо, чтобы проектъ былъ написанъ горячо, убожденно.

— Совершенно справедливо, ваше превосходительство!

— Вопросъ этотъ ближе всего подходитъ къ дѣлопроизводству отдѣленія „Непредвидѣнныхъ Осложненій“. И потому составленіе проекта слѣдуетъ поручить кому-нибудь изъ вашихъ столоначальниковъ... Я думаю — Бодаеву... Талантливый чиновникъ

— Кому прикажете, ваше превосходительство, — сказали осторожно Виляевъ и подумалъ: „Слава Богу, что не мнѣ самому“.

— Нѣтъ, я не желаю „приказывать“, — возразилъ съ легкой досадою директоръ. — Я спрашиваю вашего мнѣнія... Вы лучше, ближе знаете ихъ...

Иуда Ивановичъ увидѣлъ возможность сдѣлать сразу два „дѣла“: „подложить свинью“ несимпатичному подчиненному и выдвинуть подчиненнаго любимчика. Онъ не любилъ Бодаева за прямоту и рѣзкость и издавна выжидалъ случая „напакостить“ ему у директора.

— Осмѣлюсь предложить вашему превосходительству поручить эту работу Надежину. Несомнѣнно, господинъ Бодаевъ талантливый человѣкъ, но...

— Что?—спросилъ нетерпѣливо директоръ.

Дальше Иуда Ивановичъ заговорилъ уже „осторожнымъ шопотомъ“, „насвистывая“...

— Отнюдь не желая поколебать лестное мнѣніе, высказанное вашимъ превосходительствомъ о господинѣ Бодаевѣ, я считаю однако своимъ долгомъ доложить откровенно свое мнѣніе, какъ въ виду приказанія вашего превосходительства, такъ и для пользы дѣла... Насколько я понимаю, особенно этотъ проектъ долженъ быть написанъ во всемъ и непремѣнно согласно указаніямъ вашего превосходительства... Между тѣмъ, критическое направленіе ума нерѣдко препятствуетъ господину Бодаеву слѣдовать указаніямъ высшихъ... Вопреки твердо и ясно выраженному желанію начальства, онъ, зачастую, направляетъ дѣло по своему, разъ только...

— Да-а?—протянулъ директоръ, опять перебивая.

Но, послѣ этого „да“ Виляеву и не зачѣмъ было продолжать. Онъ уловилъ тонъ, которымъ оно было сказано, и уже убѣдился, что если и не „большую свинью“, то во всякомъ случаѣ „поря-

дочного поросенка“ онъ подложилъ Бодаеву. Разработка проекта, конечно, не будетъ теперь поручена этому столоначальнику, и вообще директоръ отмѣтитъ его въ своей памяти...

— Такъ вы думаете поручить Надежину?— спросилъ дѣйствительно генераль.

— Осмѣливаюсь указать именно на Петра Петровича Надежина...

— Тоже дѣльный человѣкъ? Я мало знакомъ съ его работами.

— Чрезвычайно дѣльный, ваше превосходительство!—подхватилъ Виляевъ.—Тоже изъ молодыхъ, однако совсѣмъ другой школы, иного направленія...

Иуда Ивановичъ рассчитывалъ сказать еще кое-что въ пользу Надежина. Но, сдѣлавъ свое дѣло, зубочистка падоула генералу...

— И прекрасно... Поручимъ Надежину,—перебилъ онъ Виляева.—Пошлите его ко мнѣ теперь же, за указаніями. За эту работу надо приняться немедленно...

— Слушаю, ваше превосходительство!—отчеканилъ Иуда Ивановичъ, вставая, и вышелъ изъ обширнаго кабинета, ни разу не повернувшись къ директору спиной.

А это—не шутка. Такой „уходъ“ удается только чиновникамъ, уже справившимъ тридцатипятилѣтній юбилей...

* * *

Вернувшись въ свой кабинетъ, Иуда Ивановичъ засталъ тамъ Бодаева, плотнаго мужчину, съ

широкими размашистыми манерами и открытымъ, насмѣшливымъ лицомъ. Онъ просматривалъ официальную газету и, казалось, посмѣивался и надъ нею, надъ газетою.

Иуда Ивановичъ подбѣжалъ суетливо прямо къ кнопкѣ электрическаго звонка, позвонилъ и только тогда поздоровался съ Бодаевымъ.

— Мое почтеніе, добрыйшій Павелъ Михайловичъ!—сказалъ онъ, расшаркиваясь и дружески, продолжительно потрясая руку Бодаева.

— Здравствуйте,—лѣжливо отвѣтилъ тотъ, бросая газету на столъ и переводя насмѣшливый взглядъ на своего начальника.

— Попроси ко мнѣ Петра Петровича Надежина,—приказалъ Иуда Ивановичъ явившемуся на звонокъ курьеру и, когда тотъ скрылся, обратился опять къ Бодаеву.—Его превосходительство пожелали поручить Петру Петровичу разработку новаго, весьма серьезнаго и притомъ секретнаго проекта...

— Какъ, опять проектъ?.. Еще проектъ!?—спросилъ насмѣшливо Бодаевъ.

— И притомъ весьма важный,—подтвердилъ Виляевъ, дѣлая видъ, что не замѣтилъ насмѣшливаго тона столоначальника.—Сколько я ни старался, мнѣ не удалось уговорить его превосходительство поручить эту работу вамъ...

— Очель радъ вашей неудачѣ!—замѣтилъ Бодаевъ.

Виляевъ изобразилъ на лицѣ своемъ полное недоумѣніе.

— Рады?

— Конечно, радъ! Несомнѣнно, опять что-нибудь не только „серьезное, важное и секретное“, но и немислимое, невыполнимое, а по-просту—несуразное!..

Но на этомъ словѣ Бодаевъ остановился, потому что Іуда Ивановичъ торопливо заткнулъ пальцами уши и зажмурился. Глядя на него, Бодаевъ ухмыльнулся уже презрительно. А Іуда Ивановичъ переждалъ нѣсколько секундъ и, чуть-чуть пріоткрывъ одинъ глазъ, спросилъ шопотомъ:

— Вы кончили?..

— Кончили!—сказалъ Бодаевъ, махнувъ рукой. Но тутъ же онъ воскликнулъ оживленно.—Да вы знаете какой проектъ я писалъ однажды? До сихъ поръ я помню этотъ знаменитый заголовокъ. „Проектъ о предоставленіи возможности всѣмъ и каждому приносить жалобы на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ и о сохраненіи за лицами, коимъ таковыя жалобы приносятся, права—оставлять оныя безъ разсмотрѣнія“!.. Нѣтъ, довольно! Съ меня—довольно! Пусть теперь Петръ Петровичъ лакомится этими проектами... Его чередъ. А я сытъ по горло!..

Іуда Ивановичъ осторожно, не сразу открылъ оба глаза и освободилъ отъ пальцевъ ушныя впадины.

— Я не слыхалъ того, что вы говорили, добрѣйшій Павелъ Михайловичъ,—сказалъ онъ.—Но, какъ добрый и старшій товарищъ, осмѣливаюсь посовѣтовать вамъ.., Будьте осторожны! Въ департаментахъ и стѣны имѣютъ уши... Совершенно неожиданно можно сразу испортить карьеру...

— Бываетъ!—процѣдилъ Бодаевъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вѣбжалъ Петръ Петровичъ Надежинъ. Онъ и всегда бѣгалъ, а не ходилъ, или, пожалуй, ходилъ, но—второе скорѣе чѣмъ ходять обыкновенно люди. И писалъ онъ тоже скорѣе другихъ: въ то время, когда другой столоначальникъ могъ исписать только одинъ листъ бумаги кругомъ, Петръ Петровичъ исписывалъ два. И говорилъ онъ быстро, не запинаясь, будто скороговоркой. Сидѣть совершенно спокойно, безъ движенія, онъ тоже не могъ и, работая или разговаривая, грызъ непрестанно конецъ своей рѣдкой бородки. Работалъ онъ до изнуренія и переутомленія и потому былъ блѣденъ, худъ и раздражителецъ. Но—не съ начальствомъ. Съ начальствомъ—и не только съ крупнымъ, но со всякимъ—онъ былъ, напротивъ, очень сдержанъ, и развѣ только что-нибудь совершенно исключительное могло заставить его отнестись къ начальству критически. Столоначальникъ онъ былъ самолюбивый: дѣло, порученное ему начальствомъ, онъ считалъ своимъ долгомъ выполнить точно, аккуратно и непременно въ срокъ, чего бы это ему ни стоило. Но въ тоже время онъ былъ чиновникъ корыстолюбивый: онъ хотѣлъ, чтобы начальство замѣчало и оцѣнивало по достоинству каждую исполненную имъ работу и не оставалось у него въ долгу при распределеніи чиновъ, крестовъ и прочихъ „великихъ и богатыхъ милостей...“

— Вы требовали меня, Іуда Ивановичъ?—спросилъ онъ, влетая въ кабинетъ.

— Просиль, а не „требоваль“, милѣйшій Петръ Петровичъ,—мягко поправиль его Виляевъ.—Его превосходительство желаютъ поручить вамъ разработку серьезнаго и секретнаго проёкта.

— Да?!—воскликнулъ Надежинъ такъ радостно, будто просидѣлъ безъ работы цѣлый годъ и немовѣрно соскучился.

— И приказали явиться сейчасъ-же за указаніями...

— Значить работа спѣшная?!—спросиль такъ-же радостно Петръ Петровичъ, поправляя уже вицъ-мундиръ и прическу.

— Чрезвычайно спѣшная... Идите же, идите!

Черезъ мгновеніе Надежинъ былъ уже въ приемной, и старшій курьеръ съ медалями, стоявшій теперь у закрытыхъ дверей кабинета, пошелъ докладывать о немъ директору.

Директоръ далъ ему самыя подробныя указанія, какъ составить задуманный проеکتъ, объяснилъ насколько, по его мнѣнію, осуществленіе этого проекта важно для всей Россіи, милостиво сострилъ, что теперь вся его надежда въ Надежинѣ, чѣмъ очень польстиль Петру Петровичу, и въ заключеніе попросиль его „въ особое ему, директору, одолженіе“ представить проеکتъ въ готовомъ и переписанномъ видѣ въ пятницу.

А сегодня былъ уже вторникъ... Трое суток! Работа оказалась дѣйствительно спѣшная, и врядъ-ли кто, помимо Петра Петровича, справился бы съ нею въ такой короткій срокъ. И надо было видѣть, какую Петръ Петровичъ „запоролъ горячку“, какъ только выскочиль изъ кабинета директора.

Прежде всего онъ забѣжалъ къ Вилляеву и доложилъ ему, что, съ разрѣшенія директора, эти три дня онъ будетъ заниматься дома, что-бы не отвлекаться отъ проекта текущими дѣлами.

Иуда Ивановичъ задержалъ его на минутку. Бодаева не было уже въ кабинетѣ, и Вилляевъ сообщилъ теперь Петру Петровичу, что директоръ хотѣлъ поручить разработку проекта непременно Павлу Михайловичу, но онъ всетаки настоялъ на томъ, чтобы эта работа была дана ему, Надежину. Петръ Петровичъ горячо благодарилъ Иуду Ивановича...

— Вы понимаете, вѣдь это пахнетъ Анной на шею. И—не въ очередь...

— Вы думаете, дадутъ Анну?

— Несомнѣнно!.. И особенно, если вамъ удастся выразить именно то, что задумано его превосходительствомъ... Понимаете, если удастся уловить духъ...

— Духъ, кажется, я уловилъ...

— И—съ Богомъ! Торопитесь... Дѣйствуйте...

— До свиданья... Глубоко признателенъ...

— Всего хорошаго...

Петръ Петровичъ побѣжалъ въ отдѣленіе „Непредвидѣнныхъ Осложненій“ и наскоро передалъ управленіе столомъ своему помощнику. Оттуда онъ перебѣжалъ въ переписную, гдѣ именемъ директора приказалъ машинисту-переписчику Колотушкину придти къ нему на квартиру съ машинкой, къ восьми часамъ вечера. Изъ переписной онъ бросился къ канцелярскому чиновнику Павіанову, которому предложилъ немедленно собрать и при-

слать ему на домъ около десятка дѣлъ, необходимыхъ для справокъ при составленіи проекта... И, чрезмѣрно переполнивъ свой портфель еще всякими бумагами, которыя тоже могли понадобиться, и захвативъ съ собою по нѣскольکو дестей сѣрой, полу-бѣлой и бѣлой бумаги, Петръ Петровичъ уѣхалъ на извозчикѣ домой.

* * *

Дома, нѣсколько величаясь, Петръ Петровичъ объявилъ женѣ и тещѣ, что самъ директоръ поручилъ ему написать очень серьезный и секретный проектъ, при утвержденіи котораго многое въ Россіи измѣнится къ лучшему, и потому потребовалъ: во-первыхъ, чтобы ему не мѣшали; во вторыхъ, чтобы гостей эти три дня не пускали; въ-третьихъ, чтобы всячески унимали отъ шума дѣтей, и въ-четвертыхъ, чтобы завтракъ и обѣдъ ему подавали въ кабинетъ, и—наскоро...

Жена Петра Петровича сразу приуныла. По бывшимъ примѣрамъ, она знала, что, раньше чѣмъ многое измѣнится къ лучшему въ Россіи, у нихъ въ домѣ все пойдетъ теперь вверхъ дномъ, потому что Петръ Петровичъ будетъ раздражаться. Эти три дня изъ-за каждаго пустяка и прежде всего поссорится вѣроятно съ тещей, съ которой и въ обычное время онъ не ладилъ...

Такъ и случилось, и—немедленно...

— Что же вамъ за это дадутъ?—внезапно спросила Петра Петровича теща и разозлила его этимъ вопросомъ.

— Что дадутъ? Почему я знаю, что мнѣ дадутъ? Можетъ быть, и ничего не дадутъ,—сказалъ онъ презрительно, желая показать свое несуществующее безкорыстіе.

— А если ничего не дадутъ, стоитъ ли изводиться за лишней работой!

— А ужъ это мое дѣло!—огрызнулся Петръ Петровичъ.

— Не только—ваше! И жены вашей дѣло... И безъ того такъ извелись своими бумагами, что стали похожи на комара...

— Нельзя ли безъ подобныхъ сравненій!..

— Конечно,—на комара!—настаивала теща.— Ослабѣли совсѣмъ и лимонный цвѣтъ лица получили... А пріятно ли это женѣ?!

— Но вамъ-то, вамъ какое дѣло? Кто васъ-то спрашиваетъ!—крикнулъ Петръ Петровичъ, вскочилъ, убѣжалъ и хлопнулъ дверью.

И онъ заперся въ кабинетѣ, немедленно за сѣлъ за работу и писалъ, не отрываясь, до обѣда. Обѣдалъ онъ „въ кабинетѣ и наскоро“, тоже торопясь, какъ передъ отходомъ поѣзда на станціи желѣзной дороги. Въ шесть часовъ курьеръ привезъ дѣла, а въ восемь явился со своей машинкой Колотушкинъ. Петръ Петровичъ устроилъ его тутъ же, въ кабинетѣ, и немедленно усадилъ за работу, потому что успѣлъ уже написать четыре листа проекта. И, переписывая ихъ, Колотушкинъ забарабанилъ по кнопкамъ своей машинки. А Петръ Петровичъ продолжалъ писать за письменнымъ столомъ.

Но часа через два сосѣдство Колотушкина стало его изводить. Рѣзкіе, частые и однозвучные удары машиниста, раздражая его, не давали ему сосредоточиться на работѣ; мысли стали отвлекаться въ сторону, и онъ сидѣлъ, кусалъ бородку и думалъ не о проектѣ, а о предметахъ, если и не совсѣмъ постороннихъ, то во всякомъ случаѣ не имѣющихъ прямого отношенія къ проекту.

„Что дадутъ?! Дадутъ Анну на шею. Вотъ, что дадутъ!“ думалъ онъ между прочимъ. „А у кого изъ столоначальниковъ есть Анна на шею?.. Ни у кого... И—откроется вакансія начальника отдѣленія, кому ее предоставить? Я думаю, тому столоначальнику, у котораго есть Анна на шею, а не тому, у кого ея нѣтъ... А представится выгодная командировка, — кому ее предложить?..“

„Что дадутъ“?! Вотъ—что дадутъ!.. Глупая баба! Стану я ей все это объяснять и рассказывать... Дура! Кикимора!.. А не дадутъ Анны — къ пасхальнымъ наградамъ прибавятъ рублей триста-четыреста... Тоже — шутка? Комарь!.. Лимонный цвѣтъ лица!.. А почему?.. Ради кого?.. Для себя, что-ли, я хлопочу и стараюсь?.. У меня „лимонный цвѣтъ лица“, а супруга моя, ея же доченька, въ такихъ нарядахъ щеголяетъ, что и женѣ начальника отдѣленія были бы къ лицу! И сама-то она какъ сыръ въ маслѣ катается тоже за счетъ моей „комариной“ виѣшности... Скажите пожалуйста! Я же и виноватъ, что доработался до лимоннаго цвѣта лица!.. Пожалѣли!.. Завыли волки, козу съѣвши“!...

Онъ принялся было за работу. Но судорожныя постукиванія Колотушкина изводили его сильнѣе прежняго. Петръ Петровичъ бросилъ опять работу и перевелъ переписчика съ его машинкой въ смежную съ кабинетомъ комнату, гдѣ стояли сундуки и шкапы и спала горничная; ей онъ приказалъ перебраться на эти три дня въ кухню, къ кухаркѣ. Горничная перетащила кровать и постель съ воркотней и пошвыривашемъ...

И, когда Колотушкинъ переселился изъ кабинета, Петръ Петровичъ могъ опять работать спокойно, а потому—быстро и производительно.

Однако, не прошло и получаса,—кто-то постучался. Предполагая, что Колотушкинъ идетъ за какимъ-нибудь разъясненіемъ, Петръ Петровичъ, не вставая, пригласилъ войти. Но на порогѣ появилась со свѣчей въ рукахъ полуодѣтая и взволнованная теща.

— Что это, Петръ Петровичъ! — воскликнула она.—На ночь глядя, вы помѣстили этотъ телеграфъ рядомъ со мной и съ дѣтьми! Дѣти заснуть не могутъ, плачутъ, боятся!..

Петръ Петровичъ разозлился.

— Не мѣшайте мнѣ, пожалуйста, работать! Это еще что за новости! Крикните на дѣтей... Уймите ихъ... Чего тутъ бояться? Что за глупости!..

— Какъ-же не бояться?! — запѣла теща.— Стучить, словно мертвецъ—зубами! И это—ночью!

— Какая чушь!—воскликнулъ и Петръ Петровичъ.—Во-первыхъ, мертвецъ никогда не стучить ни зубами и... ничѣмъ... Именно потому, что

онъ мертвецъ... Мертвый... Понимаете?! А во-вторыхъ... во-вторыхъ, я васъ прошу — оставьте вы меня въ покоѣ! Мнѣ надо работать!..

Теща ушла. Но черезъ часъ она ворвалась опять въ кабинетъ, и—уже безъ предварительнаго постукиванья и съ совершенно свирѣпымъ лицомъ.

— Это мучительство какое-то! Это тиранство, позвольте вамъ сказать!—закричала она.—Я женщина больная, пожилая и нервная, а вы нарочно устраиваете мнѣ бессонницу!..

— Убирайтесь вы къ чорту!—забывъ всякую деликатность, крикнулъ ей въ отвѣтъ переутомленный работою Петръ Петровичъ.

Теща всхлинула на всю квартиру и побѣжала къ дочери — жаловаться. Черезъ пять минутъ жена Петра Петровича пришла его упрекать. Петръ Петровичъ наговорилъ и ей массу колкостей, и она ушла тоже въ слезахъ.

Но и самъ Петръ Петровичъ уже настолько разстроился, что не могъ больше писать. А потому черезъ полчаса онъ отпустилъ и машиниста, чему Колотушкинъ безконечно обрадовался...

На слѣдующее утро, когда Петръ Петровичъ вышелъ въ столовую, къ чаю, жена объявила ему, что горничная отказалась отъ мѣста и ушла, заявивъ, что не желаетъ валяться, какъ собака, гдѣ попало.

— Но вѣдь я выселилъ ее только на три дня!..

— И трехъ дней не желаетъ...

— Такъ и чортъ съ ней! Она „не желаетъ“, а я не могу работать подъ эту молотьбу...

И Петръ Петровичъ захватилъ стаканъ чая и пошелъ въ кабинетъ, чтобы скорѣе засѣсть за работу. Но тамъ возилась, прибирая, кухарка Акулина... И, стирая пыль съ письменнаго стола, она такъ перепутала всѣ дѣла и бумаги, съ вечера разложенныя и оставленныя Петромъ Петровичемъ въ необходимомъ ему, удобномъ при работѣ порядкѣ, что теперь съ полчаса ему предстояло разбирать и раскладывать ихъ заново. Увидя это, онъ разозлился, какъ тарантулъ, и бросился къ столу.

— Что вы тутъ, старый чортъ, ерунду топчете!—закричалъ онъ въ изступленіи что-то совсѣмъ несуразное.

Акулина отскочила въ испугѣ.

— Ужь не совались-бы лучше сюда!

Кухарка оправилась отъ испуга, перешла въ другой уголъ комнаты и заворчала.

— Не по своей охотѣ и сунулась!.. Барыня приказали прибрать, потому что Дунька ушла... А я и не нанималась быть „одной прислугой“ и справлять всѣ ваши дѣла... Я и въ газетахъ публиковалась „знать одну кухню“. А за уборку комнатъ я не бралась... Барыня заставляютъ, а вы чертыхаетесь... Порядки тоже!..

Такимъ образомъ, въ первый-же день работы надъ проектомъ Петръ Петровичъ перессорился и съ женою, и съ тещею, и съ прислугою. А въ слѣдующіе два дня онъ воевалъ и съ дѣтьми. Какъ ни унимала ихъ мать, въ небольшой квар-

тирѣ шумъ и ревъ ихъ доносились въ кабинетъ, и время отъ времени Петръ Петровичъ врывался, какъ вихрь, въ дѣтскую и въ столовую и наскоро разговаривалъ по угламъ, или шлепалъ на лету голосистыхъ и горластыхъ Неточку, Пашеньку, Дашеньку, Фофочку и Вовочку, съ которыми въ обычное время былъ въ добрыхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ... Горничная такъ и не вернулась; теща уѣхала къ другой дочери, объявивъ, что не пріѣдетъ, пока зять не попроситъ у нея прощенія; жена и кухарка дулись на Петра Петровича, каждая по-своему, и входили къ нему только съ завтракомъ или съ обѣдомъ. И эти два дня—среду и четвергъ—Петръ Петровичъ провелъ какъ въ одиночномъ заключеніи и говорилъ, и то только по дѣлу—съ Колотушкинымъ, который тоже смотрѣлъ на него звѣремъ, потому что, перебѣляя листы проекта, стучалъ съ утра до ночи на машинкѣ и прямо обалдѣлъ отъ усталости...

Но зато Петръ Петровичъ успѣлъ-таки исполнить порученную директоромъ работу къ пятницѣ... И въ пятницу утромъ онъ прочелъ проектъ въ переписанномъ видѣ, остался очень доволенъ своимъ трудомъ, облекся въ виць-мундиръ и къ четыремъ часамъ, съ объемистой рукописью въ рукахъ, былъ уже въ родномъ департаментѣ „Благихъ Начинаній...“

* *
*

Товарищи Петра Петровича, понимавшіе сколько труда надо было затратить на эту работу, уди-

влялись, что онъ исполнилъ ее къ сроку, и поздравляли его съ успѣхомъ: — меньшинство отъ души, большинство—со скрытой завистью...

Когда пріѣхалъ директоръ, Іуда Ивановичъ по обыкновенію встрѣтилъ его въ прихожей и проводилъ въ кабинетъ, откуда минутъ черезъ пять вернулся въ свой, гдѣ Петръ Петровичъ поджидалъ его съ нетерпѣніемъ.

— Спрашивали? Приказали явиться?—кинулся онъ къ Виляеву.

— Н-нѣтъ... Не вспомнили... Но все-таки—идите... Приказано въ пятницу, значитъ вы должны явиться,—сказалъ Іуда Ивановичъ.

— Въ какомъ настроеніи?—освѣдомился Петръ Петровичъ, готовясь и оправляясь.

— Что-то въ мрачномъ... то есть, вѣриѣ сказать—въ апатичномъ. Разговариваютъ не хотя и все зѣваютъ... Это бываетъ съ ними иногда...

„Это некстати“! подумалъ Петръ Петровичъ. Но тутъ же онъ рѣшилъ, что интересующій директора проектъ развлечетъ и оживитъ его, и, пройдя въ пріемную, приказалъ курьеру „доложить“.

Войдя и онъ замѣтилъ сразу, что директоръ имѣетъ не то розочарованный, не то разслабленный, осовѣлый видъ. Будто его превосходительство внезапно разлюбилъ все, что доселѣ утѣшало и веселило его, или же вчера ужиналъ до позднихъ часовъ... Петръ Петровичъ поклонился издали; потомъ, быстро подойдя къ столу, за которымъ сидѣлъ директоръ, онъ поклонился вторично; наконецъ, когда директоръ лѣниво протя-

нулъ ему свою пухлую руку, онъ ухватилъ для самаго незначительнаго, осторожнаго рукопожатія концы ея пальцевъ и поклонился въ третій разъ.

— Здравствуйте... Что у васъ?—спросилъ вяло директоръ.

„Какъ—что у меня?.. Какъ—что?! У меня—проектъ“! думалъ, теряясь отъ такого пріема, Петръ Петровичъ.

— Ваше превосходительство изволили приказать разработать и доставить къ сегодняшнему дню проектъ о...

— Ахъ, этотъ проектъ!—вспомнилъ зѣвая (да, да—зѣвая) директоръ.—Знаете, я раздумалъ давать ему движеніе... Рановато... Мы мало подготовлены къ такимъ серьезнымъ реформамъ...

Что мямлилъ дальше директоръ, Петръ Петровичъ не слыхалъ... Въ первую минуту онъ такъ осатанѣлъ отъ раздраженія, что положительно не помнилъ себя, забылъ — и гдѣ онъ, и кто говоритъ съ нимъ. Былъ даже такой моментъ, когда Петръ Петровичъ хотѣлъ размахнуться объемистой рукописью и треснуть ею директора по головѣ... И слава Богу, что именно въ слѣдующій моментъ онъ уже очнулся и сообразилъ—и гдѣ онъ, и кто передъ нимъ, и кто онъ самъ...

— На будущей недѣлѣ я предложу вамъ разработать другой, новый проектъ... Теперь я его обдумываю,—говорилъ директоръ, какъ разъ въ то время, когда сознаніе вернулось къ Петру Петровичу.

— Слушаю-сь, ваше превосходительство...

— А эту рукопись сохраните все-таки... Не уничтожайте пока...

— Слушаю-сь, ваше превосходительство...

— Объемистая вышла, — процѣдилъ директоръ, мелькомъ и издали взглянувъ полусонными глазами на „проектъ“, и, зѣвнувъ и откинувшись на спинку кресла, добавилъ:— До свиданья...

— Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство!— сказала судорожно сдавленнымъ голосомъ Петръ Петровичъ и поплелся изъ кабинета, едва передвигая ноги. Ему казалось, что сдержанное, непроявленное бѣшенство вызоветъ у него немедленно нервный параличъ...

Но, добравшись до кабинета Іуды Ивановича, онъ уже не могъ сдержать захлестнувшей его злобы и проявилъ ее, не смотря на то, что тамъ были и Виляевъ, и Бодаевъ. Онъ бросилъ рукопись на столъ съ полнымъ ожесточеніемъ и блѣдный, взволнованный, не соразмѣряя голоса, какъ кликуша, сталъ выкрикивать отрывистыя фразы.

— Это чортъ знаетъ что!.. Это—насмѣшка! Это издѣвательство надъ личностью человѣка! Надъ его трудомъ!.. Заставить меня промучиться три дня и три ночи надъ работой и даже не взглянуть на нее!.. Онъ—„раздумаль“! „Рановато“!.. „Пока не уничтожайте“!.. Да вѣдь этому имени нѣтъ!.. Это...

Но тутъ Петръ Петровичъ опять опомнился, потому что случайно взглянулъ на Іуду Ивановича. И конечно, еслибы онъ взглянулъ на Виляева раньше, онъ и опомнился-бы раньше...

При первомъ же возбужденномъ восклицаніи Петра Петровича, Іуда Ивановичъ вскочилъ съ испуганнымъ лицомъ съ своего кресла, замахалъ руками и почему-то на цыпочкахъ побѣжалъ къ открытой двери въ приѣмную, которую плотно прикрылъ и даже заперъ на ключъ. И теперь онъ стоялъ около двери, то тревожно подыскивая, чѣмъ заткнуть замочную скважину, то поглядывая съ ужасомъ на Петра Петровича и все время шикалъ ему взволнованнымъ шопотомъ. А когда, наконецъ, Надежинъ замѣтилъ его и смолкъ, оборвавъ внезапно фразу, Іуда Ивановичъ вздохнулъ облегченно и сказалъ совершенно упавшимъ голосомъ.

— Петръ Петровичъ! Какъ старшій и добрый товарищъ, говорю вамъ: — такъ, въ одинъ мигъ, вы можете испортить карьеру навсегда!.. О комъ вы говорите? И что вы говорите? И какъ вы говорите?!

— Но подумайте! — началъ было Надежинъ, очевидно все-таки не вполне еще опомнившись.

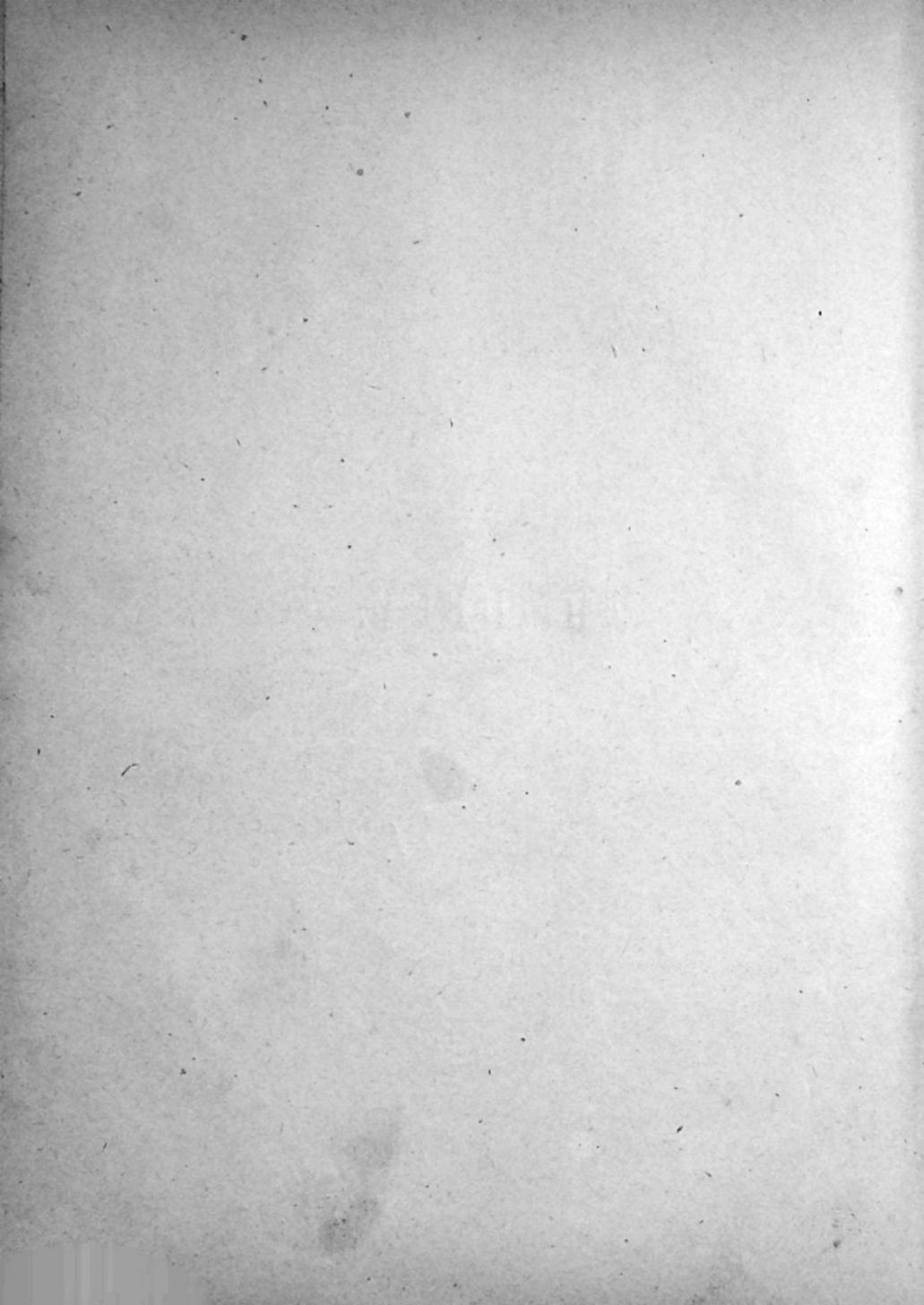
Іуда Ивановичъ моментально закрылъ глаза и заткнулъ пальцами уши.

— Я ничего не слышу! — сказалъ онъ и застылъ безъ движенія, стоя въ дверяхъ, словно восковая фигура въ музеѣ...

Бодаевъ похлопалъ Петра Петровича по плечу и улыбнулся—не то насмѣшливо, не то снисходительно.

— Ничего, добрый товарищъ!—сказалъ онъ.— Сначала, правда, обидно. А потомъ привыкнете... Не вы первый, не вы и—последній!...

ЛОМОВОЙ.

Л о м о в о й.

„Audiatur et altera pars“.

Въ тусклое осеннее утро пассажирскій поѣздъ, состоявшій почти сплошь изъ неуклюжихъ и некрасивыхъ вагоновъ третьяго класса, приближаясь къ Петербургу, тащился среди унылой, болотистой мѣстности...

Въ вагонахъ было тѣсно и душно, накурено и грязно; они были переполнены „простымъ народомъ“, который не „воюетъ“, если имъ набьютъ вагонъ, какъ сельдями боченокъ, но за то и напакостить въ вагонѣ вволю:—продушить его тютюномъ, завернутымъ въ сальную газетную бумагу, ежеминутно отплевываясь отъ этого курева, заплюетъ и полъ, и стѣны и набросаетъ на полъ и подъ скамейки рыбы кости и хвосты и иные остатки всякой дешевой снѣди...

Не взыскательны эти пассажиры. И не чванятся они, не сидятъ „нахохлившись“, словно индѣйскіе пѣтухи, но два по три часа не оглядываютъ подозрительно другъ друга, соображая

не унизительно-ли вступить съ сосѣдомъ въ разговоръ. Тутъ каждый видитъ въ сосѣдѣ „простого человѣка“, заговариваетъ сразу, „попросту“ и прямо— „на ты“...

Въ одномъ изъ такихъ вагоновъ ѣхали пассажиры сплошь— „сѣрые“, чернорабочіе; и перезнакомились они всѣ еще въ Москвѣ, влѣзая другъ за дружкой въ вагонъ, руками и ногами запихивая подъ лавки и между лавокъ свои огромныя котомки и усаживаясь и на лавки, и на котомки, и на полъ, и другъ на друга.

— Въ одну клѣтку попали!..

— Сусѣди на сутки!..

— Въ Питерѣ-то утречкомъ будемъ?..

— Сказываютъ—поутру...

— Тэкъ-съ... А ты, дѣдъ, откедова пробираешься?

— Съ-подъ Калуги.

— И опять-же выходишь сусѣдъ:—я изъ-подъ Тулы...

— А а тебѣ прямо землякъ!—воскликаетъ радостно третій пассажиръ.—Тоже калужскіе, Живдеренскаго уѣзду...

— А я, выходитъ, твой сусѣдъ:—Брянскаго уѣзду, Орловской губерніи,—отзывается и четвертый...

— А мы, братъ, карачевскіе. Сталь-быть—бокъ о-бокъ съ вами!..

И разговоръ сразу становится общимъ между этими сосѣдями, земляками и „братьями,“ сынами одной земли—русской...

Въ полночь въ этотъ вагонъ втиснули еще и новыхъ пассажировъ, и такъ-же точно, влѣзая и усаживаясь, познакомились и новые сосѣди: костромичъ и ярославецъ. На два билета имъ досталось въ вагонѣ одно только мѣсто; и, кое-какъ умѣстившись на немъ, они проспали ночь, сидя, прислонившись спинами другъ къ другу и обмѣниваясь захваченными съ родины блохами...

А проснувшись поутру, они разговорились...

— Ты по какой части?—спросилъ костромичъ.

— Въ ломовыхъ,—отвѣтилъ ярославецъ.

Костромичъ былъ красивый, молодой малый, подстриженный въ скобку и одѣтый франтомъ, въ романовскій полушубокъ, а ярославецъ былъ одѣтъ проще:—въ полушубокъ домодѣльный и въ валежную шапку. Изъ себя ярославецъ былъ дѣтина огромнаго роста и плотнаго, широкаго сложенія. Это былъ голубоглазый богатырь, съ бѣлыми, крѣпкими зубами, до черноты загорѣлымъ лицомъ, свѣтло-русой бородкой и темно-русыми волнистыми кудрями густоты необычайной. Это былъ тотъ богатырь, который живъ еще на Руси, въ тѣхъ ея здоровыхъ углахъ, гдѣ воздухъ еще чистъ и вода прозрачна, гдѣ нѣтъ наслѣдственныхъ болѣзней и благопріобрѣтенныя—рѣдки. Ему было лѣтъ тридцать. На ногахъ его были сапоги, въ которыхъ помѣстилось-бы по годовалому младенцу, а на раскрытой рукѣ такой младенецъ могъ-бы сидѣть, какъ на стулѣ... Богатырь! Русскій деревенскій богатырь! Дунеть—за двѣ сажени огонь погасить. А „смажетъ въ сердцахъ“—если сразу не отдашь Богу душу, не скоро оправившись...

— Въ Питеръ впервой тянешь?—спросилъ его костромичъ.

— Въ первой... Землякъ тама биржу содержать, къ себѣ зазываетъ... На готовое мѣсто ѣду...

— Чего лучше... А доселѣ въ деревнѣ работаль?

— Въ деревнѣ... Да дѣлать тамъ нечего—въ деревнѣ...

— Что-же случилось, что дѣла не стало?

— Ничего такого не случилось. А вобче тая работа не по моимъ силамъ...

— Чего?—переспросилъ костромичъ, взглянувъ на богатыря.—Какъ не по твоимъ силамъ?

— Извѣстно. Тамъ и батька живъ еще—работаетъ, и matka. Дѣвка тоже—сестра и моя баба. Народу вона сколько, а земли клочья... Я, какъ выѣду утречкомъ съ плугомъ, пошевалю малость до обѣда, полосу и кончу... Тамъ старики съ бабами управляются, а мнѣ и дѣлать нечего... Тута, въ Питерѣ, пороботаемъ...

— Тута работы на всѣхъ фатаеть!.. Только дѣло-то такое—ломовое!—замѣтилъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ костромичъ.

— А чѣмъ не дѣло?

— Извѣстно!.. У насъ, въ столицѣ, ломовой—самаго послѣдняго званія человекъ... И отъ прочихъ людей никакого ему уваженія...

— Какъ-же такъ? И за что-же?—спросилъ, недоумѣвая, ярославецъ.

— Потому самая черная работа... И утѣшенія всякія тоже—ломовому. И отъ полиціи, значить, и отъ господъ, и отъ всѣхъ вобче... Я, скажемъ

легковой. Гдѣ желаю—ѣду. По каждой улицѣ мнѣ дорога. А ломовой—тутъ не смѣй, тамъ не моги, тама—до такого часа не ѣзди, а тутъ—съ такого поѣздай!.. Усталъ, скажемъ, а на возъ не сядь... Всѣхъ впередъ себя пропусти; каждаго пережди. Который ежели и пѣшій—и тому дорогу дай!.. Всяческія утѣсенія!.. Нѣтъ, я въ ломовые не пожелалъ... Тоже была оказія... не пошелъ... Третью зиму легковымъ ѣзжу... Куды вольготнѣе... И прибыльнѣй! Хозяину выручку сдашь, по положенію, а себѣ то полтина очистится, то—семь гривенъ. А въ праздникъ—и весь цѣлкачь... А ты—что возьмешь? Тебя и рядятъ на биржѣ при хозяинѣ, али при старостѣ... Тоже опять и чайныя... И чайныхъ легкову куды больше перепадеть... Публика ломового тоже мало цѣнить. Ты себѣ хучь цѣльный день его небиль таскай. Иной разъ цѣльный домъ на своемъ хребтѣ перетащишь; а на чай, глядишь, тридцать копѣекъ!.. А то и—двугривенный! А потому что ты—ломовой; потому званіе твое низкое... А я прокачу барина, или, скажемъ, офицера, а то юнкера, и особливо ежели еще—съ барыней, или, бываетъ, съ мамзелью—сразу сорву полтину на чай... За полчаса времени, и горба не ломавши! Такъ, прокачусь и самъ въ свое удовольствіе, или, скажемъ, лошадку поповши, чтобъ она не заязбла... Какъ можно равнять!.. И чижолая эта работа—ломовая! Ахъ—чижала!.. Все на себѣ: и кулѣ, и небиль, и всякія тяжести... Конь твой не такъ натруждается. А онъ животная, а ты, всештаки—человѣкъ...

— По моимъ силамъ и работа!—усмѣхнулся съ дѣтскимъ простодушіемъ богатырь-ярославецъ.

— А для че ихъ утруждать, силы-то? Пригодятся и подѣ старость. Ими вѣдь до смерти кормиться!.. Нѣтъ, братъ, всякъ человѣкъ должонъ себѣ работу хлопотать полегче да поприбыльнѣе...

Ярославецъ помолчалъ, раздумывая.

— Этого я себѣ не боюсь, что чижало, потому силенъ я очень,—заговорилъ онъ, погодя.—А вотъ утѣсненій и я не люблю... Это точно... Я слабоду люблю... Карахтеръ такой... И люблю, чтобъ по правдѣ жить, безъ фальши... А когда что безъ правды, я сейчасъ осерчаю... И тогда не дай Богъ!—Самъ себя не помню, когда я съ сердцахъ... А вотъ и—не пью... Просто, братецъ ты мой, карахтеръ такой...

— Въ ломовыхъ и запьешь!—рѣшилъ костромичъ.—И нельзя не пить, дядя! И работа чиждлая, и утѣсненій, сказываю, много... А вона и онъ, Питерь! Приѣхали, слава тебѣ Господи!..

Вскорѣ поѣздъ остановился у длинной мокрой платформы. Всѣ стали выходить изъ вагоновъ. Закинувъ на богатырскія плечи огромную котомку, взявъ въ лѣвую руку сундучекъ, а правой широко крестясь, вмѣстѣ съ другими, вышелъ изъ вагона и ярославецъ—Ермилъ Твердохлѣбъ.

* *
*

Игнатъ Васильевичъ—хозяинъ ломовой биржи и землякъ Ермила—былъ сѣдобородый старецъ, давно переселившійся въ Питерь и уже утерыв-

шій крестьянскій обликъ. За двадцать лѣтъ работы въ Питерѣ онъ нажился. „Заведеніе“ у него было большое: тридцать телѣтъ и тридцать лошадей. Работники были все молодець къ молодцу, лошади были исправныя и сытыя и упряжь на нихъ—не рваная, а даже щегольская:—шлеи и уздечки съ мѣднымъ наборомъ, а тяжеловѣсныя дуги—расписныя, раскрашенныя...

Ермилъ, не желая отличатся отъ новыхъ товарищей, немедленно завелъ себѣ такой нарядъ, какіе носили всѣ ребята артели: бумазейную рубаху, жилетъ съ удлиненной спинкой, краснымъ передомъ и мѣдными пуговками и, вмѣсто вальной шапки—фуражку. Получилъ онъ отъ хозяина и крюкъ на короткомъ ремнѣ, тотъ крюкъ, которымъ ломовой подхватываетъ все, что тащить на спинѣ, и, на другой-же день по приѣздѣ въ Питеръ, выѣхалъ вмѣстѣ съ другими на работу. И товарищамъ не приходилось подтрунивать надъ этимъ новичкомъ, какъ трунили они надъ другими, пока тѣ, еще не втянувшись въ тяжелую работу, не могли поднять или снести чего нибудь, что привычный ломовой тащилъ безъ усилій. Ермилъ былъ дѣйствительно силачъ. Какіе „дяди“ были въ молодцоватой артели Игната Васильевича, а такого здоровеннаго парня не оказалось и тутъ. Увидя, что Ермилъ подымаетъ тюкъ, пудовъ въ десять, товарищи прозвали его „ярославскимъ медвѣдемъ“, и эта кличка осталась за нимъ еще и потому, что сначала онъ казался неповоротливымъ, неловкимъ. Не было у него ссоры и навыва и, дѣйствительно, бывало, онъ не зналъ,

какъ къ чему приступиться, какъ за что взяться, чтобы поднять и нести. Кули съ мукой, цибики съ чаемъ, бочки съ сахаромъ и иной товаръ въ тюкахъ и въ ящикахъ онъ захватывалъ крюкомъ, взваливалъ на плечи и тащилъ ни по чемъ. Но съ мебелью онъ не любилъ возиться именно потому, что не зналъ, какъ за нее браться. А возиться съ этимъ добромъ приходилось особенно часто. Господа въ Питерѣ живутъ по цыгански, то и дѣло переѣзжаютъ то съ квартиры на квартиру, то на дачу, то съ дачи. Ермилъ досадывалъ и бранился, глядя на какой-нибудь комодъ, на шифоньерку, на зеркальный шкафъ или письменный столъ. Ни по чемъ взмахнулъ бы онъ и иной „шкапчикъ“ на плечи и понесъ-бы его съ пятого этажа, или въ пятый этажъ, если-бы было за что взяться. Но вотъ, уцѣпиться-то и не за что! И сейчасъ, это, либо ножка отскочить, либо фанерка оторвется, либо дверцы отлетятъ, и господа заругаются!.. „Такой—сякой, всю небиль переломаль!“.

Хуже не было для него работы, какъ съ этой „небилью“! Въ первый годъ своей службы онъ еще и поплатился изъ-за „небили“, и съ тѣхъ поръ еще сильнѣе возненавидѣлъ эту работу...

Перевозили какого-то господина съ квартиры на квартиру... Перевозили втроемъ, на трехъ койкахъ. Долго таскали мебель, и, наконецъ, вещей осталось немного. Товарищи понесли что-то внизъ, вдвоемъ, а Ермилъ, взглянувъ на стоявшій у стѣнки комодъ, потрогалъ его. Чѣмъ-то набить, ящики заперты, но не перевязанъ и взяться нельзя...

— Перевязать-бы его, господинъ... Позвольте обрывочка...

— Чего веревки тратить—все перевязывать! Вдвоемъ и такъ снесете...

— А что-же тутъ вдвоемъ нести... Лёгко! Разокъ бы окрутить, и одинъ бы вынесъ...

— Ну-да, чтобы сломать!—замѣтилъ господинъ и ушелъ въ сосѣднія комнаты.

Ермилъ постоялъ, поджидая товарищей; но они не возвращались. Онъ заглянулъ въ окно и увидѣлъ, что ребята сѣли передохнуть и покуриваютъ на вынесенной во дворъ мебели. И Ермилу захотѣлось покурить и посидѣть; но не спускаться же „даромъ“, безъ ноши; а кромѣ комода взять было нечего; оставались шкапы и буфетъ... Ермилъ нагнулся, захватилъ комодъ снизу лѣвой рукой, навалилъ его на спину, правой рукой придержалъ за боковую стѣнку, поднялся и понесъ комодъ съ лѣстницы... Нести было неловко. Если-бы онъ былъ перевязанъ, ухватился бы за веревку и тогда версты три понесъ-бы шутя... А такъ—скользить... Однако, три этажа спустился и осталось еще только два... И онъ завернулъ уже на предпоследнюю площадку, когда дверь изъ квартиры приотворилась, и какая-то барыня выпустила на лѣстницу собаченку. Та— „тявъ-тявъ-тявъ“ и—Ермилу подъ ноги. „Ахъ, чтобъ тебя, проклятая!“ Не испугался-же Ермилъ такой дряни; онъ могъ бы раздавить ее ступней, какъ таракана. Но именно этого онъ и испугался, что раздавить ее и придется за нее отвѣчать... Испугался, ступилъ неровно, а рука, скользнувъ по гладкой, лакирован-

ной стѣнкѣ комода, сорвалась, и комодъ накренился, вырвался, шлепнулся и полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ!..

— Ахъ, мать чесная!—воскликнулъ Ермилъ.

Грохнувшись, первымъ дѣломъ, комодъ придавилъ собаченку къ стѣнкѣ, да такъ, что отъ нея только мокренько осталось... А самъ—въ щепы! Катится по ступенькамъ, разсыпается, а всякая дрянь изъ него такъ и сыплется... И бѣлье, и книжки, и вещи всякія: бритва, портретники въ рамкахъ, туфли, папиросы, чай, сахаръ... Всего понемногу!..

— Ну, дѣло!—сказалъ Ермилъ, почесывая затылокъ.—Работа!..

Прошла минута, и на лѣстницѣ поднялся такой шумъ, что не приведи Господи!.. Баринъ прибѣжалъ сверху, кричитъ и ругается. Грозитъ упрятать Ермила въ тюрьму, а съ хозяина взыскать убытки. И бранится, бранится! Такъ бранится, какъ—ребята въ артели, и то—когда выпьютъ лишняго... Потомъ и барыня выскочила, которая собаченку выпустила. Эта плачетъ, охаетъ, надъ собаченкой убивается. Кричитъ, что собаченка ей дороже жизни была и что за нее она сто рублей выщеть!.. А тамъ, и изъ прочихъ дверей разные жильцы повыскакивали и тоже орутъ, ругаются... И эти ужъ и Богъ вѣсть за что!.. Товарищи со двора прибѣжали, дворники, и всѣ галдятъ, всѣ бранятся!..

Ермилъ стоялъ молча, не отругивался и не оправдывался. Онъ чувствовалъ, что виноватъ. Не надо было брать проклятый комодъ не перевязаннымъ...

Баринъ потребоваль, чтобы Игнатъ Васильевичъ заплатилъ ему двадцать пять рублей убытковъ, причиненныхъ Ермиломъ; иначе грозилъ взыскать ихъ по суду.

— Какъ знаешь, братъ: или плати, или судись,—объявилъ Ермилу хозяинъ.

— Чаво судиться!—сказаль Ермилъ.—Виновать, такъ о чемъ-же и судиться... Заплати ему, Игнатъ Васильевичъ, а изъ жалованія удержишь...

И Игнатъ Васильевичъ заплатилъ барину. Но съ этого дня, Ермилъ еще сильнѣе возненавидѣлъ работу „съ небилью“.

А за собачку барыня не взыскивала. Раздумала. И то:—если она „дороже жизни“, что-же сто рублей взыскивать!

* *
*

А на второмъ году ломовой дѣятельности Ермила, подошелъ и такой случай, гдѣ ему довелось обнаружить свой „карахтеръ“...

Игнатъ Васильевичъ замѣтилъ, что изъ ребятъ артели больше другихъ „жалѣеть скотину“ и лучше всѣхъ обращается съ лошадыю Ермилъ. „Чалый“, на которомъ онъ работаль первый годъ, имѣль такой прекрасный видъ. Потому на слѣдующій годъ хозяинъ приказаль Ермилу работать на томъ конѣ, отъ котораго, перепробовавъ его, отказались всѣ ломовые. Это былъ тоже сытый, здоровый и очень сильный конь, но—съ норовомъ. Во дворѣ его такъ и звали—„Упырь“. По своимъ силамъ онъ былъ подъ пару именно Ермилу; онъ

могъ свезти не одинъ нагруженный возъ, а сразу два. Но, если предстояло поднять хотя-бы и пу-стую телѣгу не въ гору даже, а на едва замѣтный пригорокъ, онъ останавливался, и уже никакими силами—ни кнутомъ, ни дубиной—ни одному изъ работниковъ не удавалось заставить Упыря сдвигнуться съ мѣста. И только въ этомъ и состоялъ „норовъ“ Упыря, котораго испортили, очевидно, при неумѣлой выѣздкѣ... Игнатъ Васильевичъ считывалъ, что „ярославскій медвѣдь“ съумѣетъ отучить коня отъ его повадки. Товарищи предупреждали Ермила, что онъ намучится съ Упыремъ. Но Ермилъ, желая оправдать довѣріе хозяина, не отказался отъ Упыря.

И недѣли двѣ они ѣздили благополучно, вѣроятно потому, что за эти двѣ недѣли на пути ихъ не встрѣтилось пригорка. Затѣмъ, однажды, Ермилъ везъ ящики съ какимъ-то товаромъ на вокзалъ желѣзной дороги, и путь лежалъ черезъ мостъ, а передъ мостомъ былъ едва замѣтный подъемъ. Ермилъ шелъ рядомъ съ возомъ, гадая, остановится ли лошадь у подъема, и соображая, что тогда предпринять. Дѣйствительно Ермилъ любилъ лошадей; и не только лошадей; онъ любилъ всякое животное—и корову, и собаку, и теленка, и свинью. И какъ было ему не любить всѣхъ этихъ друзей простого человѣка? Съ малолѣтства онъ жилъ съ ними въ одной избѣ, при-выкъ къ нимъ и цѣнилъ ихъ, потому что они составляли главное благосостояніе его семьи, а позднѣе и его самого... И обучать молодыхъ лошадей ему приходилось въ деревнѣ; но отучать

отъ порова испорченныхъ лошадей, правда, не доводилось, и потому онъ и не зналъ, какъ справиться съ Упыремъ, если тотъ остановится... И ему такъ не хотѣлось, чтобы Упырь остановился...

А конь шелъ, пока было ровню и гладко, но, какъ только почувствовалъ подъемъ, какъ на зло, сразу и рѣшительно остановился.

— Н-но, милый!.. Но!—крикнулъ Ермилъ, дернувъ ременныя вожжи.—Чаво сталь!..

Упырь не шевельнулся, ухомъ не повель, словно не его понукали.

Ермилъ почесалъ затылокъ, поправилъ за поясомъ крюкъ, взялъ лошадь подъ уздцы и, дѣлая видъ, будто вовсе не знаетъ о его слабости, а приписываетъ остановку случайности, потянулъ копя впередъ. Упырь невольно протянулъ голову, насколько вытянула ее сила Ермила, но самъ не тронулся и ногъ не передвинулъ. Ермилъ потянулъ въ другой разъ и въ третій. Но упрямый конь попрежнему вытягивалъ только шею.

— Глупое задумалъ, глупое!—проговорилъ Ермилъ укоризненно.—Какъ знаешь, а назадъ воротаться не будемъ. Потому намъ дорога—туда...

И онъ обошелъ спокойно телѣгу, уперся правымъ плечомъ въ задокъ, а ногами въ мостовую и, подтолкнувъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ возъ, двинулъ его впередъ, рассчитывая, что вмѣстѣ съ возомъ двинутся оглобли, и Упырь, невольно сдвинутый съ мѣста, пойдетъ. Но конь уперся, и хомуть полѣзъ по его шеѣ, къ ушамъ... И Ермилъ чуть-чуть „осерчалъ“...

— Ну, конь! Ну, анафема!—сказалъ онъ, отпуская возъ, который немедленно и попятился назадъ настолько, насколько Ермилъ двинулъ было его впередъ.—Ладно, всетаки пойдешь!..

Вернувшись къ лошади, онъ взялъ конецъ вожжей, сплетенный въ видѣ жгута, и ударилъ этимъ кнутомъ Упыря вдоль брюха. Онъ понималъ, что упрямую лошадь надо бить больно, чтобы она почувствовала ударъ, и побилъ больно... Однако, Упырь не двинулся и послѣ удара...

Но, въ ту-же минуту, кто-то схватилъ Ермила за рукавъ...

Ломовой обернулся и увидѣлъ передъ собой какую-то сухощавую барыню маленькаго роста, съ сердитымъ лицомъ, на которомъ онъ только и замѣтилъ маленькій носъ-пуговку. Барыня была въ смѣшной шляпкѣ, какъ-то бокомъ сидѣвшей на ея затылкѣ.

— Мерзавецъ ты этакій! Какъ ты смѣешь дубасить лошадь!—крикнула эта барыня.

Ермилъ взглянулъ на нее удивленно.

— А тебѣ что? Чего путаешься?—спросилъ онъ насмѣшливо. По деревенской привычкѣ и доселѣ онъ говорилъ со всѣми „на ты“, какъ, впрочемъ, и всѣ столичные люди обращались къ нему.

— Ахъ ты нахаль, негодяй! Какъ разговариваетъ! Не смѣешь ты лошадь бить! Мучители вы! Живодеры! Этакій возъ навалилъ, а несчастная, некормленная лошадь тащи! А тутъ—гора!—Она и не можетъ, и стала! А онъ ее дуеть!—кричала барыня, обращаясь то къ ломовому, то къ собиравшейся публикѣ.

Ермилъ убѣдился въ томъ, что барыня ничего не понимаетъ, и рѣшилъ объяснить этой „бабѣ“ въ чемъ дѣло только для того, чтобы „осрамить“ ее передъ народомъ.

— Что ты понимаешь!—крикнулъ онъ.—Какой такой возъ навалилъ? Это—возъ? Да я этотъ возъ сейчасъ однимъ плечемъ сдвинулъ!.. Чаво приста-ла!.. „Некормленная“! Эта лошадь—некормленная? Да ты сама фла-ли такъ, какъ я эту лошадь кормлю!.. Ишь ты! А тоже—лѣзетъ! Ты знаешь-ли, какая это лошадь? Это лошадь поровистая. Потому и стала. На подъемъ нейдетъ! Эхъ ты! Лошадей издали только видала, а орешь, мутишь! „Некормленная“! Сама ты, видно, не жрамши, вотъ и—лаешься!..

— Дуракт! Болванъ!.. Я тебѣ не позволю лошадь бить!..

— Не позволишь!—улыбнулся Ермилъ.—А я такъ и послухаю!.. Нынче не побью, а завтра она опять на мостъ не возьметъ... Дѣло придумала! А говоришь, дуракт—я!..

И понимая, что, во что-бы то ни стало, надо заставить Упыря идти, чтобы онъ пошелъ на мостъ и завтра, Ермилъ забылъ о „глупой бабѣ“ и, разъ за разомъ, вытянулъ Упыря еще и еще, и—сплыѣе прежняго. А когда конь все-таки не пошелъ, онъ схватился одной рукой за оглоблю, чтобы опять сдвинуть съ мѣста телѣгу, и, когда сдвинулъ, далъ лошади своимъ огромнымъ кулакомъ такого тумака въ брюхо, что она не то вздохнула громко, не то крикнула отъ боли и сразу взяла... И она легко втащила возъ на пригорокъ

и на мостъ, а тамъ, по гладкому мѣсту, пошла ровно, не останавливаясь. И Ермиль пошелъ рядомъ съ нею.

Но курносая барыня догнала его и съ совершенно свирѣпымъ лицомъ опять схватила за рукавъ.

— Нѣтъ, стой! Не уйдешь, проклятый!—завопила она.

Ермиль „осерчалъ“ не на шутку и рванулъ свою руку.

— Ишь, каки слова говоришь! Сама ты, проклятая!.. И чаво липнешь, чортова дочь!..

— Городовой!—заорала барыня.

И городской явился.

— Забери! Забери его сейчасъ же, или записывай номеръ!.. Онъ лошадь дубасилъ! Билъ измученную лошадь такъ, что у нея слезы были на глазахъ! Я сама видѣла! Я ему сдѣлала замѣчаніе, а онъ сталъ бить еще сильнѣе, кулакомъ въ животъ, и называлъ меня, мерзавецъ этакій „проклятой“ и „чертовой дочерью“!.. Пиши! Пиши! Я этого не оставлю! Мировому буду жаловаться!.. Я—дочь чиновника, вдова помощника пристава, Настасья Ильинична Павлова... Я этого не позволю!.. Записывай мой адресъ... Петербургская сторона, Малая Посадская, домъ сто десять, квартира двадцать пять... Павлова, Павлова!.. Я ему задамъ!.. Чортъ съ его лошадыю. Пусть шкуру съ нее сниметь, если имъ это позволяютъ. Но онъ, мерзавецъ, меня обругалъ! Этого я не позволю!.. За это—посидить!..

— Да ты меня и сама обругала!—замѣтилъ презрительно Ермиль.

— Врешь, врешь! Я тебя не ругала! Я тебѣ не позволяла лошадь бить! Врешь, негодяй!..

Скандалъ кончался; любопытные разбрелись; городской записалъ нумеръ ломового и адресъ курносой барыни...

Барыня подала жалобу судѣ. Ермиль не отрекся и на судѣ, что билъ лошадь, чтобы заставить ее идти на мостъ, и что обозвалъ барыню „проклятой“ и „чертовой дочерью“, потому что и она назвала его „проклятымъ“. Но госпожа Павлова утверждала, что она ломового не бранила. А свидѣтелей не было по обыкновенію, и судья приговорилъ Ермила къ аресту на семь дней. Ермиль отсидѣлъ срокъ, но чувствовалъ, что отсидѣлъ „понапрасну“... И, отсидѣвъ, онъ сталъ подумывать о возвращеніи въ деревню...

— Правды нѣту въ вашемъ Питерѣ!—говорилъ онъ товарищамъ.— Она-же меня первая ругнула, а меня обвиновали... Опять и съ лошадью... Лошадь лошади розь, какъ и человѣкъ, будемъ говорить... И человѣка бьютъ, который того стоитъ... Я до Упыря на Чаломъ работалъ... За что-жь-бы я тую лошадь билъ? Да я ее важный день своимъ хлѣбушкомъ лакомилъ. Кабы она водку пила, я бы и водкой съ ею подѣлился, потому то былъ конь. Другъ, а не конь!.. А этого какъ не бить!.. Господа на своихъ лошадяхъ тоже съ кнутами ѣздятъ, и тоже тѣми кнутами лошадей не глядятъ, а бьютъ... А намъ—утѣшенія... Правды нѣтъ въ Питерѣ, въ вашемъ...

А безъ правды—какъ жить? Невозможно безъ правды жить, хотя-бы и ломовому...

* *
* *

Наступила весна—отвратительное время въ сѣверной столицѣ. Погода мѣнялась по три, по четыре раза въ день. Выходя изъ дому, люди не знали, во что одѣться: въ шубу, или въ легкое пальто. Самыя разнообразныя болѣзни гуляли по городу, и смерть косила и хилыхъ и крѣпкихъ людей. Больницы были переполнены. Пышныя „процессіи“ и убогія похороны встрѣчались по утру на каждомъ перекресткѣ.

На отдаленныхъ отъ центра улицахъ лежалъ еще снѣгъ, за всю зиму накопившійся слоями, и по нимъ иначе нельзя было проѣхать, какъ на саняхъ; на главныхъ улицахъ, по которымъ катались господа, снѣгъ сгребали и свозили всю зиму и теперь торопливо скололи и свезли послѣдніе остатки его, и по этимъ улицамъ можно было ѣздить только на колесахъ; а на улицахъ болѣе приближенныхъ къ центральнымъ кое-гдѣ тоже уже скололи снѣгъ, кое-гдѣ еще скалывали, а кое-гдѣ и не думали скалывать, и по нимъ одинаково трудно было ѣздить какъ на саняхъ, такъ и на колесахъ; экипажъ слѣдовало-бы мѣнять чуть-ли не передъ каждымъ домомъ... Трудно было и легковымъ извозчикамъ, но труднѣе было ломовымъ—съ кладью. Трудно было и людямъ, и лошадамъ. И тѣ и другіе выбивались изъ силъ... Выѣдешь на колесахъ—они увязнутъ на захопуст-

ной улицѣ, въ колеѣ разрыхленнаго снѣга; выѣдешь на санихъ—измученная лошадь станетъ на оголенной мостовой парадной или полупарадной улицы. Хоть плачь!.. И такъ бились уже вторую недѣлю...

Игнать Васильевичъ, какъ и прочіе хозяева, высылалъ рабочихъ на санихъ.—У ломового ѣзды все-таки больше по окраинамъ... Ермилъ, вышколивъ Упыря, былъ имъ доволенъ и продолжалъ работать съ нимъ въ парѣ. Силенъ былъ Упырь и могучъ, но за послѣднія двѣ недѣли и онъ сдался и измучился, какъ измучился и самъ Ермилъ... И нынче выѣхали на санихъ; а работа выпала—доставить съ вокзала на рынокъ свинья туши... Время было горячее, приближался Свѣтлый праздникъ и много провизій, много всякаго добра народъ готовилъ и подвозилъ господамъ... По прямой дорогѣ, съ вокзала на рынокъ, улицы были все парадныя, чистыя, вылизанныя, и о нихъ вообще нечего было и думать ломовому, „по его низкому званію“, а въ эти дни „столичнаго бездорожья“ нечего было думать и подавно... Ермилъ поѣхалъ съ возомъ въ объѣздъ, по снѣжнымъ и дозволеннымъ улицамъ, сдѣлавъ въ общемъ крюкъ версты въ четыре, и тащился, чортъ знаетъ какъ, изъ Европы въ Азію—черезъ Австралію. А тамъ, вдругъ, пошелъ камень; потомъ опять—снѣгъ; потомъ снова камень—голый булыжникъ...

„Ну порядки, чтобъ васъ собаки слопали“! думалъ Ермилъ, шагая то по снѣгу, то по грязи,

рядомъ съ Упыремъ, который тянулъ возъ еще всю, но дышалъ уже не ровно...

Наконецъ, приближаясь къ рынку, выѣхали на парадную улицу. Мостовая изъ крупнаго гладкаго камня была оголена уже силошь и мѣстами была почти суха. Не было даже грязи, по которой полозья еще кое-какъ скользили. И съ каждымъ шагомъ Упырь изнемогалъ, а заворачивая на рельсахъ конно-желѣзной дороги, остановился наконецъ, чтобы перевести духъ и собраться съ новыми силами. Но онъ простоялъ дольше, чѣмъ слѣдовало, дождался того, что задержалъ вагонъ слѣдовавшей по проспекту конки... А чрезъ минуту подоспѣлъ и встрѣчный вагонъ. Городовой, кондуктора и кучера вагоновъ, публика, контролеръ, — всѣ собрались около Упыря и Ермила и ругали ломового кто сильнѣе, кто слабѣе, а кто и очень энергично...

Ермилъ пристянулся къ оглоблѣ, дернулъ сани удачно, одновременно съ Упыремъ, и вдвоемъ они сволокли возъ съ рельсовъ. И, уже не отпуская оглоблю, Ермилъ побѣжалъ рысью, помогая Упырю протащить возъ не длинный конецъ — до поворота въ другую парадную улицу... Но, завернувъ, они сразу остановились — и Ермилъ, и Упырь. Упырь дышалъ съ трудомъ; изъ ноздрей его валилъ паръ; животъ такъ и раздѣвало; крѣпкія ноги его дрожали... Дышалъ съ трудомъ и Ермилъ; лицо его было красно; грязныя капли пота струились по лбу и по щекамъ и капали съ носа; фуражка съѣхала на затылокъ; ему было жарко, онъ разстегнулъ свой красный жилетъ; бо-

гатырская широкая грудь ходила-ходуномъ, какъ у лошади—животъ. Ермилъ прислонился къ Упырю и, придерживаясь за оглоблю, отдыхалъ вмѣстѣ съ лошадыю...

Простоявъ такъ съ минуту, Ермилъ досталъ кисеть съ тютюномъ и изъ жилетнаго кармана доскутокъ газетки, намѣреваясь скрутить „цыгарку“... Но городской не допустилъ такого безобразія.

— Ты!.. Будешь ты тутъ раскуривать! Поѣзжай! Дорогу загромождаешь!..

Ермилъ сплюнулъ не курия, спряталъ въ карманъ и кисеть и бумажку, крякнулъ, ругнулся втихомолку и взялъ въ руки конецъ ременныхъ вожжей.

— Н-но!.. Отощаль!—гаркнулъ онъ на Упыря тѣмъ хриплымъ и будто звѣрскимъ голосомъ, который вырабатываетъ въ этихъ глоткахъ тютюнъ, и водка, и замахалъ концомъ вожжей надъ своей головой...

— Мерзавецъ! Каналья!.. Живодеръ!.. Городовой!—закричалъ около него какой-то господинъ съ кокардой на фуражкѣ. — Я тебя проучу, животное!.. Городовой!..

Городовой подбѣжалъ стремительно.

— Снять! Снять! Половину клади снять!.. Я подамъ жалобу мировому судѣ!.. Запиши его и— съ какой биржи. Хозяина запиши!.. Оба отвѣтять... А вотъ моя карточка. Я членъ общества покровительства животныхъ!.. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ измучилъ лошадь! Едва дышетъ!—

добавилъ господинъ, возмущаясь и обращаясь къ собравшейся по обыкновенію публикѣ.

— Да ты и на меня посмотри, господинъ! Я и самъ измучился!—воскликнулъ Ермилъ.

— У, ка-на-ля! — процѣдилъ сквозь зубы членъ общества покровительства животныхъ, глядя съ непонятной злобой на измученнаго „человѣка“.—Постой, я тебѣ задамъ!..

Ермилъ махнулъ рукой молча, но съ глубокимъ презрѣніемъ...

* *
*

И этому дѣлу дали „законный“ ходъ, и мировой судья оштрафовалъ и Игната Васильевича и Ермила „за безсердечное обращеніе съ лошады“... Ермилъ заплатилъ, убѣдился окончательно въ томъ, что „въ Питерѣ нѣтъ правды“, и рѣшилъ безповоротно вернуться въ деревню. Дома не было работы; но онъ заставится въ батраки, пойдетъ попытать счастье на фабрику, чего-нибудь еще пощеть, но тутъ, въ Питерѣ, не останется... Онъ уѣхалъ-бы теперь-же, весною. Но онъ былъ „справедливый человѣкъ“. Въ ломовомъ дѣлѣ наступила самая „сѣнокосная“ пора. Онъ зналъ, что теперь на его мѣсто Игнатъ Васильевичъ не найдетъ человѣка ни за какія деньги и стало быть, ему придется даромъ кормить коня, оставшагося безъ работника; и ему было совѣстно бросить хозяина. Онъ остался до зимы, не смотря и на то, что по сезону наступила ненавистная для него работа—„перевозка мебели“...

Въ числѣ другихъ, и какой-то господинъ нанималъ однажды койку для перевозки части своей обстановки съ квартиры на дачу. Господинъ былъ старѣнькій, длинноволосый и, должно быть, скупой. Такъ торговался онъ, нанимая подводу!.. Съ двухъ до трехъ рублей набавлялъ все двугривенными... Ребята артели ѣздили на работу „по жеребю“, и, когда староста поладилъ наконецъ съ господиномъ, побросали копѣйки съ помѣтками въ фуражку, встряхнули ее и дали господину выбрать монету. Ъхать выпало Ермилу, и онъ поѣхалъ...

Среди вещей, предназначенныхъ къ перевозкѣ на дачу, были и громоздскія и тяжелыя, а жилъ господинъ въ четвертомъ этажѣ, такъ что въ помощь Ермилу онъ дозволилъ позвать дворника. Но дворникъ былъ молодой паренекъ, малосильный, къ тяжелой работѣ, очевидно, не привычный, и таскалъ только мелочь. А все крупное и тяжелое Ермилъ повытаскалъ; въ сущности, одинъ, и паренекъ помогалъ ему только „ухватиться“, „приподнять“ да „взвалить на плечи“. И это онъ дѣлалъ не охотно, потому что „серчалъ“ на господина: ворчалъ все время и при немъ, а за глаза бранилъ его Ермилу и „скрягой“, и „жохомъ“, и „сутягой“, и „выжигой“ и увѣрялъ, что онъ дастъ имъ за работу на чай — по гривеннику... „Въ Свѣтлый праздникъ, и то — гривенникъ даетъ!“ сообщилъ онъ.

Вынесли наконецъ все, за исключеніемъ большаго ящика, который оставили на послѣдокъ. Но

теперь и до него дошла очередь, и Ермилъ приподнял его за веревку.

— Грузень... Должно — книжечки, ваша милость? — спросилъ онъ стоявшаго тутъ-же господина.

— Книжки, голубчикъ, — отвѣтилъ тотъ ласково.

— Самый чижолый товаръ! — замѣтилъ Ермилъ.

— Да, въ головѣ отъ нихъ легко становится, ясно, а на подъемъ тяжелы, — пошутилъ господинъ и добавилъ:— Ну, вдвоемъ-то снесете!..

— Парень не уронилъ-бы, безъ привычки... Пудовъ двѣнадцать будя, а то и слишкомъ, — сказалъ Ермилъ.

— Ужь и двѣнадцать!.. Пудовъ шесть, не больше...

— Что вы, господинъ! — ухмыльнулся Ермилъ.— Ну-ка, малый, берись, — сказала онъ дворнику и поплевалъ на руки.

Дворникъ взялся было за ящикъ, но, едва тронувъ его, тутъ-же кинулъ.

— Укусило? — улыбнулся добродушно ломовой.

— Это вчетверомъ надо нести! — сказала дворникъ.— Стану я ломаться... Надо еще дворниковъ позвать.

Какъ-же! — закричалъ на него господинъ.— Рады обирать! Сто человекъ набѣжить, а я всѣмъ на чай давай! Нѣтъ — врите!..

— Какъ знаете... А я удваемъ не понесу, — заявилъ дворникъ.

— А я на тебя хозяину пожалуюсь!..

— Жалуйтесь!..

Въ такомъ родѣ господинъ съ дворникомъ бесѣдовали довольно долго. Ермилъ слушалъ ихъ, зализывая палецъ, который только что ссадилъ чѣмъ-то до крови, но наконецъ ему надоѣло ждать.

— Чѣмъ столько толковать, давай-ка, я и одинъ снесу, — рѣшилъ онъ, приступая къ ящику.

— Одинъ этого не снесешь, — замѣтилъ увѣренно дворникъ.

— Ну? — усмѣхнулся Ермилъ. — А давай объ закладъ?!

— Чего — объ закладъ!.. Грудь порѣжешь!..

— Досель живъ оставался!.. Ты подсоби только на спину взять... А къ спинѣ прирастетъ — внизу будетъ!..

Вмѣстѣ съ дворникомъ онъ повернулъ ящикъ на ребро, согнувшись, подлѣзъ подъ него, захватилъ рукою веревку, а другою взялъ самый ящикъ „подъ низъ“, крякнулъ, когда ящикъ „приросъ“ къ его спинѣ, и пошелъ...

Дворникъ только ротъ разинулъ...

— Что, слюнявый! Не тебѣ чета, дядя-то! — воскликнулъ язвительно лохматенькій старичокъ.

— Мнѣ это не указъ, ежели человекъ свою жистъ не бережетъ, — пробурчалъ дворникъ.

А Ермилъ шелъ съ лѣстницы подъ страшной тяжестью своей ноши и жалѣлъ уже, что взвалилъ ее на плечи... Никогда съ нимъ того не бывало, что было теперь... Ящикъ будто давилъ его книзу. Невольно сгибались колѣни, ноги, дрожали, и онъ шелъ, съ трудомъ попадая на

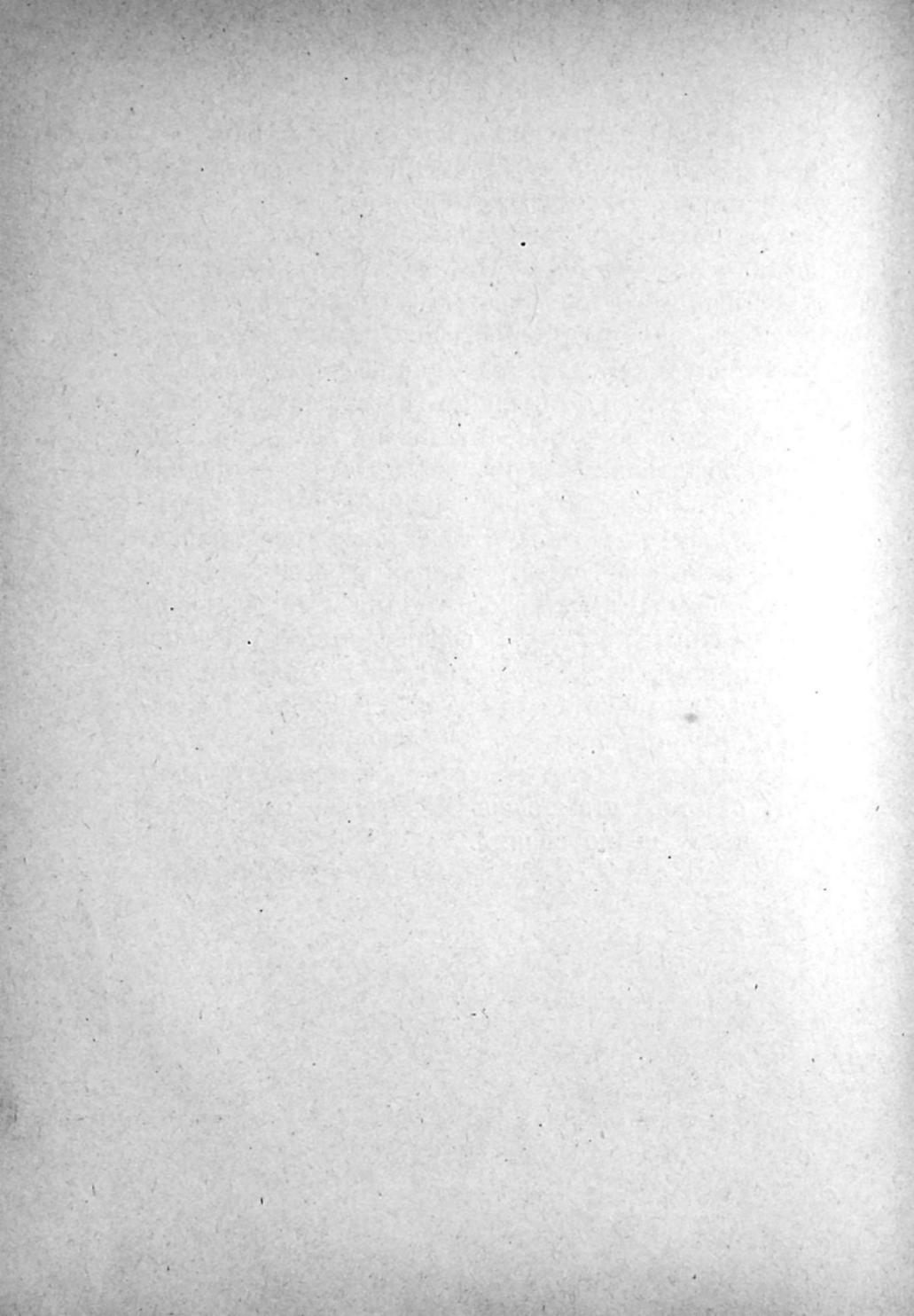
ступеньки. Въ глазахъ было словно темно, въ голову стучало, какъ молотками, а „нуtro“... Не то—рѣзь, не то колетъ, не то подступило что-то, „комомъ“ подъ ложечку и давить... Больно, хоть кричи!.. Такъ вотъ и бросилъ бы ящикъ, чтобы присѣсть на ступеньку... „И не разогнешься теперь, какъ донесешь его и поставишь... Ека—набилъ! „Шесть пудовъ“! Два раза столько да и еще полъ-стодька... Чи жало... И зачѣмъ брался“! думалъ Ермилъ, но—шелъ... „Ой, моченьки нѣтъ“! простоналъ онъ, спустившись съ лѣстницы, и, прислонивъ ящикъ къ периламъ, приостановился... Но, лишь только онъ остановился, онъ почувствовалъ подъ грудью еще сильнѣйшую боль и пошелъ скорѣе дальше. Однако, и въ головѣ, и въ глазахъ помутнѣло настолько, что онъ шелъ уже ничего не видя предъ собой и не помня, куда идетъ, и не понимая, какъ идетъ... Все-таки, онъ вышелъ во дворъ, подошелъ къ телѣгѣ, повернулся и грохнулъ ящикъ въ койку... Но тутъ-же и самъ онъ грохнулся безъ чувствъ на асфальтовую мостовую, около колесъ своей телѣги...

Упырь повернулъ голову и, глядя на Ермила, негромко но тревожно заржалъ...

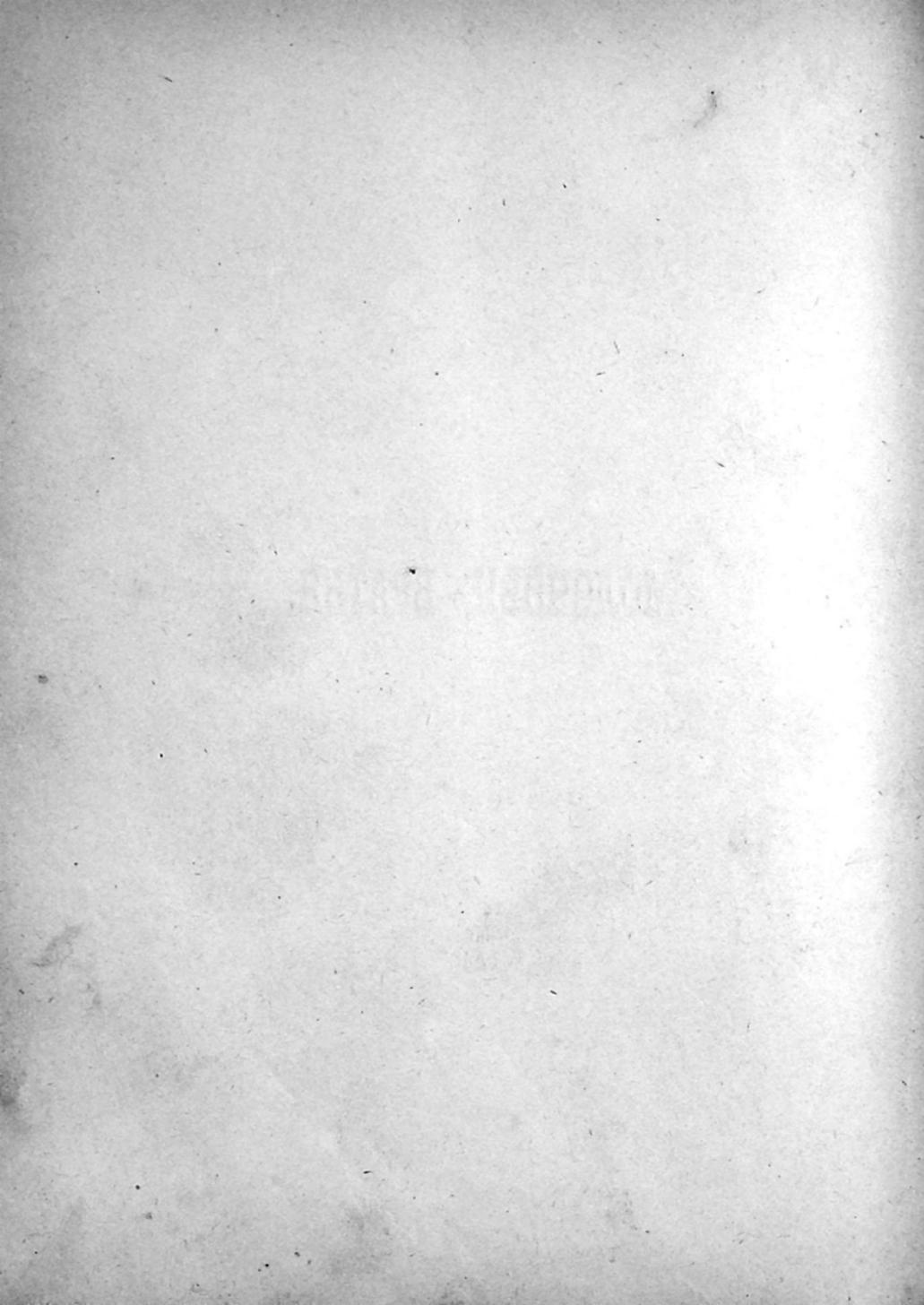
Минуть чрезъ десять, окруженный сбѣжавшими людьми, Ермилъ пришелъ въ себя. Но онъ не могъ ни шевельнуться, ни сказать слова; онъ только стоналъ... И дворники уложили его въ койку, на рогажи, и отвезли въ больницу...

Прошло два мѣсяца... Въ лѣтній жаркій полдень пассажирскій поѣздъ вышелъ изъ-подъ темнаго навѣса Николаевского вокзала на волю, залитую яркимъ свѣтомъ горячаго солнца, и побѣжалъ изъ столицы... На жесткой скамейкѣ, въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, сидѣлъ молодой но исхудалый и больной мужикъ большого роста, съ такимъ желтымъ, истощеннымъ лицомъ, съ какимъ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, люди выходятъ всегда изъ больницы... Не смотря на знойный день, онъ былъ въ овчинномъ полушубкѣ и въ валеной шапкѣ и не снялъ ихъ и въ душномъ вагонѣ. Его безпрестанно лихорадило, и только такъ, тепло одѣтый, онъ чувствовалъ себя сносно... Грустное выраженіе было въ его голубыхъ глазахъ, обрамленныхъ большими синими кругами. Лениво и нехотя пережевывая кусокъ бѣлаго хлѣба (черный хлѣбъ доктора запретили), онъ смотрѣлъ въ окно вагона, уныло задумавшись... Онъ думалъ тревожную, горькую думу о томъ, что теперь и деревенская работа будетъ ему не по силамъ...

МОЛОЧНЫЕ БРАТЯ.

Молочные братья.

Вечеръ рождественскаго сочельника... Рождество Святого Младенца. Дѣтскій праздникъ—елка... Ликующія, счастливыя личики ребятишекъ, ихъ блестящія глазенки и разгоряченныя щеки, ихъ чистосердечныя ласки и поцѣлуи, ихъ восторженно-изумленные восклицанія...

Торопливо зажигая на елкѣ свѣчи, и Аркадій Николаевичъ Оскольцевъ предвкушалъ удовольствіе взглянуть на любимыя, радостныя личики своихъ мальчугановъ. Они тамъ, за дверями, и всѣ—въ праздничныхъ костюмахъ: въ красныхъ сапожкахъ, въ бархатныхъ шароварахъ и въ шелковыхъ рубашечкахъ; пятилѣтній блондинъ, Воля—въ алой, трехлѣтній брюнетъ, **Кадя**—въ желтой, а девятилѣтній Котикъ—въ голубенькой... Они знаютъ, что готовить имъ папа, и Воля и Кадя лезутъ въ столовую; а мама, бабушка и бонна воюютъ съ ихъ крошечнымъ терпѣніемъ... Котикъ еще ничего не понимаетъ; онъ на рукахъ у своей кормилицы, Степаниды, и больше ему ничего не тре-

буется. — Гу... га... Ма-па-ма! разсуждает онъ безсмысленно, или тащитъ съ мамкиной головы яркій кокошникъ...

— Только три свѣчи осталось!.. Сейчас! — крикнулъ Оскольцевъ женѣ...

А въ передней раздался тихій звонокъ.

„Что это?! Кто это?!.. Я никого не звалъ... Терпѣть не могу, чтобы въ этотъ вечеръ были чужіе“, подумалъ съ досадою Оскольцевъ и, пріотворивъ чуть-чуть дверь въ переднюю, смотрѣлъ — кого впуститъ горничная.

— Съ наступающимъ праздникомъ!.. Доложите господамъ... А вотъ и — письмецо...

„Почтальонъ“!..

Горничная подала письмо, успокоенный Оскольцевъ отдалъ ей нѣсколько монетъ для почтальона и взглянулъ на конвертъ. „Изъ деревни“! догадался онъ. На конвертѣ стояло: „Аркадію Микалаичу Аскольцеву въ Санпитирбургъ по Захаринской вулицѣ испиридачій Мамке Степаниде Питровой Гусивой“. „Слава Богу — Степанидѣ! Она давно ждетъ вѣстей, и вотъ — къ самому празднику... Чудесно! Сначала подарки сдѣлаемъ, а потомъ и этимъ утѣшимъ...“ Оскольцевъ сунулъ письмо въ карманъ и зажегъ двѣ послѣднія свѣчки...

— Аркадій, скоро ты?! Эта компанія не желаетъ больше ждать! — взывала, выбившись, очевидно, изъ силъ, жена Оскольцева, Елизавета Васильевна.

— Готово! Готово! — крикнулъ онъ, наскоро осмотрѣвъ елку и пошелъ къ двери. Сначала онъ

пріотворилъ ее чуть-чуть и далъ ребятишкамъ за-
гнунуть только въ щелочку... Они взвизгнули и,
окончательно потерявъ терпѣніе, застучали въ
дверь кулачками. Оскольцевъ быстро распахнулъ
обѣ половинки и отскочилъ въ сторону, чтобы
видѣть дѣтскія лица.

Мать, бабушка и бонна выбѣжали тоже впе-
редъ дѣтей и, обернувшись, смотрѣли тоже не на
елку, а на нихъ. И изъ взрослыхъ только мамка,
Степанида, глядѣла на самую елку, съ открытымъ
ртомъ, съ восторгомъ и удивленіемъ...

Въ мартѣ она была нанята въ кормилицы, на
годъ, въ сентябрѣ ее привезли въ Петербургъ
изъ Тульской губерніи, гдѣ Оскольцевы проводи-
ли обыкновенно весну и лѣто, до сихъ поръ она ни-
куда и никогда не выѣзжала изъ своей деревуш-
ки и, конечно, не только не видала никогда та-
кой елки, но не могла себѣ и представить, чтобы
простую „елушку“ можно было такъ разукрасить
и убрать... Воля, предаваясь дѣтскому восторгу,
чуть не кувыркался по паркету; Кадя замѣтилъ
на нижней вѣткѣ елки знакомый и по виду и
по вкусу предметъ — изюмъ — и тащилъ уже вѣ-
точку пухлой лапкой; а Котикъ смотрѣлъ теперь
удивленно и радостно на непривычное обиліе
огоньковъ... Елизавета Васильевна стала разда-
вать подарки боннѣ, мамкѣ, горничной и кухар-
кѣ; ея мать мѣшала ей, суетясь и совѣтуя сдѣ-
лать подарокъ почему-то раньше кухаркѣ, а по-
томъ уже горничной, и при этомъ перепутала куски
матерій, а самъ Оскольцевъ, съ тѣмъ же востор-
гомъ, смотрѣлъ на своихъ ликующихъ карапузовъ...

Онъ страстно любилъ ихъ и гордился ими... Такие чудные мальчики: здоровые, сильные, славные крѣпыши... Дорого, правда, обходится ихъ воспитаніе... „Мамки“, кормилицы однѣ чего стоятъ!.. Сама Лиза не можетъ кормить; доктора не позволяютъ; говорить — и грудь слаба, и малокровна и вообще — не кормилица!.. А въ сущности, это дико: — мать, но не кормилица... Дико, ненормально, ужасно!.. Оскольцевъ такъ хотѣлъ, чтобы Лиза кормила сама, и сама Лиза этого хотѣла. Но возсталъ — бабушка... „Заставить ее кормить, это значитъ — желать ея смерти!“! не стѣсняясь и не раздумывая, выпалила она по адресу зятя, когда впервые, до рожденія старшаго сына, былъ возбужденъ этотъ страшно серьезный вопросъ... И доктора! Какъ рѣшительно они предсказываютъ и какъ часто ошибаются...

* * *

— Степанида, кажется, довольна? — спросилъ Оскольцевъ жену и тещу, когда, раздавъ подарки, онѣ подошли къ нему.

— Очень довольна, — отвѣтила Елизавета Васильевна.

— Еще-бы! — фыркнула теща. — Я и то твержу безпрестанно Лизѣ, что вы избалуете эту мамку! Гдѣ это видано? Мало что самой ей — чуть не десять подарковъ сразу. Еще и мужу, еще и „молочному братцу“!..

— Софья Петровна, вѣдь этотъ „молочный братецъ“ уступилъ нашему Коту свое молоко и

свою мать! — замѣтилъ съ оттѣнкомъ досады Оскольцевъ.

— Вы за это жалованье платите, и — еще какое!..

— Знаю! Купилъ за деньги мать у бѣднаго ребенка... Знаю, что у Кота двѣ матери, а у Ванюшки — ни одной!..

— Пошло — поѣхало!.. Съли на своего конька! — замѣтила теща и махнула рукой.

— Лиза, возьми у Степаниды Котика. Я получилъ сейчасъ письмо изъ деревни, надо ей прочесть, — сказалъ Оскольцевъ женѣ, оставляя восклицаніе тещи безъ отвѣта и доставая изъ кармана конвертъ.

— Прочтите раньше сами! — сказала бабушка. — Можетъ, тамъ опять что-нибудь случилось, и опять она будетъ ревѣть, какъ бѣлуга. А на Котикѣ все отзовется... Онѣ стали теперь нервныя и чувствительныя особы, эти бывшія бабы.

— А вы предложите ей тогда тѣ капли, что взяли у меня „для прислуги“! — сказалъ уже язвительно Оскольцевъ.

— И предложу, и предложу! — прошипѣла теща и отошла.

— Что это? Какія это капли? Въ чемъ дѣло? — спросила Елизавета Васильевна.

Оскольцевъ усмѣхнулся презрительно и разсказалъ.

— Надняхъ, разбирая аптечку, я выбрасывалъ испортившіяся лѣкарства и, между прочимъ, отставилъ эфирно-валеріановыя капли, которыя простояли полгода безъ пробки. Ясно, кажется, что

капли выдохлись... Она вошла въ это время, увидѣла этотъ пузырекъ и беретъ его. Я объясняю, что въ немъ больше пыли, чѣмъ „эфира“ и „валеріаны“, докладываю, что его надо выкинуть, что капли негодны... „Для насъ, говорить, не годны, а прислуга можетъ заболѣть — ей пригодятся“... Ты вдумайся въ этотъ шедевр! — продолжалъ, раздражаясь, Оскольцевъ. — Я не говорю уже о томъ, что испортившуюся колбасу — прислугѣ, „людямъ“, прокисшее варенье — тоже „людямъ“, рваную галошу, или дырявый зонтикъ — имъ-же... Но вѣдь это уже дикость какал-то! Лѣчить прислугу негоднымъ лѣкарствомъ!.. Возьми Котика, я прочту мамкѣ письмо, — повторилъ онъ.

— Кадя, голубчикъ, въ самомъ дѣлѣ, прочти его раньше самъ... На всякій случай! — попросила и жена. — У Котика, какъ разъ, теперь идутъ „зубки“, и онъ такъ беспокоится... Не дай Богъ, опять ея Ванюша болѣнь...

Оскольцевъ молчалъ, но нахмурился.

— Я знаю, я знаю, Кадя, что это очень не хорошо... Но, что-же мнѣ дѣлать теперь, что дѣлать?! — прошептала съ отчаяніемъ Елизавета Васильевна и робко поцѣловала мужа...

Когда Оскольцевъ былъ холостой, у него была собака, Діанка... И опять эта Діанка пришла ему на память... Она была чрезвычайно плодовита; каждый пометъ ея давалъ десять — двѣнадцать щенковъ. И надо было видѣть, какъ, окруженная этимъ количествомъ щенятъ, несчастная собака терялась, не зная чѣмъ ихъ накормить, какъ ихъ согрѣть и какъ съ ними справиться. Она отчаянно

выла, растерянно озиралась по сторонамъ и, стараясь собрать своихъ щенковъ въ кучу, подь себя, тревожно топталась на мѣстѣ. А когда Аркадій Николаевичъ подходилъ къ ней, она подвывала жалобно, глядя ему въ глаза, будто плача и умоляя его помочь ей, и, взглядомъ-же, казалось, благодарила его, когда, на ея глазахъ, онъ бралъ и уносилъ отъ нея на всегда большую половину щенятъ... „И мы—совсѣмъ какъ Діанка:—родить можемъ, а выкормить не можемъ!“! думалъ онъ...

* *
*

Онъ прошелъ въ кабинетъ, зажегъ свѣчи и распечаталъ письмо... Степанида была неграмотна, и, по ея просьбѣ, баринъ всегда читалъ ей письма отъ мужа и отвѣчалъ ему, подь ея диктовку. Мужъ Степаниды, Иванъ, былъ тоже неграмотный, и за него писалъ письма кормилицѣ какой-то полуграмотный пріятель его; онъ-же писалъ и сегодняшнее письмо...

„Праздравляемъ васъ спразникамъ дарагая Наша супруга Стипанида Питровна и пасылаемъ вамъ и съ любовію нискай поклонъ. Супругъ вашъ и Ванъ и Ванычъ Гусивъ. Еще праздравляютъ васъ спразникамъ радитель вашъ Петра Антипычъ и радительница Авдотя Фаминишна и пасылаютъ вамъ и съ любовію нискай поклонъ. Еще дочка ваша Таня, праздравляетъ васъ спразникамъ и пасылаетъ и съ любовію нискай поклонъ. Еще свиню забили вѣсомъ пять пудовъ и сала фатить. Еще кланяеца вамъ братецъ Андрей Питровъ сад-

дать и пасылаетъ и съ любовію нискай паклонъ. Еще уведамляемъ васъ сыскорбіемъ младенецъ Нашъ ванюша приставился“ ...

— Что такое?!—остановился Оскольцевъ. „Еще уведамляемъ васъ сыскорбіемъ младенецъ Нашъ ванюша приставился... И таму на хрищенъе будеть ровно мѣсиць. Съ причины что Танька ни даглидѣла и онъ загримель спечи и ставо зачяхъ и таперча приставился“ ...

„Преступники! Преступники! Что ни шагъ— преступленіе“! заволновался потрясенный до глубины души Аркадій Николаевичъ. Онъ дочиталъ письмо, прочелъ всѣ поклоны и благодарности барину, барынѣ и „старой барынѣ“ и наставленіе мужа женѣ-кормилицѣ — слушаться во всемъ господь и повиноваться имъ, чтобы они были „всѣмъ и много довольны“, — швырнулъ письмо на столъ, стиснулъ голову руками, прошелся два-три раза по кабинету и опустился безпомощно въ кресло... „Преступники“! повторилъ онъ. „По какому праву одному ребенку мы даемъ двухъ матерей, а другого оставляемъ безъ матери?! Если сама не можешь выкормить своего ребенка, пусть онъ и болѣеть, и страдаетъ, и гибнетъ!.. Но смѣешь-ли ты ради своего губить чужого! Можешь-ли ты доказать, что твой пригодится обществу больше, чѣмъ тотъ—его „молочный братъ“?! Не можешь? Такъ гдѣ-же, въ чемъ оправданіе?! „Молочный братъ“! Именно—братъ! Все отдалъ „ближнему:“ — и молоко свое, и мать... И отдалъ тому, у котораго, и безъ того, есть все: — и уходъ, и средства, и тепло, и ласка, и пища, и мать,— а

самъ остался голодный и брошенный, на рукахъ малаго ребенка, или дряхлой старухи! Беззубымъ, вопочимъ ртомъ она пережевываетъ черствую корку и суетъ ее въ чистый ротикъ младенца!.. Подлость, преступленіе на каждомъ шагу!.. Мать покупаемъ! Соблазняемъ дуру деньгами и яркими тряпками съ мишурнымъ позументомъ, шутовскимъ колпакомъ и побрякушками—стеклянными бусами!.. Глупостью, нищетою и дикостью пользуемся мы—„руководители народа“, мы—образованные и просвѣщенные!.. Изъ поколѣнія въ поколѣніе передается это преступленіе... И на моей душѣ уже—третье“!..

Дѣйствительно, старшаго мальчика Оскольцевыхъ, Волю, кормила тоже деревенская женщина, такая-же здоровая красавица, какъ Степанида, и выкормила прекрасно; но за то ея мальчикъ, отъ котораго она пошла кормить, „молочный братъ“ Воли—Вася—выросъ хиленькій, съ искривленными въ колесо ногами и золотушными струпьями на лицѣ... Кадя родился въ Петербургѣ, и его выкормила „петербургская кормилица“; она была дѣвушка, рожала въ пріютѣ, и „молочная сестра“ Кади была отправлена въ воспитательный домъ, была оторвана отъ матери, уже чисто какъ щенокъ, и заброшена „на выкормъ“ въ какую-то чухонскую деревушку... И теперь.. теперь этотъ „загремѣвшій съ печи“ „молочный братъ“ Котика!..

„Преступники“! твердилъ Оскольцевъ. „Чтобы спасти своего—убили чужого ребенка“!..

Воля вбѣжалъ въ кабинетъ и, по обыкновенію, бросился съ разбѣга къ отцу.

— Папочка, иди иглушки давать съ елоцки!—
крикнулъ онъ.

Оскольцевъ вспомнилъ опять его хилаго „молочнаго брата“ и отстранилъ сына рукой.

— Поди къ мамѣ...

Мальчикъ взглянулъ на отца изумленно. Въ первый разъ папа не открылъ ему объятій, и дѣтскимъ умомъ онъ, казалось, доискивался причины тому; а готовые слезы стояли уже въ его большихъ, ясныхъ и невинныхъ глазахъ.

— Мама сказала, чтобы ты... Котикъ спать пойдетъ скоро,—лепеталъ онъ...

„Онъ чѣмъ-же виноватъ“? мелькнуло въ головѣ отца. „Мы сдѣлали его убійцей, преступникомъ съ пелень...“

Торопливо и особенно нѣжно онъ протянулъ ребенку руки и нѣжно поцѣловалъ его. — Бѣги, мальчикъ, скажи, чтобы мама сама... У меня болитъ голова... Бѣги!..

Воля убѣжалъ. А черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Елизавета Васильевна.

— Что съ тобою, Кадя? Что ты чувствуешь?— тревожно спросила она.

— Прочти это письмо и скажи, что будетъ съ тобою, что ты почувствуешь...

— Что случилось? — спросила уже испуганно Оскольцева и стала читать... И слезы брызнули изъ ея глазъ, когда она узнала въ чемъ дѣло.

— Кто въ этомъ виноватъ, Лиза?..

— Я...

— Да, ты и я... Мы виноваты... Передъ людьми мы мы правы конечно! Мы заплатили кормилицѣ

деньги... Но передь Богомъ, передь тѣмъ Младенцемъ, Который родился сегодня, чѣмъ оправдаемся мы въ томъ, что у такого-же младенца мы отняли мать?! Тяжело, Лиза, невыносимо тяжело!..

— Кадя, если у насъ будутъ еще дѣти, даю тебѣ слово, я буду кормить ихъ сама!—говорила, тихо рыдая, молодая женщина.—Теперь никто со мною не справится—ни мама, ни доктора...

— Да, Лиза, да!.. Когда-нибудь надо намъ избавиться и отъ этого преступленія!..

— Что вы дѣтей бросили? Что-нибудь случилось?—спросила, входя, и бабушка.

— Вотъ, на столѣ, письмо... Прочтите,—кинула Оскольцева.

Теща прочла.

— Ахъ, надо это скрыть отъ нея, пока она выкормитъ Котика!—воскликнула та, дочитавъ.

Оскольцевъ всталъ и вышелъ изъ кабинета въ столовую.

„Вы и въ могилу сойдете слѣпыми... преступными“, думалъ онъ. „Мы были слѣпы, но прозрѣваемъ... А имъ, поможетъ Богъ, я раскрою глаза раньше, чѣмъ они успѣютъ сдѣлать это преступленіе... И имъ страдать уже не придется, какъ страдаю сегодня я“...

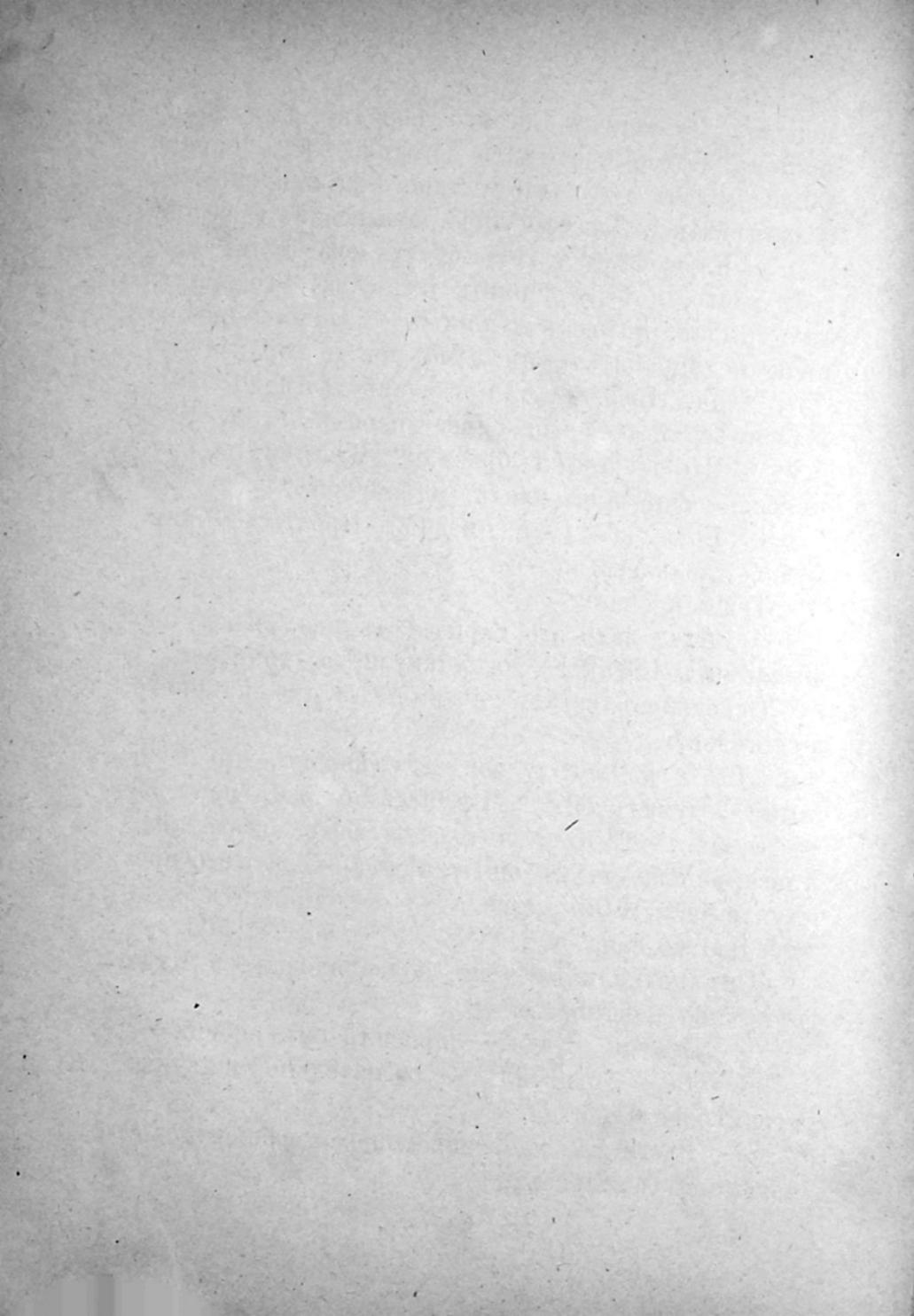
Онъ поднялъ на руки подвернувагося Кадю и крѣпко поцѣловалъ его.

— Правда, Кадя?—спросилъ онъ ребенка.

— Да! — отвѣтилъ безсознательно мальчикъ, играя бороною отца.

— Расти-жь, мое сокровище!—прошепталъ съ надеждой Оскольцевъ.

**ПО ПРИКАЗАНИЮ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.**

UNRECORDED COPY
RECEIVED

По приказанію его превосходительства.

Уже тридцать два года вольнонаемный писарь, Антонъ Егоровичъ Егоровъ, занималъ двѣ маленькія комнаты въ подвальномъ помѣщеніи огромнаго казеннаго зданія.

Дешевое и потому дрянное деревянное масло, стгорая въ лампадкѣ, висящей въ углу, передъ большой, почернѣвшей иконой, наполняло копотью и зловоніемъ эти комнаты; а тусклый, едва мерцающій огонекъ ея слабо освѣщаль меньшую, перегороженную на-двое давно полинявшей ситцевой занавѣской.

Гдѣ-то, подъ поломъ или за посуднымъ шкапомъ, въ сосѣдней, бѣльшей комнаткѣ, заскреблась мышъ... Антонъ Егоровичъ, лежавшій на кровати, прислушался къ этому съ удивленіемъ, и предчувствіе чего-то недобраго такъ взволновало его, что, несмотря на глубокую ночь, онъ окликнулъ свою мать, древнюю старушку, спавшую въ той-же комнатѣ, по ту сторону занавѣски.

— Маменька, вы поживаете?—спросилъ онъ.

— Задремала,—послышался старческій голосъ.— Долго не спала... Думалось все... И четыре пробило—слышала... А недавно задремала...

— Слышите, маменька, мышъ скребется... Прислушайтесь... Вотъ... Опять...

— Да, мышъ...

— За тридцать два года въ первый разъ скребется... Удивительно!..

— Да... И кошки никогда не держали...

— Удивительно! — повторилъ Антонъ Егоровичъ.

И хотя онъ зналъ прекрасно примѣту о томъ, что мышъ „выживаетъ съ квартиры“, если скребется, спросилъ:

— Къ чему бы это, маменька?

— Старые люди говорили: „мышъ скребется—изъ дома выживаетъ“,—подтвердила и старушка.— Только это не про насъ... Мы—на казенной.. Отсюда развѣ что на кладбище переѣдемъ... и я, и ты... О-хо-хо!..—тутъ же вздохнула она по привычкѣ.—А мнѣ и пора на Волково, либо къ Митрофанію. Зажилася...

Антонъ Егоровичъ заволновался сильнѣе.

— Ахъ, маменька, терпѣть я не могу, когда вы объ этомъ заговариваете!..

— Что молчи, что говори, два вѣка не проживешь, Антоша...

— Какихъ тамъ два вѣка! Какіе еще ваши годы...

— Слава богу—семьдесятъ два!..

— Что-жъ такое—семьдесятъ два!..

— Тяжко становится... И стоять тяжело, и сидѣть тяжело... Ляжешь, и то кости болятъ... А ты чего не спишь?

— Не знаю. Тоже — все думается. То — то, то—другое... Я до пяти спалъ. А пять пробило—проснулся и не могу заснуть... А тутъ—мышь эта... Кыш!—крикнулъ онъ и, стукнувъ чѣмъ-то объ полъ, прислушался.

Трусливая мышь, напугавъ суевѣрнаго чело-вѣка, испугалась теперь сама и затихла...

Антонъ Егоровичъ полежалъ нѣсколько мгновѣній молча.

— Заснули маменька? — спросилъ онъ опять шепотомъ.

На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало.

„Заснула старушка“, подумалъ Егоровъ. „Ум-реть, не дай Господи, что будетъ“?!

И мысли побѣжали опять.

„Только ею и держусь... Только пока жива, не спустилъ и не пропилъ всего, не опустился совсѣмъ и служу... Не будь ея — давно такъ за-курить-бы, что чертямъ стало-бы тошно... И со-службы давно-бы выгнали. И-да... Вотъ, что озна-чаетъ для чело-вѣка мать... Дороже всего на свѣтѣ... Совсѣмъ не нужная старушка; ни себѣ на поль-зу, ни людямъ, такъ, ни къ чему, дряхлый че-ловѣкъ. А вотъ — чувствуешь, что „мать“, что чрезъ тебя ей и этотъ покой... и сыта она, и въ теплѣ, и воздерживаешься отъ слабости и паде-нія... Не дай Господи, ежели скончается! Ничего у меня въ жизни тогда не останется... Такъ-таки—совсѣмъ ничего!.. И къ чему эта мышь прокля-

тая?! Тридцать два года живемъ и никогда не скреблась... Да, тридцать два... Восемнадцати лѣтъ я на службу поступилъ, тогда же мнѣ эту квартиру отвели, и мы съ маменькой переѣхали... Можно сказать:—вся жизнь прошла въ этой квартиркѣ“...

Грузно ворочался большой и толстый Антонъ Егоровичъ на деревянной скрипучей кровати; долго ворочался, силясь заснуть, но такъ и не заснувъ до утра. Все—„думалось“... Думалось о будущемъ, вспоминалось и прошлое. Въ прошломъ было столько нужды и лишеній, столько горькаго и обиднаго, сколько и всегда судьба отпускаетъ на долю полуграмотнаго, а потому и запуганнаго маленькаго человѣка... А будущее—завѣдомо сѣрое, безъ надеждъ и упованій, безъ самообмана—казалось конечно такимъ же горькимъ; но, слава Богу, не продолжительнымъ... Близкая кончина матери, потомъ два-три года полного одиночества и, вѣроятно—уже непробуднаго пьянства, чтобы скорѣе послѣдовать за нею и избавиться и отъ этого одиночества, и отъ жизни вообще... И вотъ—все!..

„Эхъ, кабы я—раньше... Нѣтъ, пусть раньше—она. Ей безъ меня не прожить“, думалъ Антонъ Егоровичъ уже въ семь часовъ утра, когда время было вставать...

* * *

Пухленькій, не большого роста и добродушной наружности чиновникъ въ вицъ-мундирѣ и въ орденахъ вернулся отъ генерала, послѣ обычнаго

доклада, въ свой служебный кабинетъ и, немедленно присѣвъ къ письменному столу, написалъ, не отрывая пера отъ бумаги, слѣдующую „официальную“ записку.

„По приказанію его превосходительства, предлагается вамъ немедленно отвести небольшое подвальное помѣщеніе для склада мебели и декоративной обстановки, приобретенныхъ вчера его превосходительствомъ для вечеровъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью; имущество сіе необходимо перевезти въ это помѣщеніе завтра“.

„Задача не легкая!.. Отведи-ка помѣщеніе въ зданіи, набитомъ какъ боченокъ—сельдами“; думалъ онъ, подписываясь съ обычнымъ росчеркомъ, выставляя въ заголовкѣ записки „слѣшное“ и надавливая пуговку звонка.

Курьеръ явился, и пухленькій чиновникъ передалъ ему записку.

— Экзекутору. Слѣшное.

— Слушаю-сь!

Курьеръ исчезъ, а чиновникъ написалъ на новомъ листѣ бумаги тѣ же слова: „по приказанію его превосходительства“ и опять, отрывая перо отъ бумаги только для того, чтобы обмакнуть его въ чернильницу, сталъ еще кому-то и что-то „предлагать“. Это приказаніе его превосходительства было, очевидно, пространнѣе. Чиновникъ еще не кончилъ „излагать“ его, когда въ кабинетъ вошелъ экзекуторъ и смотритель зданія, человекъ уже не молодой, съ бритымъ, желто-зеленымъ лицомъ.

— Петръ Петрович!—воскликнулъ онъ ноющимъ, почти плачущимъ голосомъ.—Ради Бога!.. Что-же я буду дѣлать?!

Пухленькій чиновникъ, продолжая писать, заговорилъ, напротивъ, шутливо и улыбаясь.

— Что будете дѣлать, Федоръ Терентьевичъ? Какъ—что?.. Дѣлайте сегодня, что дѣлали вчера, а завтра, что—сегодня. Тогда все будетъ сдѣлано непременно „по бывшимъ примѣрамъ“, практика, которую, несомнѣнно, вы приобретете такимъ путемъ, сократитъ до минимума ошибки въ вашей дѣятельности, потомъ ошибки исчезнутъ окончательно, и, наконецъ, вы станете идеальнымъ чиновникомъ!.. А стремиться къ идеалу, какъ извѣстно...

— Вы смѣетесь. А мнѣ не до шутокъ!—мрачно перебилъ его желто-зеленый чиновникъ.

— И напрасно!—подхватилъ весело пухленькій.—Шутка и смѣхъ—необходимыя приправы къ нашей канцелярской и департаментской „духовной пищѣ“... Безъ нихъ геморрой разовьется... Видите:—я все шучу и смѣюсь и какой я здоровый!.. А вы...

— Гдѣ, гдѣ я „отведу“ это помѣщеніе?!—завопилъ, опять перебивая, смотритель.

— Не знаю... Но знаю, что гдѣ-нибудь непременно отведете, потому что — приказано. Я свое дѣло исполнилъ:—передалъ вамъ приказаніе его превосходительства, во всей его полнотѣ и неприкосновенности, ничего не прибавляя и не убавляя, стараясь сохранить не только „смысль“, но и „духъ“!—сказалъ пухленькій чиновникъ, кончая

вторую записку, выставляя и на ней „спѣшное“ и надавливая опять пуговку звонка.

— Вы бы доложили, что верхка нѣтъ свободнаго во всемъ зданіи!—продолжалъ свое смотритель.

— Докладываль. Для усиленія впечатлѣнія я говорилъ даже не о верхкахъ, а о дюймахъ. „Нидюйма, говорю, ваше превосходительство“!.. Но, вѣдь вы знаете „наше“ превосходительство. Крякнулъ ворчливо, а потомъ рявкнулъ повелительно:— „чтобъ было“!.. По военному, дорогой мой! Мы съ вами люди гражданскіе—„крапивное сѣмя“—и не можемъ этого понять. Это и есть этотъ самый „духъ“... „Нѣтъ“?—Чтобъ было!.. „Есть“?—Чтобъ не было!.. „Скажите смотрителю, что я требую“... И мой совѣтъ—поторопитесь, батенька!..

— Вѣдь придется кого-нибудь выселить,—замѣтилъ уныло смотритель.

— И объ этомъ я докладываль...

— Ну?

— Рявкнули:—„Придется“!..

„Чортъ знаетъ что“! подумалъ Федоръ Терентьевичъ и спросилъ:—Кого-же?

— Этого я опять не знаю—кого. И очень счастливъ, что не я долженъ рѣшать этотъ вопросъ...

— Но почему же я долженъ его рѣшать?!

— По приказанію его превосходительства...

Смотритель постоялъ нѣкоторое время въ угнетенномъ состояніи, раздумывая.

— Вахтера Курилкина?—спросилъ онъ.—Занимаетъ одну большую комнату, семья—шесть чело-вѣкъ и служитъ двадцать семь лѣтъ..

— Святотатство!—согласился пухленькій чиновникъ.

— Отставного швейцара Калистратова?... Больной старикъ и жена раслабленная... И тоже лѣтъ тридцать отслужилъ Царю и Отечеству...

— И это—преступленіе!..

— Писаря Егорова?—спросилъ смотритель и опять пояснилъ.—Мать—старуха древняя и сама не молодь... И даже свыше тридцати лѣтъ служить и живетъ въ своемъ подвалѣ...

— А это будетъ уже турецкое звѣрство!—рѣшили опять и Петръ Петровичъ.

— Тутъ хоть есть къ чему придратъся:—пѣть!..

— И мы съ вами пьемъ, Фѣдоръ Терентьевичъ. И всѣ пьютъ. Гусь, и тотъ—пѣть. Но если необходимо „придратъся“, то, конечно, есть къ чему:—пьянство порокъ нетерпимый... Охъ! —вдохнулъ онъ неожиданно.—Сколько съ утра до вечера грѣховъ на душу примешь, и вольныхъ и невольныхъ! И какъ-то незамѣтно принимаешь, походя, словно даже дѣло дѣлаешь...

— Вотъ я и не желаю „невольнаго“ грѣха на душу брать...

— Да вѣдь онъ потому „невольнымъ“ и называется, что вы его „не желая“ дѣлаете,—улыбнулся Петръ Петровичъ.

— Ей Богу, такую вы мнѣ задачу задали!..

— Не я! Не я! По приказанію его превосходительства...

Желто-зеленый чиновникъ вышелъ изъ себя, насколько можетъ выйти изъ себя чиновникъ, критикуя, конечно за глаза, приказаніе начальства.

— Такъ пускай самолично и рѣшаетъ, надѣ-
кѣмъ это турецкое звѣрство учинить! — восклик-
нулъ онъ. — Я солдатъ, а паша — онъ... Пусть самъ
укажетъ, кого именно рѣзать.

— И святое дѣло! — подхватилъ пухленькій
чиновникъ. — Доложите, что выселить „возможно“
такихъ-то, потому что именно они живутъ въ под-
ходящихъ для указанной надобности подвалахъ...
Онъ живо рѣшитъ, по военному. Вотъ ужъ-не за-
думается! А вы въ сторонѣ. Тотъ-ли, другой-ли
плакаться придетъ, у васъ отвѣтъ готовъ: „по при-
казанію его превосходительства“!..

— Теперь къ нему можно? — спросилъ смотри-
тель.

Петръ Петровичъ взглянулъ на часы.

— До двѣнадцати можно. Потомъ завтракать
пойдетъ, а послѣ завтрака уѣдетъ. Сегодня на-
значенъ „внезапный“ осмотръ пріюта для немощ-
ныхъ и престарѣлыхъ...

— А вы уведомили пріютскаго смотрителя? —
спросилъ озабоченно экзекуторъ.

— Сказалъ по телефону, чтобы приготовились
къ двѣнадцати дня. Незамѣнимая штука въ по-
добныхъ случаяхъ телефонъ! Прежде, бывало: курь-
еръ... на извозчикѣ... посидеть-ли?.. дорогою раз-
болтаетъ всѣмъ и каждому, что спѣшить преду-
предить о „неожиданномъ посѣщеніи“... Сколько
заботъ! А теперь — любо-дорого! Подошелъ тихонь-
ко къ будкѣ, прикрылъ за собою дверку и выз-
валъ кого надо... „Вы“? — Я. „А я — вотъ кто...
Будьте готовы къ двѣнадцати... Будетъ около
часу“... „Самъ“? — Да. „Merçi bien“! — Pas de

quoi... Вѣрно, скоро и безъ огласки! И генераль прибыль, въ самомъ дѣлѣ, будто „внезапно“ и неожиданно...

Минуть черезъ пять Ѳедоръ Терентьевичъ вошелъ въ огромную казенную квартиру, которую занималъ генераль, приказалъ дежурному курьеру вызвать лакея и попросилъ его „доложить“.

— Подождите, Ѳедоръ Терентьевичъ, сейчасъ сами тутъ пройдутъ въ столовую, — сказалъ, вернувшись, лакей.

— Въ хорошемъ расположеніи?..

— Не такъ, чтобы очень, а впрочемъ — ничего...

Генераль вышелъ. И безъ того всякому было ясно, что онъ былъ совсѣмъ военный человѣкъ, но онъ старался казаться особенно военнымъ, болѣе чѣмъ военнымъ, всѣ прочіе военные...

— Что? — спросилъ онъ, сразу останавливаясь предъ смотрителемъ.

— Ваше превосходительство изволили приказать отвести помѣщеніе для мебели...

— Непремѣнно!

— Въ виду того, ваше превосходительство, что свободныхъ помѣщеній нѣ...

— Чтобъ было!

— Придется, ваше превосходительство, выселить кого-нибудь изъ занимающихъ подвальные помѣще...

— Придется!

— Смѣю спросить, ваше превосходительство: кого именно прикажете выселить?.. Вахтеръ Курилкинъ служить двадцать семь лѣтъ... Шестъ чело...

— Жаль!.. Старый солдатъ... Еще?

— Бывшій швейцаръ Калистратовъ... Больной и жена ..

— Тоже жаль... Вся грудь въ орденахъ... Не этого... Еще!

— Еще—Егоровъ... Мать древняя старуха... Тридцать два года службы...

— Какой службы?

— Вольнонаемный писарь, ваше превосходство...

— Крапивное сѣмя?! Не жаль!.. Больше нѣтъ?..

— Точно такъ, ваше превосходительство... Изъ этихъ трехъ...

— Этого! — приказалъ генераль. — Этого не жаль!—повторилъ онъ и пошелъ въ столовую завтракать...

* *
*

Между тѣмъ, Антонъ Егоровичъ началъ сегодняшній день обычнымъ порядкомъ... Онъ подмелъ свои комнатки, принесъ дровъ для плиты, поставилъ самоваръ и, напившись съ матерью чаю, одѣлся и до службы пошелъ посидѣть въ трактиръ, въ которомъ бывалъ изо-дня въ день ровно двадцать лѣтъ...

Онъ сталъ ходить туда послѣ того, какъ его покинула жена. До этого онъ не пилъ водки и о трактирахъ не думалъ. Служа первые семь лѣтъ, холостымъ, онъ получалъ пять рублей жалованія, очень нуждался и, чтобы кое-какъ сводить концы съ концами, проводилъ и свободные отъ службы часы за перепискою бумагъ частныхъ заказчи-

ковъ. Черезъ семь лѣтъ ему прибавили десять рублей. Но тутъ онъ влюбился въ горничную полковника, занимавшаго казенную квартиру надъ его подваломъ, женился и расходовъ прибавилось, а потому пришлось и больше работать.

Жена его оказалась легкомысленной женщиной; черезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы она бросила Антона Егоровича за то, что онъ „скучный“. Только за это; она такъ и объяснила его роднымъ, уѣзжая съ какимъ-то веселымъ челоуѣкомъ куда-то, въ провинцію... „Скучнымъ“ онъ показался ей потому, что не любилъ ходить въ гости и принимать участіе въ разныхъ пирушкахъ, посвящая все свободное время чтенію. Онъ получилъ, конечно, самое скудное образованіе, выучился только читать и писать, но былъ очень любознателенъ и любилъ чтеніе больше всякихъ развлеченій. Онъ любилъ и романы, и „путешествія“, и описаніе жизни великихъ людей, и историческія повѣствованія и сидѣлъ дома всегда съ книжкой въ рукахъ...

Дѣтей онъ не прижилъ съ женою; хозяйничала и стряпала и при женѣ мать—Домна Ивановна, и уходъ жены не произвелъ-бы особаго переворота въ жизни Антона Егоровича, если-бы онъ не любилъ ее, какъ женщину. Она была красавица, и въ день ея ухода онъ былъ въ нее такъ-же страстно влюбленъ, какъ и въ день свадьбы... И послѣ ея ухода онъ сталъ „выпивать“. Но, не желая огорчать мать, онъ „выпивалъ“ не дома, а въ трактирѣ, куда забѣгаль сначала походя, на минутку... Но со временемъ,

онъ сталъ въ немъ задерживаться и засиживаться, и въ концѣ-концевъ побывать утромъ, до службы, въ трактирѣ, выпить тамъ три-четыре рюмки водки, прочесть газетку и поговорить съ буфетчикомъ стало для него такой потребностью, какъ и явиться на службу въ одиннадцать часовъ... Мало того, что онъ привыкъ выпивать и закусывать именно въ трактирѣ; мало того, что тамъ у него завелись друзья и знакомые, съ которыми было приятно и посидѣть и поболтать о разныхъ дѣлахъ; мало и того, что тамъ можно было бесплатно разсматривать около десятка газетъ и иллюстрированныхъ журналовъ; главнымъ образомъ, трактиръ полюбился Антону Егоровичу за то, что тамъ „многое можно было узнать“. Кого-кого тамъ ни было, кто только тамъ ни разглагольствовалъ и о чемъ только ни повѣствовалъ и трезвый, и въ легкомъ подпитіи, и совершенно пьяный...

Купцы, надуваясь жидкимъ чаемъ, говорили о торговыхъ дѣлахъ; мелкій адвокатъ, „усидѣвъ“ съ кліентомъ бутылку водки, рассказывалъ во всеуслышаніе подробности интересныхъ судебныхъ дѣлъ, которыя ему приходилось вести и выигрывать; потрепанный актеръ рассказывалъ такіе забавные анекдоты, что добродушные и смѣшливые люди тутъ же знакомились съ нимъ и просили его къ буфету— „выпить на новомъ знакомствѣ“... Отставной офицеръ рассказывалъ про турецкую войну; чиновникъ повѣствовалъ о томъ, какъ несправедливо его оставили за штатомъ; спившійся, давно не бритый лакей описывалъ

такъ подробно „за-границу“, куда онъ ѣздилъ со своимъ бывшимъ бариномъ, какимъ-то графомъ...

Такъ, не напиваясь, а только „выпивая“ и развлекаясь, Егоровъ посѣщаль трактиръ по утрамъ пятнадцать лѣтъ. Но пять лѣтъ назадъ онъ запилъ сильнѣе, и теперь и мать, и товарищи по службѣ, и даже начальство не разъ видывали его пьянымъ... Была причина и этому. Антонъ Егоровичъ былъ оскорбленъ „непріятностью по службѣ“...

У него былъ великолѣпный почеркъ, и онъ переписывалъ только тѣ бумаги, которыя надо было написать очень красиво и четко; но, кромѣ того, на него была возложена „почетная“ обязанность надписывать и отправлять тѣ конверты, въ которыхъ препровождались бумаги высокопоставленнымъ лицамъ. Однажды, Егоровъ выпилъ съ приятелемъ больше обыкновеннаго и пришелъ на службу въ томъ состояніи, когда человекъ, хотя и пьянъ, но дѣло дѣлать можетъ. Какъ разъ въ этотъ день начальство вынесло ему для отправки бумагу къ одному большому генералу, съ помѣткою „въ собственныя руки“. Антонъ Егоровичъ принялъ бумагу и, взглянувъ какому именно генералу она направляется, снисходительно улыбнулся...

„Не логично-съ... Не логично, или необходимо; или — недосмотръ за спѣшностью работы“, соображалъ онъ, вставляя въ ручку свѣжее перо. „Его высокопревосходительству на войнѣ одну руку оторвало, а они, направляя къ нимъ бумагу, дѣлають помѣтку: „въ собственныя руки“... Нельзя... И, ежели начальство проглядѣло или ошиблось, Егоровъ не проглядитъ... Егоровъ старій служа-

ка, и начальство свое никогда не подведетъ... Егорова теперь начальникомъ отдѣленія сдѣлай — не потеряется... И всякую бумагу пойметъ, и всегда ошибку замѣтитъ"... И, размышляя такъ, онъ сталъ выводить на конвертѣ слова, а наверху выписалъ крупными буквами: „въ собственную руку“...

„Такъ-то: „въ руку“, а не „въ руки“, потому что у его высокопревосходительства одна рука, а не двѣ“, заключилъ онъ и отправилъ конвертъ по назначенію...

Но въ тотъ-же день, вечеромъ, курьеръ того вѣдомства, гдѣ начальствовалъ однорукій сановникъ, принесъ обратно этотъ конвертъ, съ письмомъ отъ правителя дѣлъ къ экзекутору, Федору Терентьевичу. Въ этомъ письмѣ были колкіе упреки въ небрежности: было сказано, что „конечно“ въ такомъ видѣ пакетъ не былъ переданъ его высокопревосходительству. А сдѣланная Егоровымъ надпись „въ собственную руку“ была нѣсколько разъ подчеркнута краснымъ карандашомъ и около нея былъ поставленъ огромный знакъ вопроса...

Экзекуторъ сдѣлалъ Антону Егоровичу строгій выговоръ, замѣтивъ при всей канцеляріи, что „въ пьяномъ видѣ можно натворить еще и не такихъ дѣлъ“, и тутъ-же приказалъ ему передать другому писарю почетную обязанность надписывать конверты высокопоставленнымъ лицамъ... Тутъ-же, въ канцеляріи, онъ рассказывалъ этотъ случай, какъ какой-то забавный анекдотъ, и казначею, и чиновнику особыхъ порученій, и бухгалтеру. И

всѣ очень смѣялись надъ Егоровымъ... Трунили надъ нимъ и мелкіе чиновники и даже свой братъ — писецъ...

И съ этого дня Егоровъ захандрилъ и запилъ сильнѣе... Частенько онъ пробирался теперь въ трактиръ и вечеромъ; частенько онъ возвращался оттуда и совсѣмъ пьяный... Но онъ былъ тихъ во хмѣлю, вернувшись домой, старался скорѣе улечься въ постель, даже въ этомъ видѣ стѣсняясь матери, не пропивалъ добра и вещей, не раззорялъ гнѣзда, которое устроилъ для себя и для матери въ двухъ комнаткахъ своего подвала, и Домна Ивановна не попрекала его, понимая вѣроятно, что не весело живется ея Антошѣ...

* *
*

И сегодня, сидя по-утру въ трактирѣ, Антонъ Егоровичъ выпилъ не три и не четыре рюмки, а шесть... На душѣ было гадко: и тоскливо и тревожно. И читать не хотѣлось. Обыкновенно онъ прочитывалъ до службы двѣ газетки; сегодня не осилилъ и одной... Отложивъ газету, онъ посидѣлъ, задумавшись, и попросилъ буфетчика налить и седьмую рюмку водки...

— Вы нынче будто чѣмъ-то разстроены, Антонъ Егоровичъ? — спросилъ буфетчикъ, наливая водку.

— Душа болитъ, Василій Семеновичъ... Къ старости явилось у меня общее недовольство жизнью... Могъ-бы иначе жизнь провести, а провель... Непроизводительно я ее провель.. И до

того она мнѣ теперь въ тягость, что, если-бы не престарѣлая маменька, я бы ею не подорожилъ...

— Ужь это у васъ чрезмѣрная мрачность! — замѣтилъ буфетчикъ.

Антонъ Егоровичъ понялъ, что буфетчикъ говоритъ только для того, чтобы развлечь его, какъ доходнаго гостя, но сочувствовать ему не можетъ, расплатился и ушелъ на службу.

Передъ тѣмъ какъ идти въ комнаты канцелярїи, онъ закурилъ въ швейцарской и угостилъ папироской швейцара, тоже стараго слугаку.

— Степанъ Акимычъ, у васъ въ комнатѣ есть мыши? — спросилъ онъ его.

— Нѣтъ... Не слышать...

— Удивительно! — замѣтилъ Антонъ Егоровичъ. — Тридцать два года я не слыхалъ и у себя. А нынче ночью проснулся — скребется!.. Удивительно!..

— Да, и никто не жаловался...

— Никто... И мнѣ не приходилось слышать, чтобы жаловались... А вотъ у меня нынче скреблась...

— Есть, сказываютъ, примѣта: „мышь скребется — съ квартиры выживаетъ“, — замѣтилъ швейцарь.

„И онъ — то же“, — подумалъ Егоровъ и на душѣ у него похолодѣло.

А швейцарь еще и добавилъ.

— У васъ маменька дама плохенькая, старенькая... Не ей-ли предвѣщаетъ, прости Господи!..

И, затянувшись крѣпкимъ табакомъ, онъ равнодушно сплюнулъ.

„Каркай на свою голову, старый песъ“! подумалъ Егоровъ и, бросивъ папироску, пошелъ въ канцелярію.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто, разложилъ письменныя принадлежности и, такъ какъ на его столѣ еще не было положено бумагъ для переписки, а всѣ вчерашнія были исполнены, ждалъ прихода начальства въ полномъ бездѣйствіи.

Наконецъ, начальникъ отдѣленія пришелъ. Но слѣдомъ за нимъ вошелъ и экзекуторъ, Федоръ Терентьевичъ. Егоровъ всталъ и поклонился... Но что это случилось съ экзекуторомъ?! Обыкновенно онъ отвѣчалъ на поклоны писарей, швейцаровъ, вахтеровъ и курьеровъ молчаливымъ, медленнымъ кивкомъ, во время котораго оглядывалъ подчиненнаго, очевидно, убѣждаясь въ томъ, въ полномъ-ли порядкѣ тотъ явился къ исполненію обязанностей. Въ концѣ „кивка“, въ заключеніе, онъ успѣвалъ особенно пытливо взглянуть и въ глаза служащаго, словно убѣждаясь и въ томъ, чисты-ли у него и помыслы, а быть можетъ въ томъ — не выпилъ-ли онъ лишняго... Но что-же съ нимъ сегодня?! Кланаясь, Антонъ Егоровичъ постарался принять совершенно трезвый видъ, и насчетъ „лишняго“ обманулъ экзекутора. Дѣло однако не въ томъ. Сегодня, отвѣчая на поклонъ Егорова, Федоръ Терентьевичъ не только не оглядѣлъ его съ ногъ до головы, но, кивнувъ, будто содрогнулся, и, когда встрѣтился глазами съ Егоровымъ, быстро отвернулся... Тутъ-же онъ остановился на мгно-

веніе, будто хотѣлъ что-то сказать Егорову, но вдругъ, и скорѣе прежняго, пошелъ въ кабинетъ начальника отдѣленія.

„Что-бы это значило“? думалъ Егоровъ.

И онъ не успѣлъ еще остановиться на какой-либо догадкѣ, когда экзекуторъ вышелъ опять въ комнату канцеляріи и, подойдя къ его столу, сказалъ не громкимъ и какимъ-то сдавленнымъ голосомъ и глядя не на Антона Егоровича, а въ сторону.

— Егоровъ, по приказанію его превосходительства...—Но тутъ онъ неловко заппулся, оборвалъ фразу, словно стѣсняясь докончить ее на народѣ, и проговорилъ торопливо: — пойдите ко мнѣ въ кабинетъ...

И онъ пошелъ впередъ, а Егоровъ послѣдовалъ за нимъ, ничего еще не понимая, но предчувствуя уже что-то „неладное“... Конечно:—на что „хорошее“ могъ надѣяться писарь Егоровъ, отмѣченный начальствомъ какъ человѣкъ „вышивающій“ и пославшій однажды пакетъ „въ собственную руку его высокопревосходительства“!..

„Опять что-нибудь такое случилось“! думалъ онъ тревожно.

Наконецъ они пришли въ кабинетъ смотрителя, и Ѳедоръ Терентьевичъ, ставъ спиною къ свѣту и почесывая лобъ среднимъ и большимъ пальцами такъ, чтобы ладонь закрывала глаза, проговорилъ скороговоркой.

— По приказанію его превосходительства, сегодня къ вечеру, вы должны очистить занимаемую вами квартиру... Завтра утромъ это помещеніе потребуется для надобностей учрежденія...

Его превосходительство приобрѣли мебель и декоративную обстановку для вечеровъ, устраиваемыхъ съ благотворительной цѣлью, и эти вещи приказано перевезти и сложить тамъ немедленно...

И сказавъ это, Ѳедоръ Терентьевичъ продолжительно закашлялъ, словно у него заболѣло гдѣ-то внутри, и, торопливо взявъ съ окна первое попавшееся дѣло въ пыльной синей обложкѣ, сталъ его перелистывать...

„Мышь“! мелькнуло въ головѣ Егорова. „Мать... Старуха несчастная!.. Куда я дѣнусь съ ней?.. Куда я перетащу ее въ нѣсколько часовъ?!. Что это за тиранство“?!

— Ѳедоръ Терентьевичъ!.. Тридцать два года я живу на этой квартирѣ!.. Тридцать два года служу!.. Пожалѣйте!.. Ѳедоръ Терентьевичъ!—взмолился онъ и повалился смотрителю въ ноги.

Тому показалось даже, что Егоровъ ползеть цѣловать его сапоги, и онъ отскочилъ.

— Встаньте!.. Встаньте, Егоровъ!.. Причемъ тутъ я?!. Что я могу?! Я передалъ вамъ приказаніе его превосходительства... Это генераль приказалъ... Генераль!.. Онъ указалъ на васъ... Просите его, а не меня...

Егоровъ рѣшительно поднялся съ полу.

— Пойду,—сказалъ онъ.

Смотритель сообразилъ что, въ волненіи сказалъ лишнее и, спохватившись, испугался.

— Куда вы пойдете?..

— Ихъ пойду просить... Ихъ превосходительство!..

— Что вы!.. Что вы, Егоровъ!.. Подумайте, что вы говорите!.. Развѣ можно!.. Вы себя погубите... Генераль разсердится и за эту дерзость прикажетъ удалить васъ со службы... Я только къ слову сказаль, а въ самомъ дѣлѣ — развѣ это можно?!. Гдѣ-же это видано, гдѣ это слыхано, чтобы писарь шель съ претензіей къ генералу?!. Что вы!

— Нѣтъ, я пойду!—повторилъ Егоровъ.

— Я вамъ говорю, васъ удалятъ со службы...

— Пусть!.. Пусть выгонять!.. Мнѣ теперъ все единственно... Какъ и старой собакѣ все единственно—подъ какимъ заборомъдохнуть!.. Если-бы не старуха мать, я и разговаривать бы не сталь и не пошелъ бы просить... Я бы, Ѳедоръ Терентьевичъ, самъ ушелъ за это оскорбленіе... А мать жалко... И теперъ — я пойду... И къ генералу пойду!.. Я теперъ ничего не боюсь... Смерти не боюсь, а не то что—гене...

Онъ захлебнулся подступившимъ рыданьемъ и быстро вышелъ.

Ѳедоръ Терентьевичъ высунулся въ дверь.

— Егоровъ, одумайтесь! Хуже будетъ...

Но Егоровъ ничего не отвѣтилъ и уходилъ...

* *
*

„Что это?.. За что?!. Развѣ такъ можно“? спрашиваль онъ невѣдомо кого. „Безъ всякой вины, такъ, зря—обижать человѣка!.. Нехорошо... Подумать надо было, какъ иначе сдѣлать, чтобы не обижать... Безъ моего подвала ужъ и дѣвать

некуда эту ихнюю мебель и обстановку?! То — хламъ, дерево, можно свалить куда попало... А я — живой человекъ... И мать — жива еще... Маменька, маменька!.. Какъ я скажу ей объ этомъ? Доставилъ на послѣдокъ покой, нечего сказать!.. Хорошъ сынокъ“!..

Не заходя въ канцелярію, онъ пошелъ было домой, самъ не зная зачѣмъ, посоветоваться съ матерью, или хорошенько обдумать свое положеніе раньше, чѣмъ идти къ генералу, но вернулся и направился прямо къ генеральскому подъѣзду.

„Нѣтъ, пойду прямо къ его превосходительству... Должны они отмѣнить свое приказаніе... Ничего они не знаютъ, ничего имъ не доложили толкомъ... Знаемъ мы это начальство!.. Смолчали... струсили... И — предали... Такъ я самъ скажу... все скажу... И не уйду я, пока не отмѣнятъ своего приказанія... Не уйду... Что это?.. За что?.. И отчего именно меня надо выселить, когда я больше всѣхъ... когда я тридцать два года служу!.. Все это я скажу генералу“!..

Онъ былъ въ это время около самаго подъѣзда; но, даже не остановившись, шелъ дальше, по знакомой дорогѣ... въ трактиръ... Онъ чувствовалъ, что долженъ выпить „для храбрости“ двѣ-три рюмки водки, раньше чѣмъ идти къ генералу, чтобы сказать все, что собирался высказать... И дѣйствительно, когда онъ выпилъ наскоро, одну за другою, двѣ большія рюмки, загусивъ ихъ мятными лепешками, „чтобы отбить духъ“, онъ почувствовалъ въ себѣ такую „храбрость“, что, уже не раздумывая, быстрыми шагами вернулся

къ генеральскому подъѣзду и поднялся по лѣстницѣ до самой прихожей, гдѣ, по обыкновенію, дежурилъ курьеръ.

— Что вы, Антонъ Егоровичъ?

— По дѣлу,—отвѣтилъ коротко Егоровъ.

— Ко мнѣ, то-есть?

— Нѣтъ, не къ вамъ, а къ его превосходительству...

— По какому-же дѣлу?..

— По личному своему дѣлу...

— Къ генералу?!

Должно быть, случилось впервые, что простой писарь пришелъ къ генералу „по личному своему дѣлу“.

„Выпимши... не иначе, какъ—выпимши“, рѣшилъ, всматриваясь въ Егорова, курьеръ и, обращаясь къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, сказалъ: —вы бы лучше въ другой разъ пришли, Антонъ Егоровичъ...

— Развѣ ихъ нѣтъ дома?

— Не въ томъ... Хотя ихъ и нѣтъ, но съ минуты на минуту поджидаемъ... Въ этомъ и дѣло, что они сейчасъ пріѣдутъ и застанутъ васъ тутъ... А вѣдь вы чуть-чуть того...

— Сами вы „того!“ —разсердился Егоровъ.— Я вамъ дерзостей не говорилъ, и вы не смѣете говорить, что я—„того“!.. Дома нѣтъ, такъ и скажите... Для того вы тутъ и поставлены, чтобы объ этомъ докладывать. А оскорблять подозрѣніями вы не имѣете полного права...

Послѣ этого столкновения съ курьеромъ, Егорову было уже неловко оставаться съ нимъ глазъ-на-глазъ, въ ожиданіи генерала, и онъ спустился

внизъ, рѣшивъ ждать возвращенія его превосходительства у подѣзда.

„Къ генералу?! Къ генералу?!“ передразнивалъ онъ курьера. Да, къ генералу!.. Когда горе случится, Бога идемъ просить, а не то что генерала... Богъ все-таки поважнѣе всякаго генерала, а вотъ, бываетъ, идемъ и къ Нему!.. Да, сначала просить буду... умолять буду... на колѣняхъ стану ползать... Для маменьки я на все пойду... на все согласенъ... А ежели не послушаютъ, ежели не войдутъ въ положеніе, пусть не прогнѣваются!.. Тогда все выскажу... тогда такого наговорю, чего они можетъ быть отродясь не слыхали, и не только отъ писарей, а даже и отъ другихъ генераловъ... И пусть тогда со службы гонять... Пусть!.. Все равно—погибать!.. А что, скажу, ваше превосходительство, есть-же и выше васъ генераль?.. И что, если-бы этотъ генераль, который, значитъ, выше васъ, приказалъ-бы вамъ въ одинъ день изъ этой вашей огромной квартиры выселиться?! Приказалъ-бы онъ вамъ все сломать, оторвать все, что за тридцать два года къ полу приросло и къ стѣнамъ прилипло, и тащить это все невѣдомо куда?! Что-бы вы сказали, ваше превосходительство?! И мать, старуху больную и дряхлую, приказалъ-бы онъ вамъ вытащить изъ того угла, гдѣ тридцать лѣтъ она копошилась, крихтѣла и молилась... гдѣ и умереть думала!.. А?.. Что-бы вы сказали?.. Или—за чужой щекой зубъ не болитъ, ваше превосходительство?! Или, скажу, съ вами такъ нельзя, а со мной можно?! Что-же, чортъ возьми, человѣкъ я, или не человѣкъ“?!

Въ эту минуту огромная дверь подъѣзда распахнулась, генераль вошелъ въ подъѣздъ и сразу увидѣлъ Егорова.

— Ты кто?

Мгновенно Антонъ Егоровичъ принялъ тотъ испуганный, невозможно глупый видъ, съ которымъ совсѣмъ маленькій подчиненный отвѣчаетъ всегда на вопросъ очень большого начальника. Онъ сдернулъ шапку съ головы, руки его опустились „по швамъ“ и вытаращенные до послѣдней возможности глаза смотрѣли, не мигая, въ лицо генерала.

— Вольнонаемный писарь Антонъ Егоровъ, ваше превосходительство!—выкрикнулъ онъ „посолдатски“.

Генераль даже не вспомнилъ, что поутру приказалъ „учинить турецкое звѣрство“ именно надъ Антономъ Егоровымъ.

— Что надо? Тутъ зачѣмъ?

Курьеръ стремительно катился съ лѣстницы.

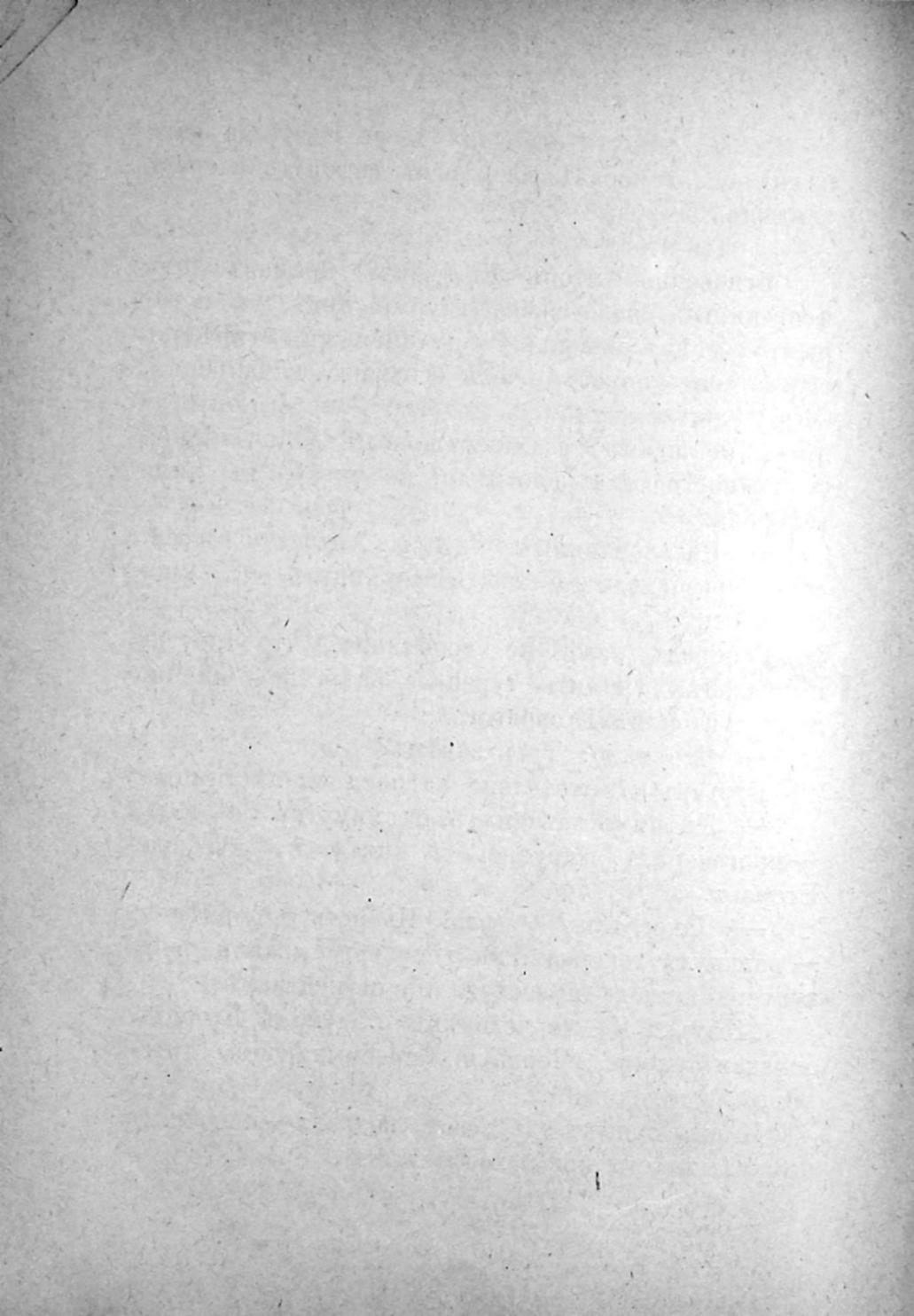
— Къ нимъ заходилъ.. на минутку... по дѣлу, —проговорилъ, заикаясь и кивая на курьера, Егоровъ.

— Какое тамъ — дѣло! Пьянствуете вмѣстѣ! —рявкнулъ генераль, на ходу сбрасывая на руки курьера шинель и восходя по ступенькамъ.

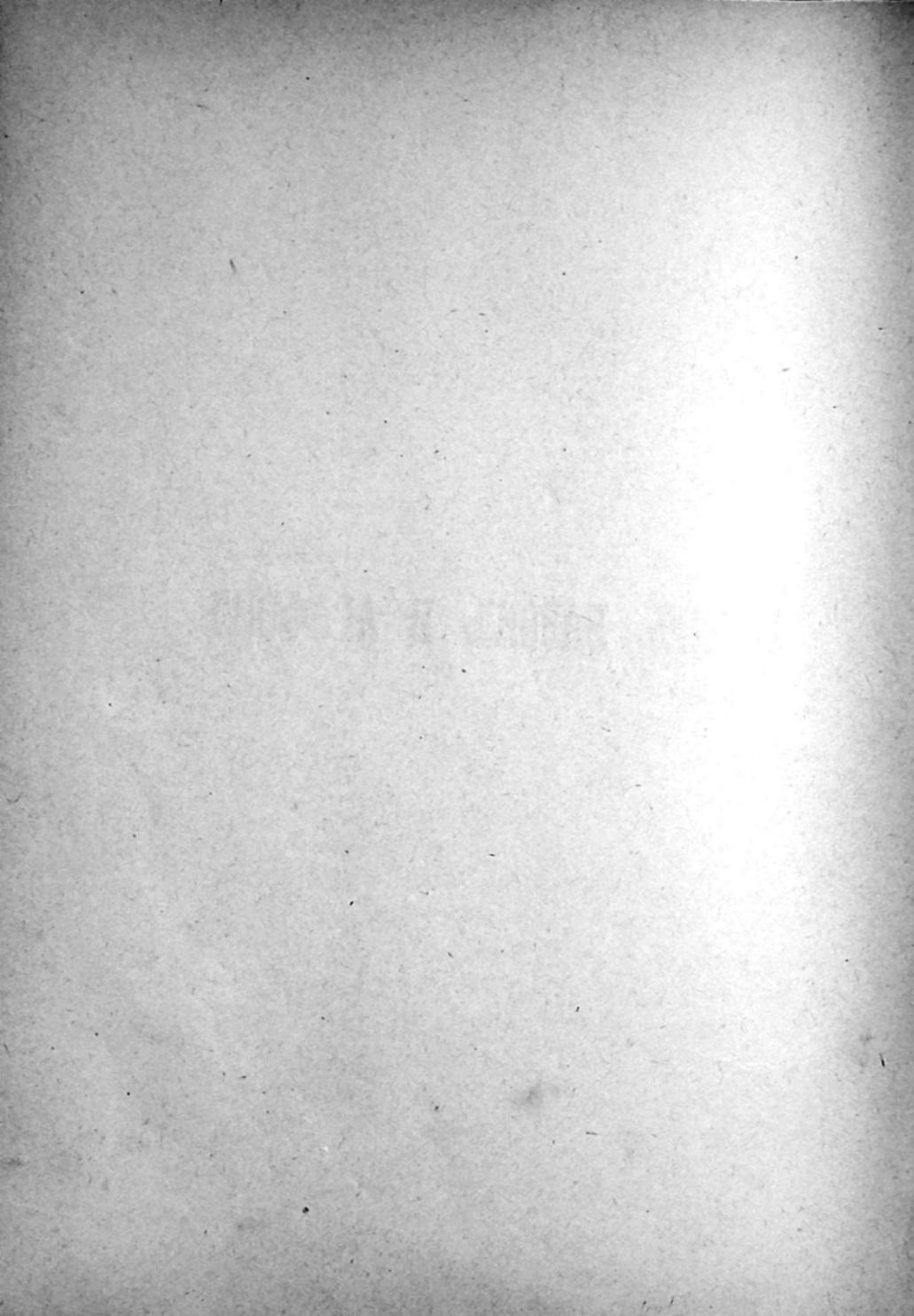
„Нѣтъ... Я—не человѣкъ“!.. думалъ Егоровъ, опуская голову. „Червь я... пресмыкающій... трусливый... голодный“ ...

И онъ пошелъ въ свой подвалъ—исполнять приказаніе его превосходительства.

КЛЕНЪ, БАРОНЪ И АГАФОНЪ.

Клёнъ, баронъ и Агафонъ.

Баронъ Басилій Николаевичъ фонъ-Кронъ былъ русскій баронъ, какихъ не мало на Руси. Хотя онъ и носилъ иностранную фамилію, но ничѣмъ не отличался отъ дворянъ-землевладѣльцевъ своей губерніи. Какъ и всѣ, и онъ „едва дышалъ“ въ своемъ „родовомъ“ имѣніи, внося за него проценты въ дворянскій банкъ послѣ третьей публикаціи, наканунѣ торговъ; какъ и всѣ, и онъ терпѣлъ постоянно „недороды“, а при рѣдкихъ урожаяхъ продавалъ хлѣбъ уѣздному купцу „на-корню“, за полцѣны, чтобы поскорѣе получить деньги, которыя, какъ и всѣмъ, были ему необходимы „до-зарѣза“ въ любой моментъ... Помѣстье его называлось совсѣмъ по-русски — „Кроново“; жена его, баронесса Анна Григорьевна, была совсѣмъ русская дама, дочь помѣщика той же губерніи — Квасоварова. И по наружности баронъ не походилъ на иностранца... Теперь ему было лѣтъ пятьдесятъ, онъ былъ плотный чело-вѣкъ средняго роста съ голубыми глазами, большою лысиной и русой бородой...

Онъ былъ даже до того русскій дворянинъ и помѣщикъ, что уже два десятка лѣтъ враждовалъ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ по имѣнію—Цапкинымъ; и враждовалъ, какъ и большинство, изъ-за пограничной межи...

Какъ и всѣ, и онъ былъ нервный человѣкъ... Нервы его расшатали и многолѣтняя вражда съ сосѣдомъ, и вѣчные недороды на родныхъ поляхъ, а главное—неизмѣнно туманное будущее... Конечно—туманное! Какъ и всѣ помѣщики „центра“, изъ года въ годъ, и баронъ не зналъ достоверно—удастся ему „добыть“ денегъ для внесенія процентовъ банку за истекшій годъ и удержать за собою имѣніе еще на годъ, или, въ одинъ не прекрасный день, придется остаться подъ открытымъ небомъ и на склонѣ лѣтъ выпрашивать мѣсто чиновника...

* *
*

Въ одно октябрьское утро, этотъ баронъ, возставъ отъ сна, умылся, одѣлся и прошелъ въ кабинетъ, когда услыхалъ знакомое покашливаніе въ смежной комнатѣ—въ прежней „лакейской“. Давая знать о своемъ приходѣ, покашливалъ Агафонъ, старшій работникъ въ экономіи барона, и Василій Николаевичъ немедленно вышелъ къ нему.

Агафонъ былъ высокій худощавый мужикъ, лѣтъ сорока пяти, съ длинной бородой и спойными, карими глазами.

— Ты что Агафонъ?—спросилъ баронъ.—
Молотятъ?

— Остановились...

— Что такъ? Почему?..

— „Шестерка“ сломалась...

— Въ молотилкѣ?!—воскликнулъ баронъ, хотя
зналъ, что „шестерка“ конечно—въ молотилкѣ.

— Такъ точно...

— Надо скорѣе починить!.. Какъ же такъ?
Столько поденщиковъ, а работа—стала!..

— Немысленно!—замѣтилъ коротко Агафонъ.

— Что—немыслимо?

— Починить...

— Почему?

— Въ куски разошлася... Въ прошломъ годѣ
я докладывалъ вашей милости, что—ненадежна.
А теперь безпремѣнно надобно новую, потому по-
чинить—немысленно...

— Такъ справляй скорѣе новую!.. Вѣдь су-
мѣешь.

— Сумѣемъ... Только дерева нѣтъ подходя-
щаго... На шестерку безпременно надобенъ клѣнъ.
А у насъ клѣна нѣтъ...

— Ахъ, Боже мой!.. Неужели нельзя сдѣ-
лать изъ березы, изъ сосны... изъ ольхи?..

— Немысленно... Эти дерева—мягкія... Шес-
терка завсегда изъ клѣна дѣлается, это—извѣстно...

— Какъ же быть?.. Въ городъ послать за
клѣномъ?..

— Гдѣ-жъ его въ городѣ сыщешь?.. Въ на-
шемъ городѣ нѣтъ... Развѣ въ губернскомъ есть.
Такъ это—триста верстъ!..

— Что-жъ теперь дѣлать?! — воскликнулъ баронъ.

— Въ Цапкинѣ клёны есть... въ рошшѣ, — замѣтила Агафонъ.

— Еще чего!.. Я пошлю просить у Цапкина?! Ни за что!.. А продать, — онъ на зло не продастъ...

— Не продадутъ, это точно...

— Въ томъ и дѣло!..

И баронъ помолчалъ, не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія... Лишенная „шестерки“ молотилка стала; человѣкъ двадцать поденщиковъ сидятъ безъ дѣла; безъ шестерни молотилка не пойдетъ; новую можно сдѣлать только изъ клёна; а клёнъ есть въ рошшѣ сосѣда, но съ нимъ баронъ враждуетъ двадцать лѣтъ!..

— И, поди, немного и надо клёна на шестерню? — спросилъ онъ, погодя, Агафона.

— Пустяки сушіе!.. Чурбачокъ небольшенькій надобенъ...

— Ну вотъ!.. А гдѣ его возьмешь?!..

— Въ Цапкинѣ, въ рошшѣ, прикажите взять, — повторилъ спокойно Агафонъ.

— Какъ я могу приказать взять въ Цапкинѣ?! Украсть я долженъ тебѣ приказать, что-ли?!..

— Зачѣмъ — украсть?.. Ништо это — кража?.. Чурбачокъ небольшенькій!.. Одно дерево всего спорчу...

— Да вѣдь — чужое! — воскликнулъ баронъ.

— Чужое! — повторилъ, ухмыляясь, Агафонъ. — Когда у насъ нѣтъ, а намъ надобно...

— Вотъ, такъ и всегда вы относитесь къ чужой собственности!..

— Чего это?—переспросилъ Агафонъ, предполагая, что баринъ сказалъ что-то, идущее къ дѣлу.

— Я говорю, что по-вашему это ничего не значить—взять чужое!..

— А какъ же быть, баринъ, коли надобно, а своего нѣтъ и купить негдѣ!—сказалъ, недоумѣвая, Агафонъ.

— Какъ бы ни было, а воровать въ чужой роцѣ я не намѣренъ!—заклучилъ баронъ и, положительно не зная что дѣлать и какъ разрѣшить этотъ вопросъ, ушелъ въ кабинетъ...

Тамъ онъ закурилъ папиросу и посмотрѣлъ съ тоской и досадою на кучку поденщиковъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ безъ дѣла на соломѣ, около риги... А Агафонъ постоялъ—постоялъ въ передней и опять кашлянулъ.

„Чортъ возьми, что же я ему скажу“?! подумалъ баронъ и вышелъ опять въ переднюю.

— Какъ же съ молотъбой-то, баринъ?..

— А что-же—съ молотъбой, когда нельзя молотить?!

— Народъ прикажете отпустить?

— Конечно—отпусти! Не платить же имъ за то, что они лежать на соломѣ!..

— Извѣстно, за что же тутъ платить!—согласился Агафонъ.

— Разсчитай ихъ за полдня и отпусти!..

— И завтра имъ значить не являться?—спросилъ уныло Агафонъ.—Молотить бы надо...

— Да откуда-жъ я завтра шестерку достану?!—возопилъ баронъ.

— Сдѣлать-то ее не долго... Я бы ее часа въ два сработалъ... Кленку бы только раздобыть... Разрѣшите въ Цапкинскую рошшу съѣздить...

— Эхъ, братецъ ты мой!.. Надоѣлъ!.. Толкуешь тебѣ, толкуешь, а ты все—свое!.. Иди!..

И Агафонъ ушелъ отпускать поденщиковъ, а баронъ вернулся въ кабинетъ...

* * *

Въ кабинетѣ онъ опять задумался... Дѣйствительно, чортъ знаетъ—что такое!.. Молотить необходимо... Каждый день дорогъ... Въ этомъ году барону посчастливилось:—онъ не продалъ хлѣбъ „на корню“ и рассчитывалъ выгодно продать его въ зернѣ... По обыкновенію, деньги были необходимы „дозарѣза“ и въ данный моментъ, и баронъ торопился съ молотью... И вдругъ—эта проклятая шестерка!.. Не было печали!.. Теперь—дѣлай, что знаешь!.. Кленъ былъ, дѣйствительно, рѣдкое дерево въ той губерніи, и баронъ не зналъ, у кого онъ есть изъ ближайшихъ помещиковъ, кромѣ Цапкина... Въ уѣздномъ городѣ, въ двадцати верстахъ, нѣтъ складовъ лѣсного матерьяла. А послать въ губернскій—за триста верстъ—во что обойдется этотъ чурбанъ, а главное—когда-то его привезутъ, когда-то можно будетъ возобновить молотью?! Именно—чортъ знаетъ, какое положеніе!..

Баронъ думалъ—думалъ о томъ, какъ изъ него выйти, думалъ цѣлыхъ полчаса, прогуливаясь по кабинету, но ничего не придумалъ и до тѣхъ

поръ, пока посланная баронессой горничная пришла доложить, что поданъ чай.

— Сейчас, — отвѣтилъ баронъ и, совершенно неожиданно для себя, добавилъ: — Позови Агафона...

Идя въ столовую, онъ вспомнилъ свой споръ съ однимъ молодымъ помѣщикомъ, въ буфетѣ собранія, на послѣднихъ дворянскихъ выборахъ. Онъ доказывалъ этому помѣщику, что мужикъ — воръ, что онъ не признаетъ чужой собственности и тащилъ все, что ему понадобится. А молодой помѣщикъ доказывалъ ему, что мужикъ совсѣмъ не воръ, а если воруетъ то только то, безъ чего не можетъ обойтись, и чего у него нѣтъ и купить ему негдѣ...

„Пожалуй, онъ былъ правъ... Вотъ, бываютъ же иногда такія обстоятельства... бываютъ такія положенія, когда одно остается — украсть“! Думалъ теперь баронъ, входя въ столовую, гдѣ за самоваромъ сидѣла баронесса...

Баронесса — прежде стройная и миленькая дѣвица Квасоварова — была теперь расплывшаяся и тоже нервная барыня, лѣтъ сорока...

Нѣчто сосредоточенно обдумывая, баронъ хлебнулъ всего разокъ изъ стакана, когда горничная вернулась уже и доложила о приходѣ Агафона.

Баронъ вышелъ къ нему, покручивая усы и поглядывая не на него, а такъ, куда-то: то на полъ, то по сторонамъ...

— Надо достать, Агафонъ... Больше ничего не остается, — проговорилъ онъ.

— Чего это? — спросилъ Агафонъ.

— Клѣнь...

— Въ цапкинскоѣ рошнѣ прикажете?

— Да когда больше—негдѣ!..

— Слушаю-съ...

— Только, пожалуйста, ты... не попадись...

— Помилуйте, баринъ! Теперя не зима, снѣгъ еще не выпамши... И слѣдовъ не останется! —заговорилъ оживленно Агафонъ.—Запрягу Бѣлогривчика и поѣду рощей, по дорогѣ, быдто по своей надобности... А тамъ, гдѣ поглуше, вы-смотрю кленокъ, который подходящій, сейчасъ—верхушку долой, отмѣрилъ сколько требуется, и—опять долой... Чурбачокъ въ телѣгу, подъ рогожу, и затрусилъ обратно... Опять—словно по своей надобности съѣздилъ и домой возвращаюсь...

— Ну—ну... Ты сейчасъ и поѣдешь?..

— Живымъ манеромъ! Черезъ часъ дома буду, къ вечеру шестерку на мѣсто прилажу, а завтра, съ утра, опять за молотѣбу примемся...

— Ну—ну! —повторилъ баронъ.—Только, Агафонъ, пожалуйста, чтобы никто не зналъ!..

— Что вы сумлеваетесь, баринъ!—говорилъ Агафонъ, уходя.—Этакая пустяковина!.. Намъ на шестерку понадобилось... а то—чего онъ и стоитъ одинъ чурбачокъ!..

* *
*

„Въ сущности, дѣйствительно—пустяки!“ думалъ и баронъ, проходя въ кабинетъ.

Онъ смотрѣлъ въ окно, пока Агафонъ собрался и уѣхалъ рысцой со двора, и вернулся въ столовую, къ недопитому чаю, въ самомъ благодуш-

номъ настроеніи... Мало того, что онъ взглянулъ теперь на это дѣло проще, какъ смотрѣлъ на него Агафонъ, соображеніе, что неожиданно-негаданно онъ, баронъ фонъ-Кронъ, попалъ въ положеніе вора, привело его даже въ игривое настроеніе...

—Фонъ-баронъ и Агафонъ
Утащить рѣшили клѣнь!—

сказалъ онъ экспромтомъ.

Баронесса пила чай, но услыхавъ такой странный экспромтъ, остановила на мужѣ вопросительный взглядъ и словно застыла съ чашкой въ рукѣ...

— Что такое?—спросила она.

— Да, матушка, бываетъ!.. Всякое въ жизни случается!—сказалъ баронъ и повторилъ:

—Утащить рѣшили клѣнь
„Фонъ-баронъ и Агафонъ!..“

— Что ты говоришь, Василій Николаевичъ? Я ничего не понимаю!.. Какъ—„утащить?..“ Какой—клѣнь?!..

— Такой клѣнь!.. Самый обыкновенный!.. Кусокъ дерева, который необходимъ для шестерки, изъ-за котораго остановилась молотба и котораго, хоть тресни, нигдѣ не достанешь, кромѣ Цапкинскоѣ рощи!—воскликнулъ баронъ и рассказалъ баронессѣ о безвыходномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился, о томъ, какъ они съ Агафономъ рѣшили выйдти изъ этого положенія, и о томъ, что Агафонъ уже отправился воровать клѣнь...

— Въ Цапкинской роцѣ?! У Цапкина?!—воскликнула съ ужасомъ баронесса.

— Но когда больше негдѣ достать?!—воскликнулъ и баронъ.

— Да ты съ ума сошелъ, Василій Николаевичъ!.. Хорошо, если онъ никому не попадется! А если его поймають?! Чтобы сдѣлать тебѣ неприятность, Цапкинъ на все пойдетъ!.. Онъ притянетъ тебя къ суду!! Къ уголовному суду!!!

— Что ты это говоришь!—замѣтилъ баронъ, отмахиваясь. Но между тѣмъ, предположеніе жены сразу лишило его игриваго настроенія..

— Конечно!—продолжала баронесса, волнуясь. —Ты думаешь, онъ тебя пощадить? Онъ нарочно прицѣпится къ этому! Съ удовольствіемъ прицѣпится!.. Нѣтъ, это невозможно!.. Баронъ фонъ-Кронъ, дворянинъ, помѣщикъ, и—на скамьѣ подсудимыхъ за порубку!.. Нѣтъ... надо быть о двухъ головахъ, чтобы рѣшиться на такой поступокъ!.. Будутъ судить... пропечатають въ газетахъ... всѣ прочтуть... Въ институтѣ Леночку будутъ спрашивать—не ея ли папа судится за кражу лѣса!.. Въ корпусѣ о томъ же спросятъ Анатоля... Боже мой, Боже, что ты надѣлалъ!—воскликнула, все сильнѣе волнуясь, баронесса и, не допивъ чая, встала изъ-за стола.—У меня страшно бьется сердце! Я предчувствую бѣду!.. Нѣтъ, Василій Николаевичъ, нельзя меня такъ пугать и такъ разстраивать мои нервы!..

И, глубоко вздохнувъ, она пошла въ спальню. Баронъ задумчиво послѣдовалъ за нею... И ему было уже не по себѣ; и у него—ему такъ пока-

залось—сердце стало биться какъ-то часто, тревожно...

Придя въ спальню, баронесса прошла прямо къ угловому шкапчику, достала склянку, накапала изъ нея капель въ рюмочку и выпила...

— Что это ты приняла?—спросилъ послѣ небольшой паузы баронъ.

— Что!.. Эфиро-валеріановыя капли!—сказала грустно баронесса, опустила въ кресло и закрыла глаза платкомъ.

— И я выпью,—сказалъ робко баронъ и тоже выпилъ валеріановыхъ.

И они провели пренепріятные полчаса...

Баронессѣ мерещились „страхи и ужасы“; вздыхая, она пугала ими барона; онъ старался успокоить жену, доказывалъ ей, что „ничего этого не случится“, потому что Агафонъ не попадетя, а между тѣмъ у самого мурашки бѣгали по спинѣ и по затылку, когда баронесса говорила о позорѣ, о скамьѣ подсудимыхъ, даже о тюрьмѣ, о „страшномъ скандалѣ на весь уѣздъ, на всю губернію и, благодаря газетамъ, даже—„на всю Россію“...

Постепенно и въ него вселилась увѣренность, что, если только Агафонъ попадетя, многолѣтній врагъ его—Цапкинъ—непремѣнно схватится за этотъ случай, чтобы сдѣлать ему крупную гадость. Конечно! Уже двадцать лѣтъ, придираясь ко всему, въ чему только можно придирается сосѣдямъ, они—Цапкинъ и баронъ—судятся изъ-за всего и дѣлаютъ другъ другу самыя разнообразныя, крупныя и мелкія гадости... И въ концѣ

концовъ, ужасъ баронессы передался всецѣло и барону.

Въ спальной они долго не высидѣли и перенбрались въ кабинетъ, потому что изъ окна кабинета была видна дорога, по которой Агафонъ долженъ былъ вернуться изъ Цапкинской рощи... Они ждали его возвращенія съ трепетомъ... Баронесса прилегла на диванъ, а баронъ стоялъ у окна... Но Агафонъ не возвращался, хотя, по расчету барона, долженъ былъ уже вернуться, если бы все обошлось благополучно... Время тянулось томительно долго... Минуты казались часами... И тревога барона и баронессы все усиливалась...

* * *

Наконецъ, на дорогѣ показалась телега, запряженная Бѣлогривчичеомъ...

Радостнымъ крикомъ баронъ хотѣлъ успокоить взволнованную баронессу, но въ ту же секунду, увидя челювѣка, сопровождавшаго Агафона верхомъ, чуть не вскрикнулъ испуганно...

Баронъ увидѣлъ мѣстнаго урядника, Макоцвѣтова. Онъ ненавидѣлъ этого урядника за разныя его качества, художества, когда тотъ прѣвзжалъ по дѣламъ, принималъ его всегда съ презрѣнiемъ, „по съобачьи,“ и иначе не называлъ за глаза, какъ „пьяная рожа“... И теперь эта „пьяная рожа“ явилась уличать въ воровствѣ его—барона!.. Конечно, Агафонъ выдалъ его; конечно, по манной, онъ сказалъ, что баринъ послалъ его урвать растъ кленовый чурбанъ!.. И конечно—жена

права — Цапкинъ устроитъ теперь грандіозный скандалъ!..

Въ одинъ мигъ барону представился залъ засѣданій въ губернскомъ окружномъ судѣ. Себя онъ увидѣлъ, рядомъ съ Агафономъ, на скамьѣ подсудимыхъ; на столѣ вещественныхъ доказательствъ лежалъ кленовый чурбанъ. А Цапкинъ стоялъ передъ судьями и говорилъ имъ, указывая на барона: „Да, господа судьи! Теперь, когда доказано, что онъ, этотъ баронъ, воровалъ деревья въ моей рошѣ, ясно, кажется, что онъ захватилъ и сто сажень моей земли на пограничной межѣ, изъ-за которой мы судимся десять лѣтъ!“

И сердце забилося у барона уже нестерпимо-тревожно...

А Агафонъ и урядникъ вѣхали во дворъ и остановились у конюшни...

— Что же?... Все еще—нѣтъ?!—послышался тихій, болѣзненный вопль баронессы.

— П... п... пріѣхалъ... съ... съ... съ урядникомъ!—процѣдилъ, заикаясь, баронъ.

Баронесса произнесла какое-то отчаянное восклицаніе и, опустивъ голову, ушла медленнымъ похороннымъ шагомъ изъ кабинета...

А урядникъ привязалъ у конюшни лошадь и шель къ дому...

Баронъ закурилъ на скоро папиросу, стараясь успокоиться, приготовиться къ отвѣту и подавить свое чрезвычайное волненіе, которое, во всякомъ случаѣ, желалъ скрыть отъ ненавистной „пьяной рожки.“ Но въ то же время онъ трусливо при-

слушивался къ тому, какъ дверь изъ сѣней въ прихожую отворилась и опять захлопнулась...

Дѣлать было нечего... Часъ насталь... Баронъ пріотворилъ дверь изъ кабинета въ переднюю и, любезно улыбаясь, жестомъ пригласилъ Макоцѣтова въ кабинетъ. Прежде никогда онъ не пускалъ его дальше прихожей...

Урядникъ зналъ, что, какъ и всѣ люди околodka, баронъ презираетъ и ненавидитъ его, и, пораженный такой небывалой любезностью, самъ нѣсколько смутился и, проскользнувъ бочкомъ въ полураскрытую дверь кабинета, неловко расшаркался.

— Вы озябли... Не хотите-ли водочки?— спросилъ баронъ и этой предупредительностью поразилъ урядника еще сильнѣе.

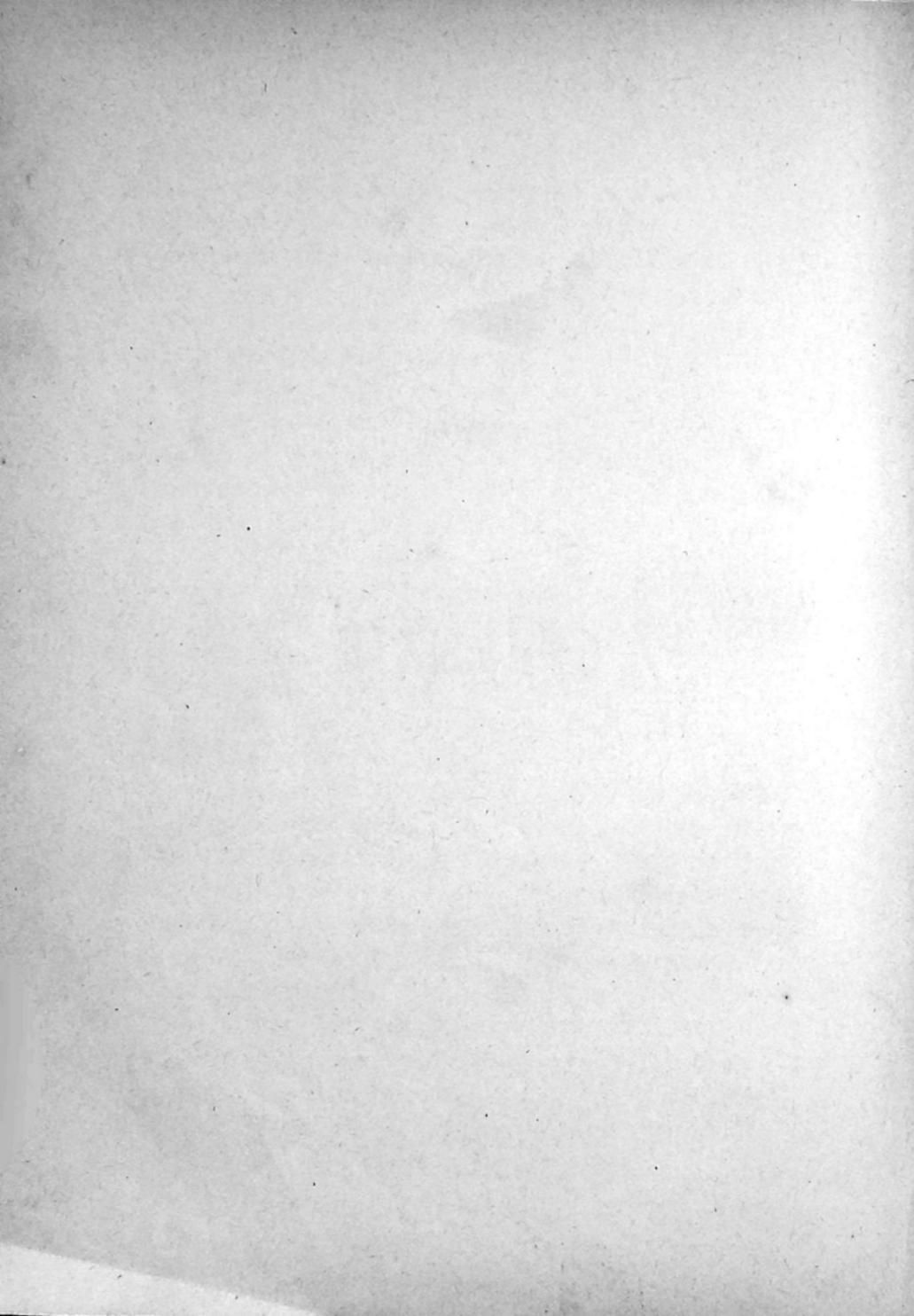
Отъ водки урядникъ не могъ отказать ни при какихъ обстоятельствахъ и расшаркался вторично, уже улыбаясь...

— Я прикажу сейчасъ подать,— сказалъ баронъ. Въ то же время онъ взглянулъ случайно въ окно и увидѣлъ, что Агафонъ вытащилъ изъ телѣги кленовый чурбанъ и разглядываетъ его, словно любуясь... Баронъ посмотрѣлъ трусливо на урядника и съ стѣсненнымъ сердцемъ спросилъ его въ три приѣма:

— А вы... ко мнѣ... по дѣлу?...

— Такъ точно-съ! — отвѣтилъ урядникъ. — Получилъ предписаніе опросить господъ землевладѣльцевъ на счетъ статистицкихъ свѣдѣній...

ОТКРЫТИЕ.

Открытие.

Дубовая дверь большого парадного подъезда ежеминутно отворялась, и кадеты, съ провожатыми и безъ провожатыхъ уходили въ отпускъ—на воскресенье. Учебный годъ только что начался и, это была первая „отпускная“ суббота...

За новичкомъ-первоклассникомъ, Сережей Власовымъ прѣхалъ „дядя Данило“—отставной военный, въ генеральской формѣ и въ Николаевской шинели,—и прѣхалъ не одинъ, а съ Петей, шестилѣтнимъ братомъ Сережи...

Дядя Данило,—холостякъ, старшій братъ покойнаго папы Сережи и Пети, послѣ его смерти, замѣнилъ имъ отца и, вмѣстѣ съ мамой—сравнительно молодой вдовой брата—воспитываетъ и содержитъ племянниковъ. Онъ и живетъ вмѣстѣ съ семьею умершаго брата. Онъ формалистъ и „служака“, воспитываетъ мальчиковъ „въ честныхъ правилахъ“ и—строго; поблажекъ имъ не дѣлаетъ, зачастую воюетъ пзъ-за нихъ съ мамой, за ея „баловства“, муштруетъ ребятишекъ, какъ солдатъ,

но, правда, и любить ихъ нѣжною любовью отца-командира. Онъ и здороваеся съ ними не иначе, какъ говоря: „здорово ребята“, и съ добродушной, старческой усмѣшкой выслушиваетъ ихъ отвѣтъ: „здравія желаемъ, ваше превосходительство!“ Дѣлается это конечно шутя; дядя Данило человекъ не глупый... У него есть маленькое состоянйе, но онъ—скуповатъ...

Вотъ, и—сегодня... Знаетъ, какъ ребятишки любятъ проѣхаться на извозчикѣ; понимаетъ, конечно, и то, что цѣлую недѣлю пробивъ внѣ дома въ первый разъ въ жизни,—юный кадетикъ стремится домой, желая увидѣть скорѣе и маму, и знакомыя комнаты, и свои игрушки и вещички; и чтобы ему стоило истратить какой-нибудь полтинникъ и нанять извозчика, прокатить дѣтей и побаловать школьника, пользующагося первымъ отпускомъ... Нѣтъ, онъ рассчиталъ уже, что на „конкахъ“ истратитъ всего только двадцать четыре копѣйки, и, выйдя изъ подъѣзда, подождаль на углу „вагонъ“, издали знаками приказалъ кучеру затормозить и влѣзъ въ конку со своими птенцами.

Мальчики сѣли были рядомъ. Имъ хотѣлось какъ можно скорѣе передать другъ другу массу накопившихся новостей. У Сережи для Пети набралось много корпусныхъ впечатлѣній, а у Пети для Сережи накопились домашнія новости. Положимъ, мама была у Сережи въ четвергъ, въ пріемный день; но она обѣщала Петѣ не рассказывать брату о томъ, о чемъ онъ собирался ему рассказать. И теперъ, едва усѣвшись, Петя раз-

сказывалъ уже „главное“ происшествіе... Во вторникъ, въ ванной комнатѣ, было „наводненіе“... Агафья отвернула кранъ, забыла его завернуть и ушла въ лавочку. А когда всё прибѣжали—на полу было уже столько воды, что можно было-бы пускать маленькіе кораблики... И...

Но въ этотъ моментъ, будто о чемъ-то вспомнивъ, дядя Данило снялъ Петю со скамейки и, разлучивъ его съ Сережей, поставилъ на ноги, передъ собою, въ проходѣ вагона, а Сережѣ приказалъ подвинуться. Никто въ это время не входилъ въ вагонъ, никому не надо было уступать мѣста и дядя ничего не объяснилъ, почему онъ это сдѣлалъ; между тѣмъ, маленькому Петѣ это пришлось не по вкусу, и онъ заявилъ смиренно:

— Дядя, я хочу сидѣть...

— А я хочу, чтобы ты стоялъ,—объявилъ, все-таки ничего не поясняя, дядя Данило. Но сказалъ онъ это тѣмъ тономъ, при которомъ дѣтямъ приходилось обыкновенно „молчать и не разсуждать“.

Кондукторъ подошелъ, держа наготовѣ катушку съ билетиками...

Петя ждалъ этого съ нетерпѣніемъ, потому что онъ „собиралъ“ билеты отъ конки (Сережа „собиралъ“ почтовые марки), и, въ этомъ году въ первый разъ вдуци на конкѣ, ждалъ, что коллекція его пополнится его „собственнымъ“ первымъ билетомъ, такъ какъ теперь ему уже не пять лѣтъ, а—шесть, и для него тоже надо уже брать билетъ...

— Позвольте получить.

Дядя Данило снялъ перчатку, вынулъ свой огромный, сѣрый замшевый кошель, пошарилъ въ немъ и передалъ кондуктору пятіалтынный.

— Два, — сказалъ онъ, глядя не на кондуктора, а въ окно; и на лицѣ его было въ это время какое-то необычное, дѣланно-безразличное выраженіе...

„Какъ—два?... А я-то?!“ подумали одновременно Сережа и Петя.

— А за нихъ-съ? — спросилъ и кондукторъ, указавъ на Петю.

Дядя Данило покраснѣлъ и разсердился.

— Чего за нихъ-съ! — забурлили онъ шевеля огромными сѣдыми усами. — „Имъ“ нѣтъ еще пяти лѣтъ, и мѣста „они“ не занимаютъ... Потому я за нихъ-съ и не плачу!..

— Слушаю-съ, — сказалъ кондукторъ, подаль генералу два билетика и три копѣйки сдачи.

Предполагая въ простотѣ младенческой души, что дядя забылъ о томъ, что ему уже исполнилось шесть лѣтъ, желая по прежнему занять мѣсто около брата, чтобы продолжать рассказъ о занимательномъ „потопѣ“ въ ванной комнатѣ и все еще надѣясь вернуть для коллекціи „собственный“ билетикъ, Петя заявилъ въ полголоса:

— Дядя, мнѣ уже шесть лѣтъ...

— А ты молчи, когда тебя не спрашиваютъ, — строго шепнулъ дядя Данило.

Петя прикусилъ язычекъ, хотя все-таки ничего не понялъ...

А Сережа понялъ все...

„Онъ не позволилъ Петѣ сидѣть, чтобы за него не платить“, думалъ онъ. „Петѣ шесть лѣтъ — я знаю... Мнѣ десять, а ему — шесть. Черезъ четыре года, когда я буду въ четвертомъ классѣ, онъ поступитъ въ корпусъ... Ишь ты! Обмануль кондуктора... А самъ говорить торговцамъ: „знаемъ мы васъ: не обманешь — не продашь“... И намъ говорить: не лги! Самый дурной тотъ человекъ, который лжетъ... А самъ... Самъ — солгаль... Ишь ты!“! повторилъ мысленно Сережа и искоса взглянулъ на дядю Данилу грустными глазами и разочарованно, будто хотѣлъ сказать: „вотъ что оказалось: — говоришь одно, а дѣлаешь другое!..“

* *
*

Всего только недѣлю Сережа не видѣлъ свои вещички и игрушки; но теперь, когда увидѣлъ ихъ снова, ему казалось, что онъ не игралъ ими давнымъ, давно. И во что только и чѣмъ только не поигралъ онъ съ Петей въ эту субботу!.. Послѣ чая достали и оловянныхъ солдатиковъ, разставили ихъ по концамъ длиннаго обѣденнаго стола — Петя своихъ „турокъ“, Сережа своихъ „русскихъ“, — разставили „какъ на войнѣ“, какъ училъ дядя Данло: сюда кавалерію, туда пѣхоту, а тамъ артиллерію съ пушками, и „воевали“, то есть сбивали солдатиковъ стеклянными шариками, которые катались такъ чудесно по гладкой клеенкѣ стола... Наконецъ они разобрали и рассмотрѣли въ сто-тысячный разъ и Петину коллекцію „билетиковъ отъ конки“, и Сережину коллекцію „поч-

товыхъ марокъ"... И вечеръ субботы прошелъ такъ быстро, и такъ незамѣтно подкралось время, когда Петѣ надо было ложиться спать...

Всего только одинъ день, вчера, Сережа не видѣлъ маму; въ четвергъ она пріѣзжала въ корпусъ; но ему казалось, съ непривычки, что и ее онъ не видалъ давно и давно не ласкался къ ней. И, какъ только Петя улегся, онъ пошелъ къ мамѣ — къ этой доброй, нѣжной, милой мамѣ — подсѣлъ къ ней, на диванъ, гдѣ она сидѣла за какой-то работой и по обыкновенію съ грустно-сосредоточеннымъ, мечтательнымъ выраженіемъ лица, и молча ласкался къ ней, то прижимаясь къ мягкой и теплой матеріи ея чернаго платья, то цѣлуя ея смуглое лицо, ея каріе глаза и густые, сухіе, черные волосы, причесанные гладко, съ едва замѣтнымъ проборомъ среди головы. Марья Степановна отложила работу, обняла и сама Сережу, и долго просидѣли они, обнявшись, все такъ же молча, не говоря даже о любви, которою было переполнено и сердце матери и маленькое сердечко сынишки...

Хорошо было Сережѣ, но — и тоскливо. Онъ думалъ съ уныніемъ о томъ, что теперь, съ поступленіемъ въ корпусъ, нельзя уже всегда, когда вздумается, приласкаться къ мамѣ, что и на это опредѣленъ теперь только одинъ день въ недѣлю — все тотъ же „отпускной“ день. И чувствовалъ онъ, что никогда, нигдѣ ему не будетъ такъ тепло и мягко, какъ подъ этимъ роднымъ крылышкомъ, и казалось ему, что онъ птенчикъ, вытщенный изъ гнѣзда, изъ подъ матери, раньше времени,

когда на волѣ ему еще и холодно, и не уютно, и страшно...

Посидѣвъ такъ, погрустивъ въ тихомолку и вспомнивъ съ тоскою о томъ, что завтра въ это время онъ будетъ опять „одинъ“, въ корпусѣ, Сережа сталъ рассказывать матери о товарищахъ, о воспитателяхъ, останавливаясь конечно на томъ, что за эту недѣлю особенно бросилось ему въ глаза среди новой, непривычной обстановки казеннаго дома... И незамѣтно промелькнуло еще два часа—пробило одиннадцать — и время было идти спать и Сережѣ...

По утру никто его не будилъ:—ни барабанъ, ни воспитатель, ни служитель. Дядя Данило не позволилъ и Петѣ будить брата до половины десятаго.

— Не смѣй, — сказалъ онъ. — Пусть по воскресеньямъ отсыпается; въ корпусѣ ихъ рано будятъ, и на то и праздникъ.

И хотя Петя, желая, чтобы братъ скорѣе проснулся, ронялъ, будто нечаянно, стулья и игрушки и всячески шумѣлъ въ столовой, рядомъ съ дѣтскою, Сережа не проснулся, пока его разбудили въ половинѣ десятаго.

Дядя Данило ходилъ каждое воскресенье въ церковь, и сегодня пошли съ нимъ и мама, и мальчики. А оттуда всѣ отправились къ бабушкѣ, къ маминой мамѣ...

Тутъ Сережу ждала огромная радость... Мало того, что бабушка передала ему десятка три марокъ, собранныхъ за послѣднее время. Она подарила вновь испеченному кадету часы... Настоя-

щіе серебряныя часики, съ цѣпочкой въ видѣ миниатюрнаго офицерскаго темляка...

Не было границъ восторгу Сережи, когда онъ получилъ этотъ подарокъ. Но не было и исхода его тоскѣ, когда, вернувшись домой, онъ вспомнилъ, что черезъ три часа, въ восемь часовъ, надо возвращаться въ корпусъ и оставить дома часы на цѣлую недѣлю, до слѣдующаго отпуски. Не заводить ихъ, не носить въ карманѣ и не вынимать изъ кармана, не любоваться ими, не видѣть ихъ вовсе!.. Взять ихъ съ собою нельзя:—первоклассникамъ не позволяютъ имѣть при себѣ часы. Какое мученье, какая тоска!.. Взять ихъ съ собою, не смотря на запрещеніе, чтобы показать товарищамъ, и носить ихъ въ карманѣ тайкомъ? Страшно! Попадешься воспитателю, и онъ отберетъ. Сохрани Богъ!.. Дядя Данило предупредилъ уже Сережу, что если онъ понесетъ часы въ корпусъ и тамъ попадется съ ними — онъ отберетъ ихъ совсѣмъ и не дастъ носить до третьяго класса... Нѣтъ, взять съ собою нельзя. Дядя Данило не проститъ. Онъ очень строгъ на этотъ счетъ... Онъ говорилъ не разъ, что кадетъ, который не исполняетъ всѣхъ требованій начальства—дрянной кадетъ и будетъ непременно и дряннымъ офицеромъ...

„Мало что онъ говоритъ“! вспомнилъ теперь Сережа, рассуждая сегодня о дядѣ Данилѣ по новому, какъ прежде не рассуждалъ. „Говоритъ—не лги, а самъ солгалъ вчера кондуктору... И часы навѣрное носилъ самъ, когда былъ въ первомъ классѣ... А мнѣ, вотъ, не позволяетъ“!..

Исхода не было. А разстаться съ часами на цѣлую недѣлю казалось Сережѣ невозможнымъ... И за обѣдомъ, и послѣ обѣда онъ сидѣлъ унылый и грустный, словно больной или обиженный. И Марья Степановна сейчасъ-же это замѣтила.

— Что съ тобою, Сережа? Ты не здоровъ? Болить что-нибудь?—спросила она тревожно.

Исходъ былъ найденъ... „Счастливая мысль“ мелькнула внезапно въ головѣ Сережи. „Солгу“! подумалъ онъ. „Солгу, и меня оставить дома!.. Вѣдь и дядя солгалъ вчера, не желая платить за Петю... А я солгу, не желая разставаться съ часами“.—Да, отвѣтилъ онъ на вопросъ матери.

— Да?.. Что же болить? Горло?—спросила она, вставая уже съ мѣста. Она страшно боялась горловыхъ болѣзней у дѣтей, и Сережа зналъ это.

— Да... и горло болить немного, и голова,—солгалъ онъ робко и будто стѣсняясь...

Несмотря на примѣръ дяди, онъ чувствовалъ, онъ такъ ясно сознавалъ, что дѣлаетъ что-то скверное, постыдное, чего доселѣ не дѣлалъ: лжетъ и при томъ пугаетъ свою добрую, любимую маму...

* *
*

И мама засуетилась... Она принесла чайную ложечку и, всунувъ ее Сережѣ въ ротъ, внимательно разсматривала его горло, отыскивая въ немъ страшный сѣро-бѣлый дифтеритный налетъ... Но налета не оказалось, а замѣтила она только „небольшую“ красноту и „маленькую“ припух-

лость. Она потрогала голову Сережи, и ей показалось, что и „маленькій жарокъ“ у него есть. Дядя Данило сидѣлъ тутъ же, въ столовой, видѣлъ это все и слышалъ, но не казался озабоченнымъ. Самъ онъ никогда не болѣлъ и даже теперь, въ старости, считалъ, что боленъ только тотъ, кто лежитъ въ постели безъ памяти, или раненъ штыкомъ, пулей, либо саблей...

— Данило Васильевичъ, не послать ли за докторомъ?— сказала Марья Степановна.

— Ну, вотъ... Ужъ и за докторомъ! Пустяки!..

— Но вѣдь горло...

— А хотъ бы и горло!..

— Страшно... Какъ-же въ корпусъ его пустить?.. Богъ знаетъ, что можетъ случиться...

— Это ужъ именно—Богъ знаетъ... А пока-то—пустяки...

— Но въ горлѣ что-то есть... Посмотри...

— Что же я посмотрю? Я и не Богъ, и не докторъ и ничего не узнаю... Температуру надо измѣрить:—есть жаръ—нельзя пускать, а нѣтъ—пусть ѣдетъ. Пустяки!

Марья Степановна принесла термометръ.

— Сережа лягъ въ кровать, въ дѣтской,— сказала она.

— Къ чему же ложиться-то?—замѣтилъ дядя Данило:

— Удобнѣе измѣрить, лежа...

Сережа легъ въ кровать; Марья Степановна прикрыла его ноги одѣяломъ, разстегнула воротъ рубашки и вставила подъ мышку термометръ.

„Если не покажетъ возвышенной температуры, онъ настоитъ на томъ, чтобы отправить его въ корпусъ“, думала Марья Степановна. „Все—ничего“, все—„пустяки“! А, не дай Богъ, случится что нибудь“...

— Мама, если жаръ есть, сколько должно быть градусо́въ?—спросилъ Сережа.

— Больше тридцати семи, голубчикъ. И чѣмъ выше надъ красной чертой, тѣмъ значить больше жара, тѣмъ опаснѣе... Да ты не бойся...

— А меньше тридцати семи—что значить?

— Значить—нѣтъ жара... здоровь...

„У меня будетъ „меньше“, дядя увидитъ, что я здоровъ, узнаетъ, что я солгалъ и пошлетъ меня въ корпусъ“, подумалъ Сережа и покраснѣлъ.

— Конечно, ты нездоровъ! У тебя и лицо горитъ!—воскликнула съ новой тревогой Марья Степановна, случайно взглянувъ въ это время на сына. „Жара можетъ и не быть, а ребенокъ все-таки боленъ... Но развѣ Данилѣ втолкуешь!“ подумала она опять съ досадой...

И когда, черезъ четверть часа, она вынимала термометръ, какъ это ни странно, она желала даже, чтобы онъ показалъ у Сержи „маленькій жарокъ“... Но термометръ показалъ всего тридцать шесть и восемь десятыхъ...

Въ столовой упалъ стулъ, Петя заревѣлъ, Марья Степановна торопливо положила термометръ на столикъ, около Серезиной кровати, и побѣжала въ столовую... Сережа схватилъ термометръ и взглянулъ... Вотъ красная черта и—тридцать семь... А у него тридцать шесть и еще сколько-

то... Значить—меньше тридцати семи, и—онъ здоровъ!..

Ему стало стыдно, какъ пойманному и уличенному воришкѣ изъ „начинающихъ“... Пожалуй, и мама разсердилась, убѣдившись, что онъ ее обманулъ и напугалъ... А дядя?! Сейчас онъ раскричится и прикажетъ ѣхать въ корпусъ... А какъ было-бы хорошо! Цѣлый понедѣльникъ, а можетъ быть и вторникъ носилъ-бы часы, заводилъ-бы ихъ, не разставался-бы съ ними!..

Петя пересталъ реветь, и мама вернулась въ дѣтскую. А слѣдомъ за нею вошелъ и дядя Данило. Сердечко трепетно забилося у Сережи и, приткнувшись къ углу кровати, онъ выглядывалъ трусливо, какъ мышенокъ изъ мышеловки, не зная— что будетъ..

— Сколько у него, ты говоришь?—спросила маму дядя Данило.

Марія Степановна подошла торопливо къ столу, взяла термометръ, наскоро взглянула на него еще разъ и проговорила, глядя не на дядю Данилу и не на Сережу, а куда-то—въ уголъ.

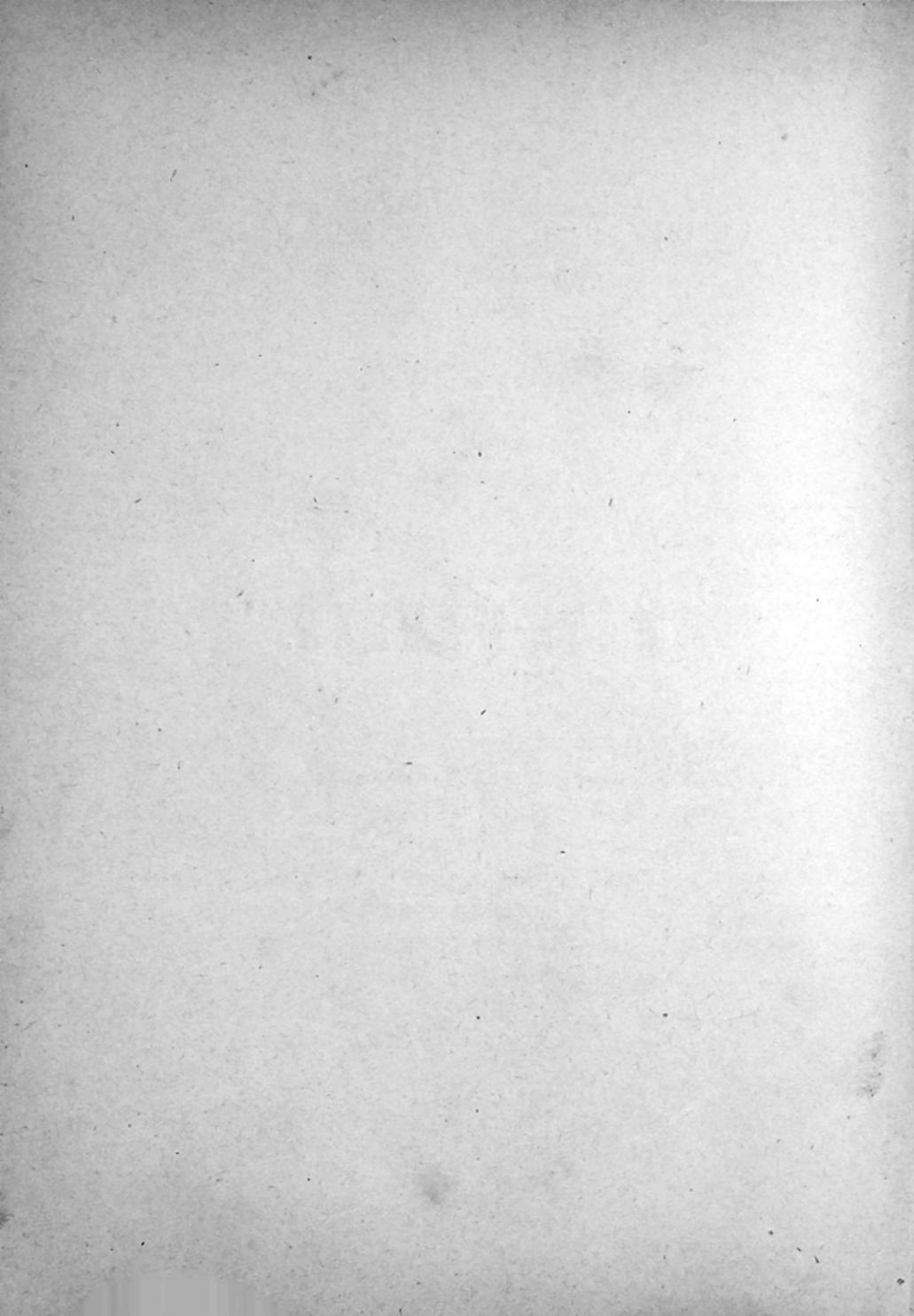
— Тридцать восемь и двѣ... По моему нельзя его пустить при такой температурѣ...

И быстро стряхнувъ термометръ, она вложила его въ футляръ и стала завинчивать...

„И она... и мама“! думалъ Сережа...

МАТЬ-МАЧЕХА.

Мать-мачеха.

Поль Входящевъ и Ваня Исходящевъ — сверстники и товарищи по гимназии и университету, но не друзья — поступили одновременно и на службу въ семейно-хозяйственный департаментъ и прослужили въ немъ пять лѣтъ. Но далеко не одинаково имъ „повезло“ по службѣ...

Поль Входящевъ считался и въ гимназии лѣнивымъ и не особенно способнымъ юношей и университетъ окончилъ „не кандидатомъ“, а — „дѣйствительнымъ студентомъ“, а въ департаментѣ получилъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ и два чина — причемъ послѣдній не въ очередь даже, а „за отличие“ — и „станиславчика въ петличку“; главное же, онъ занималъ уже должность столоначальника и получалъ содержанія съ квартирными, столовыми, наградными, добавочными и всякими прочими, всего около двухъ тысячъ рублей. Словомъ, „блага жизни“ сыпались на Поля въ такомъ изобиліи, въ какомъ на иного „бѣднаго Макара“ вальятся развѣ шишки; и, при его удачахъ, товари-

щи перестали злиться и негодовать, рѣшивъ хоромъ, что Входящевъ „родился въ сорочкѣ“, „бабушка ему ворожить“ и вообще—онъ составляетъ исключеніе...

Между тѣмъ, Ваня Исходящевъ, кончившій гимназію съ золотой медалью, а университетъ со степенію кандидата, и поступилъ-то въ департаментъ съ трудомъ, послѣ всякихъ хлопотъ и мытарствъ, поступилъ „состоящимъ“ всего на шестьсотъ рублей въ годъ, безъ квартирныхъ, столовыхъ, наградныхъ, добавочныхъ и всякихъ прочихъ, „просостоялъ“ пять лѣтъ, работалъ усердно, но за все это время такъ и не двинулся впередъ. До сихъ поръ онъ „состоялъ“, получалъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и къ чину, съ которымъ былъ выпущенъ изъ университета, получилъ по очереди, „за выслугу лѣтъ“, еще только одинъ...

Правда, директоромъ семейно-хозяйственнаго департамента былъ дѣдушка по матери Поля Входящева, тайный совѣтникъ Докладовъ, тогда какъ у Вани Исходящева не было родственниковъ среди начальства департамента. Кромѣ того, Поль былъ красивый, элегантный молодой человѣкъ, одѣвавшійся по послѣдней модѣ, а Ваня былъ не показной юноша—рыженькій, сутуловатый и ради экономіи носившій неизмѣнно виць-мундиръ изъ дешеваго сукна...

Но почему все это относится къ служебной карьерѣ!

Не спѣшите! Многое есть въ департаментахъ, о другъ мой, наивный читатель, что и не снилось не служащимъ въ немъ!.. Вице-директоромъ

семейно-хозяйственнаго департамента и, стало-быть, ближайшимъ сотрудникомъ директора—дѣдушки Докладова—былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рапортовъ, у котораго было четыре дочки...

Три старшія дочки вышли уже замужъ за трехъ помощниковъ столоначальниковъ того же департамента: Донесеньева, Отношеньева и Сообщеньева, и послѣ бракосочетанія эти помощники были уже назначены столоначальниками... Да, счастливы бывали въ этомъ отношеніи новобрачные! Какъ только женится какой-нибудь помощникъ на mademoiselle Рапортовой—глядь, мгновенно, освобождалась ваканція столоначальника и, волею высшаго начальства, замѣщалась она именно „молодымъ“ зятемъ вице-директора, а не инымъ какимъ-нибудь помощникомъ... И всегда освобождались ваканціи: когда женился старшій зять, ибѣкій старичекъ-столоначальникъ пожелалъ уйти изъ департамента на покой; послѣ женитьбы средняго зятя—одинъ изъ пожилыхъ столоначальниковъ повысился, получивъ мѣсто начальника отдѣленія, и наконецъ, послѣ бракосочетанія младшаго зятя—одинъ изъ молодыхъ женатыхъ столоначальниковъ перевелся на службу въ провинцію... И въ этихъ случаяхъ вице-директоръ Рапортовъ—старичекъ наисимпатичнѣйшей внѣшности—похлопывалъ по плечу своего новобрачнаго зятя и любовно говорилъ ему ласковымъ голосомъ:

— Вотъ видите! Богъ и послалъ! Онь всегда—за семейныхъ людей... Конечно директоръ представитъ его сіятельству васъ... Да больше и некого, и обижаться будетъ некому... Ниткинъ молодъ, Иголкинъ

тоже чиномъ еще не вышелъ, а Бумажкинъ очень не казистъ:—ему никогда не бывать столоначальникомъ“...

И свершалось всегда именно такъ, какъ предсказывалъ зятьямъ вице-директоръ...

* * *

Нынѣ и четвертая, младшая mademoiselle Рапортова кончила гимназію и „выѣзжала“...

Между тѣмъ, одинъ изъ женатыхъ столоначальниковъ департамента пересталъ что-то ладить съ вице-директоромъ и никакъ не могъ ему угождать, а помощникъ столоначальника Поль Входящевъ, напротивъ, сдѣлался его любимцемъ. Рапортовъ такъ отличалъ его передъ всѣми и такъ расхваливалъ постоянно директору, дѣдушкѣ Докладову... Другими словами, какъ было въ свое время съ предыдущими вице-зятьями, такъ повелось теперь и съ Полемъ. Вице-директоръ приглашалъ его не только на танцевальные вечера, но раза два въ недѣлю просилъ по вечерамъ къ себѣ на домъ и „по дѣламъ службы“. Поль являлся аккуратно, къ восьми часамъ, и до девяти они занимались въ кабинетѣ вице-директора дѣлами; Входящевъ читалъ бумаги вслухъ, а генералъ ихъ подписывалъ. Затѣмъ „дѣла“ у нихъ больше не оказывалось, но Рапортовъ не отпускалъ Поля. Съ самой радушной улыбкой и даже „обнявъ“ Входящева, онъ велъ его въ столовую, гдѣ за самоваромъ ждала папа и подчиненнаго гостя младшая дочь вице-директора—Мимочка...

Къ вамъ, о чиновники, обращаюсь я теперь! Скажите читателю: можетъ ли, смѣетъ ли помощникъ столоначальника (если онъ не сумасшедшій, конечно) отказаться отъ чашки вице-директорскаго чая, налитой вице-директорской дочкой Мимочкой?.. Не жлесвидѣтельствуйте, други! Скажите — не можетъ, если онъ въ здоровомъ умѣ! Скажите больше — не можетъ и не смѣетъ даже и въ томъ случаѣ, если гдѣ-нибудь, на сторонѣ, у него есть уже своя собственная, частная, а не служебная „Мимочка!..“

А у Поля, какъ разъ, была уже другая, частная Мимочка. И въ этомъ блаженствѣ было его горе... Частная Мимочка была очень молоденькая и прехорошенькая барышня; родители давали за нею тридцать тысячъ; негласно Поль былъ даже помолвленъ съ нею, и, по желанію все тѣхъ же родителей, молодые люди отложили свадьбу только до тѣхъ поръ, пока женихъ получитъ мѣсто столоначальника, другими словами — нѣкоторое положеніе и трехтысячный окладъ. Но, очевидно, это должно было явиться вѣрнымъ и несомнѣннымъ слѣдствіемъ брака напротивъ съ той Мимочкой — со служебной... А за служебной папа Рапортовъ давалъ всего лишь десять тысячъ (по бывшимъ примѣрамъ, это было хорошо извѣстно въ департаментѣ); сама она была дѣвица далеко не хорошенькая, и притомъ къ этой Поль былъ совершенно равнодушень, тогда какъ въ ту — въ частную — былъ даже влюбленъ... Положеніе было дѣйствительно трагическое!.. Однако, про себя Поль рѣшилъ жениться все-таки на частной Мимочкѣ;

онъ сильно надѣялся на дѣдушку Докладова и ждалъ только, чтобы ваканція столоначальника освободилась, намѣреваясь тогда повести открытую борьбу съ вице-директоромъ. Но „пока-что“ онъ сидѣлъ по два раза въ недѣлю въ столовой Рапортова, съ его Мимочкой, бывалъ и у трехъ зятьевъ вице-директора, которые наперерывъ приглашали его къ себѣ, то „повинтить“, то „поболтать“, и, если не особенно ухаживалъ за служебной Мимочкой, то немножко все-таки ухаживалъ... А папа Рапортовъ поглядывалъ на Поля—и особенно, когда видѣлъ его около своей Мимочки—нѣжно и ласково, явно суля за извѣстное отличіе положенное вознагражденіе. Но осторожный и вѣрный разъ установленному обычаю и принятому правилу, онъ не освобождалъ раньше времени ваканцію столоначальника...

Столоначальникъ-же, мѣсто котораго должно было вотъ-вотъ освободиться, въ большинствѣ случаевъ, по прежнему, не угождалъ вице-директору, но порою, изрѣдка, какъ будто и угождалъ и положительно терялся, несчастный, не зная, что предпринять:—уходить-ли, по добру по здорову, въ другой департаментъ, пока не „предложили“, или потерпѣть еще... Однако, какъ-то „неудовивъ“, онъ рѣшилъ, наконецъ, что уходить надо, плюнулъ и—ушелъ... Мѣсто столоначальника освободилось раньше времени... Вице-директоръ жалъ особенно крѣпко руку Входящева и чаще прежняго уходилъ изъ столовой въ гостинную раскладывать пасьянсъ, оставляя свою Мимочку наединѣ съ Полемъ... Наступалъ рѣшительный моментъ...

Тетка Поля—высокопоставленная особа—собиралась уже ѣхать къ дѣдушкѣ Докладову просить за племянника... И вдругъ, въ это самое время, внезапно, какъ порою это случается съ тучными стариками, дѣдушка-директоръ скончался послѣ сытнаго обѣда...

* *
*

Наступило чрезвычайно томительное время... Цѣлыхъ три мѣсяца семейно-хозяйственный департаментъ просуществовалъ безъ главы, безъ директора, и никто не зналъ, кто будетъ назначенъ на мѣсто покойнаго дѣдушки-Докладова. „Правиль должность“ Рапортовъ; но всѣ знали, что онъ не будетъ назначенъ, онъ былъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые завершаютъ карьеру въ вице-директорскомъ кабинетѣ... Ваканція столоначальника тоже не замѣщалась. Вице-директоръ былъ особенно ласковъ съ Входящевымъ; и теперь на лицѣ его Поль могъ ясно читать слѣдующее: „чего вы медлите, молодой человѣкъ?! Теперь, пока одновременно я и директоръ и „вице“, было бы особенно легко исполнить предположенное... Но второй шагъ послѣдуетъ за первымъ, а первый должны сдѣлать вы, а не я!..“ Словомъ, струны были страшно натянуты... А тѣмъ временемъ, частная Мимочка „устала ждать“, просила своихъ родителей выдать ее за Поля теперь же, не дожидаясь его назначенія, и родители Мимочки согласились. И какъ было не согласиться?! Послѣ смерти дѣдушки Докладова, надежда на

скорое назначеніе Поля улыбнулась. Кромѣ того, въ минуту гнетущей тоски, Поль разсказалъ имъ коварные замыслы своего вице-директора и упованія Мимочки служебной, и они немножко струсили: — женихъ могъ ускользнуть...

Наконецъ Поль попросилъ „разрѣшенія на бракъ“... Вице-директоръ позелѣлъ, но разрѣшилъ.

„Пока я вице-директоръ—ты столоначальникомъ не будешь!“ думалъ онъ, глядя на Входящеву съ неопишуемой злобой. „Знаю я это, знаю!“ думалъ и Поль въ тоскѣ и чуть не плача... Чиновники знаютъ всегда, что каждый изъ нихъ думаетъ въ извѣстный моментъ... На слѣдующій день, встрѣтившись съ Полемъ въ департаментѣ, Рапортовъ подаль ему уже не всю руку, а только два пальца; а черезъ недѣлю, отвѣчая на его поклонны, кивалъ ему только головой, вовсе не подавая руки, какъ и другимъ помощникамъ... На „вечернія занятія“ онъ приглашалъ теперь помощника столоначальника Штучкина... И Штучкинъ ходилъ по департаменту „гоголемъ“, а Входящевъ „пѣлъ себѣ отходную“...

И вдругъ... Чего только не бываетъ „вдругъ!..“ Вдругъ директоромъ семейно-хозяйственнаго департамента былъ назначенъ молодой генералъ изъ бывшихъ военныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Выскочкинъ. Что случилось съ Полемъ! Этотъ Выскочкинъ былъ родной дядя его невѣсты—частной Мимочки!.. Маман Мимочки была рожденная mademoiselle Выскочкина!.. Столько разъ Поль встрѣчался съ новымъ директоромъ у будущихъ родственниковъ!.. Да, это былъ

праздникъ, это было настоящее торжество для Поля!.. Но онъ былъ чиновникъ съ выдержкой, былъ, по обыкновенію, остороженъ и пока никому не сказалъ объ этомъ въ департаментѣ. Но со скрытымъ и глубочайшимъ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ теперь на вице-директора и твердилъ про себя: „теперь мы повоюемъ! Теперь, смотри, пройдутъ года, и немудрено, что я буду сидѣть и въ твоемъ кабинетѣ!.. „Самъ Богъ за семейныхъ!“ насмѣхаясь, повторялъ онъ язвительно изрѣченіе Рапортова.

Новый директоръ вступилъ. Прошло недѣльки три. Наконецъ вице-директоръ доложилъ ему о необходимости замѣстить свободную ваканцію столоначальника и тутъ-же заявилъ, что, по справедливости, рекомендуетъ на „оную“ помощника столоначальника Штучкина, чиновника знающаго, ревностнаго и вполне достойнаго.

— Нѣтъ, добрѣйшій Семень Петровичъ!—нежданно перебилъ его директоръ.—Для перваго знакомства... Скажу больше—въ силу особаго одолженія мнѣ, я прошу васъ уступить эту ваканцію моему кандидату... Вы меня очень обяжете!.. Я знаю, ваше превосходительство,—продолжалъ онъ съ обворожительной улыбкой:—я знаю, всѣ чиновники, рекомендованные вами къ повышенію, оказались людьми вполне достойными... Какъ же, какъ же:—Донесеньевъ, Сообщеньевъ, Отношеньевъ... Все это—цвѣтъ нашего департамента... И наконецъ, вѣдь и эту ваканцію я хочу предоставить человѣку, котораго, я слышалъ, вы тоже особенно отличали всегда...

— Осмѣлюсь спросить, кому именно, ваше превосходительство?..

— Входящеву... Павлу Александровичу Входящеву... Я встрѣчаю его въ домѣ моей сестры. Онъ женится на моей племянницѣ... И я вполне согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ:—это очень достойный и милый молодой человѣкъ. И какъ онъ знаетъ службу, дѣло!.. Д-да,—протянуль въ заключеніе директоръ.—Прошу васъ, прикажите теперь же заготовить докладъ объ этомъ назначеніи...

Выходя изъ кабинета директора, вице-директоръ встрѣтилъ Поля Входящева. И здороваясь съ нимъ, онъ „отъ души“ поздравилъ его и пожалъ его руку такъ сильно и съ такимъ чувствомъ, какъ, бывало, не жалъ и прежде. „Каналья!“ думаль онъ въ то же время.

„Ладно! Не выгорѣло твое дѣло, старая лищица!“ думаль и Поль, рассыпаясь въ благодарности и отвѣчая вице-директору крѣпчайшимъ рукопожатіемъ...

* * *

Одновременно съ назначеніемъ Поля Входящева столоначальникомъ, открылась ваканція „помощника“, и всѣ „состоящіе“ и „канцелярскіе“, считавшіе себя кандидатами на эту должность, стали злобно коситься другъ на друга и старались какъ можно чаще попадаться начальству на глаза.

Мнилъ себя кандидатомъ и Ваня Исходящевъ. И какъ было не мнить? Поль Входящевъ назначенъ уже столоначальникомъ, а онъ все еще“ со-

стоитъ“!.. Но и теперь надежды было мало. Ваня сознавалъ это. Не кому было просить за него, а самъ онъ не умѣлъ ходить на глазахъ у начальства такъ, чтобы оно его замѣтило... Ничѣмъ не взялъ этотъ Ваня. Только работалъ усердиѣе другихъ...

Грустный вернулся онъ домой въ тотъ день, когда узналъ объ открывшейся ваканціи, и засталъ у матери гостя, стараго друга своего покойнаго родителя—военнаго генерала Трубачева, служившаго въ провинціи и бывшаго въ Петербургѣ проездомъ. Когда Ваня пришелъ, мать и гость вели какъ разъ бесѣду о немъ, о томъ, что до сихъ поръ онъ все только „состоить“ и получаетъ гроши.

— Да, сегодня опять открылась ваканція помощника! Входящевъ назначенъ столоначальникомъ. Нашъ новый директоръ оказался роднымъ дядей его невѣсты,—вступилъ въ разговоръ и Ваня.

— Везетъ же людямъ! — замѣтила съ завистью madame Исходящева.

— Н-да!—протянулъ и генералъ Трубачевъ. Онъ не зналъ, чѣмъ утѣшить опечаленныхъ и обойденныхъ родныхъ своего покойнаго друга и, чтобы только не молчать, спросилъ Ваню:—А у васъ новый директоръ? Кто?

— Выскочкинъ.

— Какъ?!—воскликнулъ Трубачевъ.

— Выскочкинъ... Василій Семеновичъ...

— Выскочкинъ! Васька Выскочкинъ!—повторилъ генералъ такъ радостно, будто выигралъ

двѣсти тысячъ.—Ну, теперь у насъ пойдетъ ужь музыка не та!..

— Вы его знаете?—спросилъ съ оживленіемъ Ваня.

А мать Вани смотрѣла на Трубачева уже съ мольбой!..

— Ваську-то?! Ваську знаю ли?! Товарищъ по полку! Друзья закадычные!—воскликнулъ генераль.—Что въ томъ, что мы давно не видались! Молодость вмѣстѣ прошла. Развѣ это шутка!.. Насъ въ полку такъ и звали: „два друга“: Гришка Трубачевъ и Василиса—его супруга“!.. Товарищи звали Василисой Ваську... Да, братъ, теперь и у тебя есть протекція, и—не малая! Теперь и мы махнемъ дальше и мать утѣшимъ!.. Вотъ такъ вывезло! Хорошо, что разговорились!..

— Боже мой! Голубчикъ! Григорій Николаевичъ!.. Попросите!—воскликнула madame Исходящева.—Но вѣдь вы не можете остаться? Вы должны сегодня ѣхать?—вспомнила она тутъ же.

— Что-жъ изъ этого? Я напишу... Вы увидите, какое я ему письмо накатаю!—возразилъ Трубачевъ.—Этакій пустякъ Васька и по письму сдѣлаетъ... Директоръ! Ему, я думаю—назначить помощника столоначальника все равно, что плюнуть!.. Давайте скорѣй перо, бумаги и конвертъ... А то, въ самомъ дѣлѣ, скоро и на поѣздъ!..

Исходящевы принесли письменныя принадлежности, а добрый генераль написалъ письмо и прочелъ его вслухъ.

Начиналось оно прямо съ „дорогой супруги Василисы“, а въ концѣ стояло: „твой неизмѣн-“

ный супругъ, Гришка Трубачевъ "... Гришка просилъ Василису сдѣлать ему огромное одолженіе и, въ память бывшей дружбы и бывшихъ кутежей, назначить помощникомъ столоначальника Ваню Исходящаго—его крестника и сына его покойнаго пріятели. „Ваня, писалъ Гришка Василісѣ: —человѣкъ бѣдный, содержитъ старуху-мать, существуетъ однимъ жалованьемъ, и юноша онъ достойный и трудолюбивый. И гимназію и университетъ онъ прошелъ только благодаря тому, что и тогда работалъ уже—давалъ уроки; а теперь, на службѣ, не имѣя протекціи, отсталъ отъ товарищей“. Трубачевъ сдѣлалъ въ письмѣ двѣ-три грамматическія ошибки и, по обыкновенію, не разставилъ вовсе знаковъ препинанія... Словомъ, письмо носило вполнѣ дружескій, интимный характеръ...

Ваня не зналъ адреса новаго директора и, проводивъ Трубачева на желѣзную дорогу, отослалъ письмо съ посылнымъ прямо въ департаментъ.

„И лучше“, думалъ онъ: „завтра пріѣдетъ на службу и получить“...

* *
* *

Придя по утру въ департаментъ, Ваня Исходящевъ поглядывалъ на прочихъ кандидатовъ въ помощники съ горделивымъ сожалѣніемъ, съ какимъ лихачь-извозчикъ глядитъ, съ высоты своихъ козелъ, на прочихъ „ванекъ“, когда франтъ въ лощеномъ цилиндрѣ, глянувъ на стоящія у подъѣзда пролетки, садится въ его экипажъ...

Радостно потирая руки, онъ то и дѣло твердилъ про себя: „не все на небѣ будетъ дождь, авось и солнышко проглянетъ“!..

Часа въ три директоръ пріѣхаль, прошелъ въ кабинетъ и, взявъ со стола письмо Трубачева, вскрыль его.

„Дорогая супруга Василиса!“ прочель онъ... „Какъ—Василиса?!. Почему—Василиса? Что это такое?!“. Онъ посмотрѣлъ подпись. „Твой неизмѣнный супругъ Гришка Трубачевъ“... „Что за ерунда?!. Что это за безобразіе!..“ Онъ разгнѣвался, перескакивая черезъ строки, прочель и все письмо стараго товарища и вспомнилъ наконецъ Трубачева. „Идіоты!.. Медвѣдь провинціальный!.. Дураки! Они воображаютъ, что у насъ тутъ воспитательный домъ для всѣхъ крестниковъ нашихъ школьныхъ и полковыхъ товарищей!.. Идіоты!“ повторилъ директоръ, разрывая письмо Трубачева на мелкіе клочки и бросая ихъ въ корзину... „Однако, надо сразу прочить хоть одного, чтобы впередъ не повадно было и другимъ „ходатайствовать“ чрезъ всякихъ „Гришекъ“ и „Мишекъ“... А то—отбою не будетъ!“ рѣшилъ онъ тутъ же и позвонилъ.

Курьеръ явился.

— Попроси ко мнѣ господина вице-директора и прикажи пѣдать сюда формулярный списокъ чиновника Исходящева.

Черезъ пять минутъ весь департаментъ зналъ уже о томъ, что самъ директоръ потребовалъ формулярный списокъ Вани, и всѣ товарищи броси-

лись къ Исходящеву съ вопросами о томъ, не „натворилъ“ — ли онъ чего-нибудь.

— Ничего не натворилъ! — отвѣчалъ Ваня и, будто самъ удивляясь, пожималъ плечами. „Узнаете скоро!“ думалъ онъ въ то же время. „Не все же разные племяннички и зятья будутъ проходить мимо моего носа! Однимъ трудомъ, одной работой у васъ ничего не сдѣлаешь; все — родствомъ, кумовствомъ!.. Ну, и я нашель себѣ „кума“ ... „дядю“!.. Довольно и съ меня“!..

Онъ былъ такъ взволнованъ, что службой не могъ уже заниматься въ этотъ день. Для вида онъ положилъ передъ собою отношеніе какого-то губернатора, на которое надлежало что-то отвѣтить, но составлялъ на особомъ листкѣ бумаги смѣту своихъ будущихъ расходовъ изъ двухтысячнаго оклада по должности помощника столоначальника... Онъ подсчиталъ уже стоимость квартиры, освѣщенія, отопленія, стола и прислуги и подсчитывалъ мелкіе расходы на табакъ, на подарки матери, когда курьеръ пригласилъ его въ кабинетъ вице-директора.

Ваня скомкалъ смѣту, сунулъ ее въ задній карманъ и, оправляясь на ходу, пошелъ... Въ кабинетъ онъ вошелъ развязно и съ улыбкой, доказывавшей, что онъ приготовился выслушать нѣчто очень пріятное.

На столѣ онъ увидѣлъ свой формулярный списокъ и совсѣмъ-было просіялъ; но, вслѣдъ затѣмъ, на лицѣ вице-директора онъ усмотрѣлъ чрезвычайно строгое и серьезное выраженіе и такъ же быстро завялъ...

— Его превосходительство просилъ меня передать вамъ, господинъ Исходящевъ, что тѣмъ путемъ, который вы избрали, у насъ въ департаментѣ вы никогда не сдѣлаете карьеры!—отчеканилъ вице-директоръ, взглянувъ на Ваню черезъ очки.

Исходящевъ былъ ошеломленъ.

— Какимъ путемъ, ваше превосходительство?...

— Вы прекрасно знаете, о чемъ я говорю! Вы ошиблись, молодой человекъ! Протекція злѣйшій врагъ его превосходительства и мой.. Мы назначаемъ и повышаемъ чиновниковъ по ихъ личнымъ заслугамъ, а не по просьбамъ кого-бы то ни было!..

— Ваше превосходительство! Я „просостоялъ“ пять лѣтъ безъ всякаго движенія... Между тѣмъ...

Но вице-директоръ перебилъ Ваню.

— Повторяю вамъ, молодой человекъ, что господинъ директоръ и я—мы враги протекціи!.. „Отношеневъ, Донесеневъ, Соощеневъ, Штучкинъ, Поль Входящевъ“, мелькали въ головѣ Вани знакомыя фамиліи...

— Ваше превосходительство! — началъ онъ опять.—Товарищъ мой и однокурсникъ, съ которымъ одновременно мы поступили и въ департаментъ, Входящевъ, назначенъ уже столоначальникомъ. А я „просостоялъ“ пять лѣтъ и...

Вице-директоръ поднялся съ кресла и лицо его изобразило испугъ, будто сейчасъ, при немъ, Ваня совершилъ кощунство.

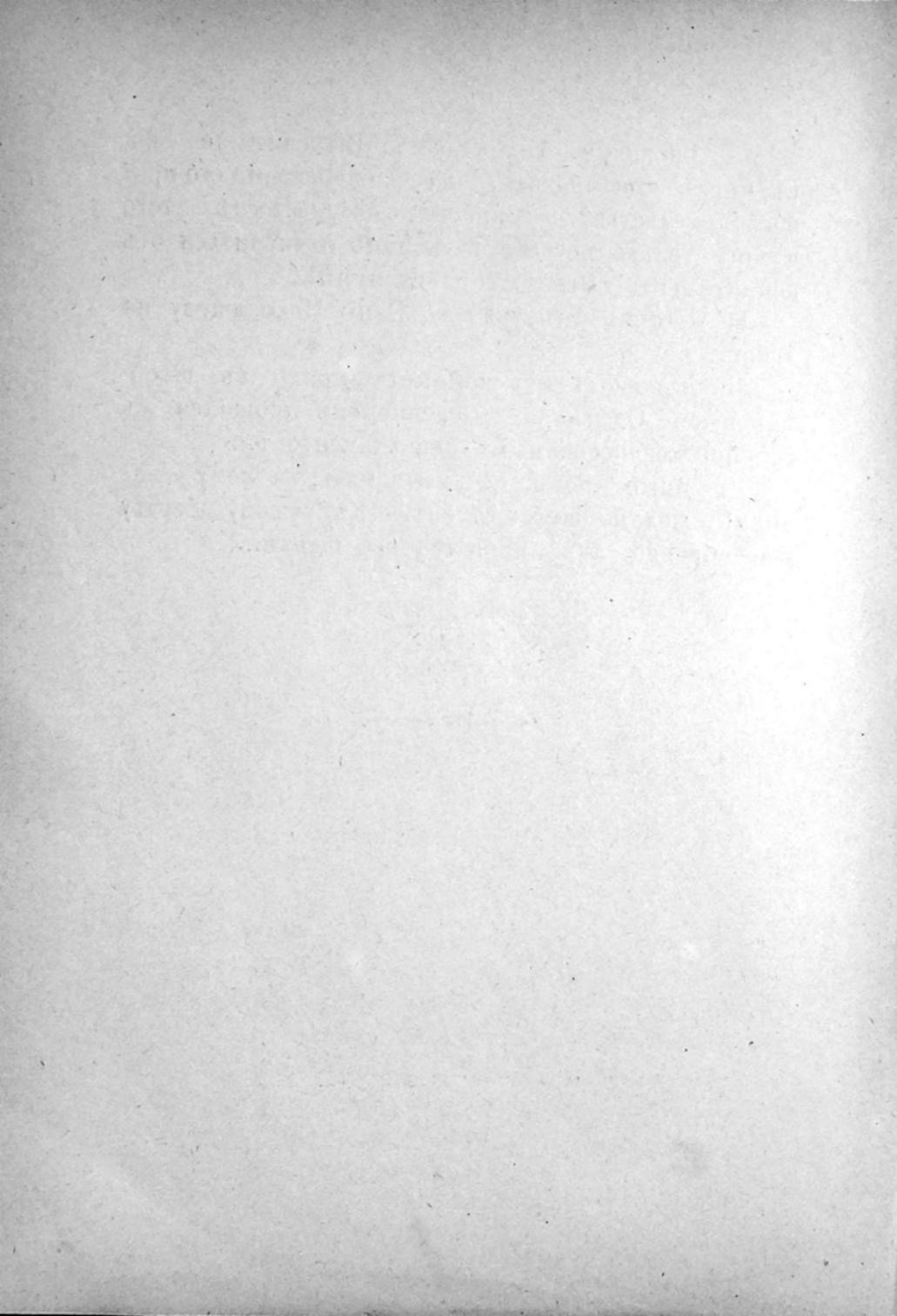
— Господинъ Исходящевъ! Вы считаете себя въ правѣ критиковать даже распоряженія его превосходительства?!—вопросилъ онъ.—Послѣ этого я могу только посоветовать вамъ отчислиться отъ департамента! Все имѣетъ границы!..

И жестомъ онъ указалъ Ванѣ Исходящеву на дверь.

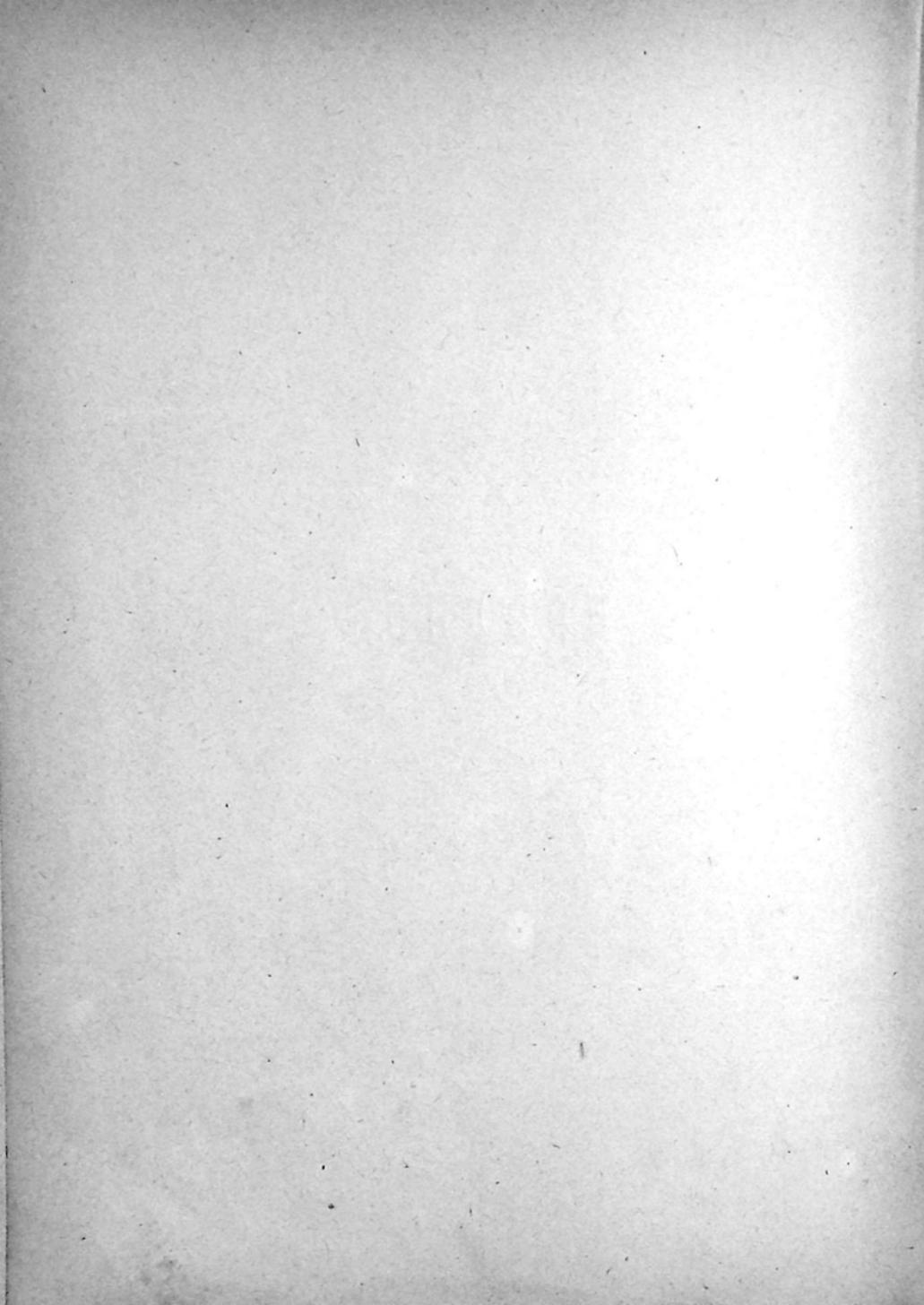
Ваня пошелъ изъ кабинета прямо въ швейцарскую... Одѣваясь, мысленно онъ прощался съ семейно-хозяйственнымъ департаментомъ...

— Даже протекція—кому мать, а кому—мачеха!—желчно шепталъ онъ.—Къ чужому берегу все—бревно, а къ нашему—все щепки...

ПОЗДНО.

П О З Д Н О .

Учитель математики, господинъ Страховъ, проснулся въ седьмомъ часу вечера раздраженный и желчный. Обыкновенно онъ спалъ послѣ обѣда отъ шести до девяти часовъ, а послѣднія двѣ недѣли, благодаря этой „коммисіи“ (чортъ-бы ее побралъ), спать приходилось въ это время всего одинъ часъ. Наскоро умывшись, онъ натянулъ съ отвращеніемъ виць-мундиръ, который и днемъ-то надоѣлъ ему наравнѣ съ ученическими тетрадками „въ клѣточку“, наравнѣ съ самими мальчишками, которые учатся кажется только потому, что ихъ заставляютъ учиться. Молча и хмуρο надѣлъ онъ и верхнее платье и пошелъ въ гимназію...

Онъ жилъ не далеко отъ гимназіи, но тѣмъ не менѣе пока дошелъ, успѣлъ достаточно по-злиться. „Чортъ ихъ возьми!“ думалъ онъ. „Цѣлые годы, день-деньской и изо-дня въ день, возишься съ ихъ поросятами, а тутъ еще и ихъ самихъ экзаменуй:—лысыхъ, сѣдыхъ и „престарѣлыхъ“

родителей!.. На коллежскаго регистратора! На сельскаго учителя!.. Во-время спохватились экзамены держать! Тупицы... Сиди и спрашивай у сорокалѣтняго болвана—какъ дѣлается сложеніе!.. И дернуло назначить въ эту комиссію опять меня!.. Шутка:—три недѣли шляйся теперь каждый день и по вечерамъ... Сегодня у Красновыхъ—винтъ, а я“... Господинъ Страховъ даже плюнулъ, до того ему стало досадно. „Тупоголовые! Въ свое время баклуши били, а теперь—сынишка готовить папашу къ экзамену“!..

Въ такомъ отвратительномъ настроеніи господинъ Страховъ вошелъ въ большой и широкій подъѣздъ огромнаго зданія. Онъ былъ такъ раздраженъ, что не отвѣтилъ даже на обычный поклонъ швейцара Василя. „Надоѣла мнѣ и по утрамъ твоя толстая рожа“, злился онъ и на него. „Тебѣ-то все не руку; ты и съ этихъ, какъ съ гимназистовъ, сгребашь въ необъятный карманъ пятіалтынные“... Право, по нынѣшнимъ временамъ, швейцаромъ лучше быть, чѣмъ учителемъ“...

Онъ поднялся по лѣстницѣ въ учительскую комнату. „Испытательная комиссія“, съ председателемъ во главѣ, собралась и была на пути въ экзаменаціонную залу. Господинъ Страховъ долженъ былъ немедленно примкнуть къ шествію, не успѣлъ даже выкурить папироску и это, одно къ одному, подбавило раздраженія.

Ему пришлось идти рядомъ съ Ильей Оомичемъ, учителемъ географіи, добродушнымъ старичкомъ.

— Вамъ нездоровится, голубчикъ Василій Семеновичъ?—спросилъ онъ господина Страхова, здороваясь съ нимъ.

— Нѣтъ, здоровъ... А что?

— Да лицо у васъ такое, будто геморрой или печень...

— И безъ геморроя тошно!—перебилъ его Страховъ. Пять часовъ подъ рядъ предстоитъ выслушивать балбесовъ...

— Ахъ, Василій Семеновичъ! Они вѣдь и сами не рады, сердечные... Намъ конечно лишнее безпокойство, но имъ каково — подумайте! Отцы семейства! Иной вчера распекалъ за единицу сынишку, а нынче самъ вернется домой съ единицей и разбитыми надеждами... Какими? Да вѣдь у всякаго свои, дорогой мой! Большой корабль по морю носится, а углая ладья—по лужицѣ пробирается... Тоже, знаете, положеніе... Драматическое положеніе! Вспикнуть надо... Миѣ всегда именно драма мерещется, когда я эдакаго лысенькаго экзаменую...

— Тупицы!—оборвалъ господинъ Страховъ.

— Конечно, люди не изъ быстрыхъ... Науку впередъ не двинуть и пороха не выдумаютъ. Только вѣдь они и мѣтятъ не въ профессеры, а въ коллежскіе регистраторы... И знаете, этихъ, которые держатъ на первый классный чинъ, я всегда пропускаю. Всю-то жизнь просидитъ онъ, за своими входящими и исходящими, на что ему знать, что главная составная масса Альпъ—гранитъ и гнейсъ, что въ административномъ отношеніи Швеція дѣлится на „лены“, а Норвегія на „шриф-

ты“... Зналъ-бы только, что Москва не на Днѣпрѣ, а Днѣпръ не въ Америкѣ, и Богъ съ нимъ! Ставлю четверку; а троечку уже во всякомъ случаѣ. Ну тѣхъ, которые экзаменуются на сельскихъ учителей, и я спрашиваю подробнѣе; профессорами и они не будутъ конечно, но все-таки эти идутъ учить другихъ, значить должны сами знать основательно... А регистраторы—Богъ съ ними!

— Нѣтъ-съ, я всѣхъ одинаково... Не знаешь—коль!...

— Конечно,—замѣтилъ Илья Ѳомичъ:—вы люди молодые, у васъ на первомъ планѣ—справедливость. А мы, старики, грѣшимъ изрѣдка... сердцемъ грѣшимъ, если можно такъ выразиться... Ползеть червякъ за хлѣбомъ насущнымъ; для чего, думается, я его раздавлю, когда въ моей власти не губить... И согрѣшишь противъ справедливости:—ползи, моль!..

Коммиссія—впереди предсѣдатель, статскій генералъ съ одной звѣздой, а за нимъ „батюшка“ и учителя—вошла въ большую залу, стѣны которой были выкрашены бѣлой эмалевой краской и увѣшаны большими портретами императоровъ въ массивныхъ золоченныхъ рамахъ. Всѣ усѣлись къ огромному овальному столу, покрытому зеленымъ сукномъ; предсѣдатель сѣлъ по срединѣ, а экзаменаторы размѣстились вокругъ стола, оставивъ около себя по стулу для тѣхъ, кто придетъ экзаменоваться.

И все стихло...

* *
*

Въ противоположномъ концѣ зала было разставлено рядами до ста стульевъ, и на нихъ сидѣли, кто разговаривая шепотомъ, кто перелистывая книгу, кто углубившись въ нее, кто задумавшись, а быть можетъ и молясь про себя, люди обоого пола, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ и въ возрастѣ отъ шестнадцати до сорока лѣтъ... Тутъ были и совсѣмъ юныя дѣвицы, державшія полный „гимназическій“ экзамень, были и дѣвушки постарше. бѣдно, не по модѣ одѣтыя и просто, безъ завитушекъ, причѣсанныя—будущія сельскія и домашнія учительницы. Были тутъ и безусые юноши, неудачники, по легкомыслію или по инымъ причинамъ, раньше времени выскочившіе изъ колеи школьнаго пути и теперь стремившіеся попасть на какую-нибудь „торную дорогу“, хотябы—въ вольноопредѣляющіеся; были и молодые люди постарше, и въ модныхъ пиджакахъ, и въ рубашкахъ—косовороткахъ подъ невзрачнымъ сюртукомъ; первые держали экзамень на классный чинъ, вторые—на сельскихъ учителей... А въ послѣднихъ рядахъ стульевъ, очевидно смущенные тѣмъ, что и они попали „на школьную скамью“, сидѣли зрѣлые, лысые и полусѣдые люди, съ утомленными лицами, на которыхъ читалась забота не объ экзаменахъ только, но—о службѣ, о семьѣ и о хлѣбѣ насущномъ... Среди этой группы нѣкоторые были и въ формѣ; сидѣлъ канцеляристъ почтово-телеграфнаго вѣдомства въ форменной тужурѣ, но безъ звѣздочекъ на наплечникахъ; опираясь на шашку, сидѣлъ и околоточный над-

зритель. Эти пришли держать экзамень несомиѣнно— „на первый классный чинъ“, на этотъ потѣшный, но необходимый для рядового русскаго чиновника чинъ—коллежскаго регистратора.

Въ этой-же группѣ, въ самомъ послѣднемъ ряду, сидѣлъ и Андрей Антиповичъ Столбушкинъ, человекъ лѣтъ тридцати-восьми... Въ залѣ было тепло, а ему было холодно; онъ ежился. Впрочемъ, онъ не могъ-бы опредѣлить и самъ, холодно ему, или жутко, какая дрожь пробираетъ его время отъ времени:—нервная или простудная. Онъ былъ взволнованъ. О, до чего онъ былъ взволнованъ въ этотъ памятный вечеръ!..

„Господь многомилостивый!“ прошепталъ онъ, когда въ залу вошла комиссія. Коротокъ былъ этотъ призывъ, но какая мольба была на лицѣ Андрея Антиповича, когда онъ прошепталъ его, когда крѣпко, будто судорожно, прижалъ ко лбу сложенные для крестнаго знаменія пальцы и взглянулъ мелькомъ на большой образъ Спасителя, золоченая риза котораго, освѣщенная лампадой, блестѣла такъ ярко въ углу, надъ столомъ, за которымъ усѣлись экзаменаторы. „Нѣтъ, не попустить Богъ!.. Нѣтъ, такого горя Господь не допустить!“ думалъ онъ. „Пять экзаменовъ выдержалъ... Неужели не сойdetъ и этотъ, послѣдній?“

Да, несмотря на то, что Андрею Антиповичу было подъ сорокъ лѣтъ и что въ рѣденькой бородкѣ его проглядывали сѣдые волосы, а среди волосъ на головѣ просвѣчивала изрядная лысина; несмотря на то, что уже четырнадцать лѣтъ онъ

состоялъ на государственной службѣ, въ департаментѣ, и уже двѣнадцать лѣтъ былъ женатъ; не смотря, и на то, что изъ пяти человѣкъ его дѣтей двое старшихъ, Петруша и Катя, учились уже, — и самъ Столбушкинъ „учился“ послѣднее время, цѣлыхъ полгода готовился къ экзамену, „зубрилъ предметы“ по программѣ четвертаго класса гимназiи и уже вторую недѣлю сдавалъ экзамены на чинъ коллежскаго регистратора...

Конечно нужда заставила его приняться въ этомъ возрастѣ за учебники... Своевременно нигдѣ не кончивъ курса и потому не имѣя правъ на чинъ, за четырнадцать лѣтъ службы онъ не пошелъ дальше того, съ чего началъ, дальше „канцелярскаго служителя“, ежемѣсячнаго оклада въ сорокъ рублей и наградныхъ, по тридцати пяти, два раза въ годъ — къ Рождеству и къ Пасхѣ... Но онъ былъ исполнительный и ревностный чиновникъ, онъ зналъ свое маленькое несложное дѣло въ совершенствѣ, и само начальство жалѣло, что не можетъ назначить его на штатную должность помощника столоначальника. Начальство же и посоветовало ему, по примѣру другихъ, держать экзаменъ на первый классный чинъ, имѣя въ виду замѣстити Столбушкинымъ первую вакансію помощника столоначальника. Какъ-же было не волноваться Андрею Антиповичу! Во первыхъ, получивъ первый чинъ, онъ, четырнадцать лѣтъ просидѣвшій безъ всякаго движенія по службѣ, станетъ получать прочіе чины уже наравнѣ со всѣми — за выслугу лѣтъ — каждые три года; такъ-же и ордена; во вторыхъ, лѣтъ черезъ десять онъ мо-

жетъ разсчитывать добратся и до столоначальника; но главное, сейчасъ, назначенный помощникомъ, онъ будетъ получать не сорокъ рублей въ мѣсяць, а шестьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ, и наградныхъ, къ праздникамъ, „на гуся“, не по тридцати-пяти, а по семидесяти-пяти рублей... А почетъ? Вѣдь онъ станетъ „начальствомъ“; конечно—два канцелярскихъ служителя—Стручковъ и Чечевичкинъ—будетъ уже его „подчиненными“...

„Послѣдній-то послѣдній, но зато самый трудный остался“! думаль Столбушкинъ, размышляя о предстоящемъ экзаменѣ. „О, до чего трудно! Главное—совсѣмъ непонятно... Такъ и такъ, а почему такъ, а не эдакъ—не понимаю!.. Совсѣмъ мало понимаю... И на что мнѣ эта геометрія?! Четырнадцать лѣтъ служу въ департаментѣ и ни разу она не понадобилась. И въ помощникахъ навѣрное не понадобится. Петръ Антоновичъ двадцать шесть лѣтъ помощникомъ, и говоритъ—ни разу за все время и не вспомнилъ о томъ, что не училъ геометріи... На что-же она и мнѣ? Русскій языкъ это дѣло другого рода... Неловко что-нибудь эдакое: „е“ вмѣсто „ѣ“ поставить, или, тамъ, насчетъ занятыхъ... Неловко даже и канцелярскому служителю, а не только—помощнику... И хоть-бы у другого пришлось экзаменоваться по геометріи, не у господина Страхова... Строгъ онъ, очень строгъ! И за ариѳметику едва согласился поставить тройку... Должно быть, потому я такъ и боюсь сегодня, что онъ меня тогда напугалъ, съ ариѳметикой... И мало что—строгъ. Будто даже злобу

затаилъ... Сидитъ, вопросы задаетъ, а самъ словно думаетъ: „постой, это отвѣтишь, такъ я тебя вотъ на чемъ раздавлю; всего ты не знаешь, по всему замѣтно“... Конечно—не знаю!.. Развѣ я могу знать все, что онъ знаетъ“...

Тревога и нервная дрожь усиливались. „Неужели онъ провалитъ меня? Неужели сегодня не поставитъ тройки? Неужели онъ меня погубитъ?“ спрашивалъ себя Столбушкинъ, съ щемящей тоской. „Убьетъ, убьетъ онъ меня... безъ ножа зарѣжетъ... Господи, помилуй!.. На мѣдные гроши и учился и теперь, доучиваясь, старый, плѣшивый и тупой, мало понимаю эти теоремы и ак... Боже мой! Какъ это слово-то?“ всполошился Столбушкинъ. „Забылъ! Забылъ! Ак... акці... Нѣтъ, „акція“ это другое... это по биржѣ что-то, денежное... И тоже толкомъ не знаю, что это—„акція“... Ничего-то я не знаю!.. А это? Какъ-же это? А онъ вотъ возьметъ да на грѣхъ это и спросить... Ак... акся... аксіама... Нѣтъ... Аксіома!“ вспомнилъ, наконецъ, Андрей Антиповичъ. Лицо его просвѣтлѣло на мгновеніе, но тотчасъ опять затуманилось. „Да, самъ на мѣдныя деньги учился, самому, вотъ, довелось экзамены держать въ эти годы, такъ, ужъ если выберусь въ помощники, Петрушу поведу путемъ-дорогою, какъ всѣ идутъ... А срѣжетъ онъ меня сегодня—и это дѣло пропало!.. И все, все тогда пропало! Канцелярскимъ, на сорока рубляхъ, и вѣкъ свѣковать придется... Хоть-бы ужъ скорѣе... И кабы не геометрія эта—прошелъ-бы... право, прошелъ-бы!.. Такъ гладко сошло у всѣхъ... Даже исторія сошла; да и арио-

метика, все-таки, сошла и у него, у господина Страхова.

* *
* *

И, глядя на знакомыя лица преподавателей, экзаменовавших его на этихъ дняхъ, Андрей Антиповичъ невольно припомнилъ, какъ „сошли“ всѣ экзамены...

Батюшка задалъ два-три вопроса по богослуженію, на которые Столбушкинъ отвѣтилъ довольно удачно; потомъ онъ спросилъ, сколько у Андрея Антиповича дѣтей, учатся-ли они, гдѣ онъ служить и сколько получаетъ жалованья, и, какъ только узналъ, что отъ успѣшнаго окончанія экзаменовъ зависитъ улучшеніе его благосостоянія, проговорилъ: „Ну, давай вамъ Богъ“, поставилъ четверку и отпустилъ немедленно...

Съ исторіей чуть было не вышло „исторіи“. Учитель—вонъ тотъ господинъ съ открытымъ лицомъ и длинной черной бородой—спросилъ сначала о Петрѣ Великомъ, потомъ объ Иванѣ Грозномъ, и, хотя не очень подробно, что „вспомнилось“, Столбушкинъ разсказалъ о дѣянiяхъ и царствованiи этихъ царей. Но два невѣдомыхъ имени чуть не погубили Андрея Антиповича...

— Кто былъ Магометъ?—спросилъ учитель.

Столбушкинъ разсказалъ о „татарскомъ пророкѣ“, какъ мысленно окрестилъ онъ Магомета, готовясь къ экзамену и стараясь запомнить исторію этого пророка.

— А кто былъ Омаръ?—спросилъ затѣмъ учитель.

— Омарь?—повторилъ Андрей Антиповичъ, даже не припоминая, потому что, среди его скудныхъ познаній по исторіи, положительно не имѣлось свѣдѣній объ этомъ Омарѣ. И онъ сидѣлъ, глядя безсмысленно на блестящую пуговицу вице-мундира учителя, а глупыя мысли лѣзли въ голову помимо его воли.

„Омарь это—ракъ такой, большой, заграничный... Выставленъ на Невскомъ, въ фруктовыхъ магазинахъ... И я ѣлъ его на юбилей у бухгалтера... Вкусно... Только онъ не про этого Омара спрашиваетъ... И зачѣмъ это такъ:—и большой ракъ омарь, и еще кто-то тоже вотъ—Омарь... Гдѣ о немъ въ книжкѣ-то сказано?.. Въ русской исторіи, или въ той, въ туманной?.. Не попадалось мнѣ...

— Ну-съ, хорошо,—сказалъ задумчиво учитель, убѣдившись, что Столбушкінъ незнакомъ съ Омаромъ. — Какой орденъ учредилъ Игнатій Лайола?

Но о Лайолѣ Андрей Антиповичъ не зналъ ничего, какъ и объ Омарѣ...

— Орденъ?—переспросилъ онъ опять. „Какой же орденъ“? думалъ онъ снова. „Станислава? Анну?.. Нѣтъ, ихъ учредили наши императоры, а вѣдаетъ капитулъ орденовъ... Хотя Станиславъ, говорятъ, польскій орденъ. И этотъ... какъ онъ его назвалъ... Лай... ой... Игнатій тоже, видно, изъ поляковъ... Сказать развѣ, что—Станислава?.. Только, кажется, ордена совсѣмъ не по исторической части... Хуже, какъ соврешь... Ужъ лучше промолчать, какъ объ Омарѣ“...

Учитель посидѣлъ съ минуту, побарабанилъ пальцами по столу и, вспомнивъ должно быть, что о царяхъ Иванѣ и Петрѣ Столбушкинѣ все-таки кое-что отвѣтилъ, поставилъ тройку...

И по русскому языку экзаменъ сошелъ благополучно. Не думалъ Андрей Антиповичъ, что когда-нибудь ему придется писать „сочиненіе“, а—пришлось. Задали на тему: „Описаніе Казанскаго собора“. И ничего—написалъ. И, благодаря тому, что онъ обдумывалъ каждое слово, раньше чѣмъ начиналъ его писать, и, если не зналъ навѣрное, какъ оно пишется, замѣнялъ его другимъ словомъ, того-же значенія, а то и вовсе выпускалъ заготовленную фразу,—только благодаря этой хитрости, онъ не надѣлалъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ.

„Голь на выдумки хитра“, и Столбушкинъ схитрилъ и относительно знаковъ препинанія; чтобы вообще ихъ было поменьше, чтобы не гадать, какой изъ нихъ поставить, онъ написалъ все сочиненіе короткими фразами, раздѣляя ихъ точками; однако, все-таки, въ четырехъ мѣстахъ онъ не поставилъ запятыхъ, гдѣ слѣдовало, и въ трехъ случаяхъ разставилъ ихъ слабымъ, нерѣшительнымъ почеркомъ тамъ, гдѣ не слѣдовало... Устныхъ вопросовъ по грамматикѣ учитель, слава богу, не задавалъ... Въ заключеніе онъ попросилъ только прочесть по книгѣ и рассказать своими словами небольшой отрывокъ изъ „какой-то“ статьи, озаглавленной „Хоръи Калинычъ“, и поставилъ тройку...

Андрей Антиповичъ побаивался и экзамена по географіи. Но учитель—вонъ тотъ сѣденькій,

сморщенный старичекъ—оказался ангеломъ, а не учителемъ. Такъ ласково, съ такимъ участіемъ, даже съ состраданіемъ посмотрѣлъ онъ на Столбушкина, когда тотъ сѣлъ передъ нимъ, и по его испуганному лицу сразу угадалъ, казалось, все: и то, что Андрей Антиповичъ почти ничего не знаетъ по географіи, но, съ голода набравшись отваги, все-таки пришелъ сдавать экзамень, и то, что выдержать этотъ экзамень ему необходимо, ради хлѣба насущнаго... И, соболизнуя, старичекъ-учитель спросилъ его мягко, ласковымъ голосомъ.

— Вы—на классный чинъ?

— Да-съ...

— Чудесно!... Это что-же такое, скажите?—спросилъ онъ, развернувъ атласъ и указывая на Африку.

— Это—Африка...

— Чудесно... А скажите, гдѣ тутъ югъ?

— Вотъ-съ...

— А тутъ что?

— Тутъ—сѣверъ-съ...

— Чудесно... Теперь что-нибудь изъ географіи Россіи... Скажите, Волга въ какое море течетъ?.. Покажите вотъ тутъ...

— Вотъ въ это-съ,—указалъ Столбушкинъ.

— И вы знаете, какъ оно называется?

— Каспійское море...

— Ну, и прекрасно!—сказалъ старичекъ, поставилъ, какъ и батюшка, четверку и самъ вздохнулъ какъ-то облегченно и радостно...

А Столбушкинъ пошелъ отъ „страшнаго“ стола, накрытаго зеленымъ сукномъ, по вылощенному паркету большой залы бодро и легко. Стихотвореніе, которое его девятилѣтняя Катя выучила недавно въ школѣ и день—деньской твердила напѣвая, которое, благодаря этому, и самъ Андрей Антиповичъ затвердилъ почти наизусть, Богъ вѣсть почему; вспомнилось ему теперь:

«Въ чужбинѣ свято наблюдаю
«Родной обычай старины:
«На волю птичку выпускаю
«При свѣтломъ праздникѣ весны.
«Я сталь доступенъ утѣшенью;
«За что на Бога мнѣ роптать,
«Когда хоть одному творенью
«Я могъ свободу даровать?»

„Хорошо“! думаль тогда Столбушкинъ. „И кто это написалъ? Надо спросить Катю, или Петрушу“...

Но придя домой, онъ забылъ спросить объ этомъ дѣтей...

* * *

Когда воспоминанія пресѣклись (этотъ удачный экзамень по географіи былъ третьяго дня), Андрей Антиповичъ опять заволновался.

„Господи, Господи, что-то будетъ сегодня“?!

И по мѣрѣ того, какъ, побывавъ у стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, экзаменующіеся уxo-

длин изъ зала и еще не вызванныхъ оставалось все меньше и меньше, Столбушкинъ волновался сильнѣе. Зорко и тревожно слѣдилъ онъ за господиномъ Страховымъ и за тѣми, кого онъ экзаменовалъ, и видѣлъ, что, изъ числа восьми человѣкъ, четверо ушли, очевидно—„провалившись“... И эти наблюденія усугубляли тревогу Андрея Антиповича...

Но вотъ, господинъ Страховъ подошелъ вмѣстѣ съ экзаменовавшимся у него молодымъ человѣкомъ къ предсѣдателю, и оба они объясняли что-то генералу хотя и шопотомъ, но взволнованно и размахивая руками. Потомъ господинъ Страховъ вернулся на свое мѣсто, а юноша вышелъ изъ залы...

— Господинъ Столбушкинъ! — провозгласилъ предсѣдатель.

Вставая со стула, Андрей Антиповичъ даже замурлыкалъ, до того ему стало страшно... Онъ не помнилъ, какъ перешелъ залу и очутился около генерала.

— Вы—по геометріи?.. Сюда пожалуйте. И предсѣдатель указалъ ему на свободный стулъ, около господина Страхова.

„Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“! прошепталъ Андрей Антиповичъ. Взглянувъ на господина Страхова, онъ рѣшилъ сразу, что онъ его „погубить“, и окончательно растерялся. Все, что онъ запомнилъ по геометріи, разомъ будто выскочило изъ головы.

„Ак... Аксія... Аксіе“, припоминалъ для чего-то Столбушкинъ, а самъ кланялся господину Стра-

хову заискивающе и трусливо, какъ директору департамента.

Господинъ Страховъ указаль ему на стуль.

— Н-ну-съ,—сказаль онъ, будто собираясь отвѣдать любимое, вкусное блюдо.

— Да-съ,—вырвалось, какъ говорится ни къ селу ни къ городу, у Столбушкина.

— По геотмерин-съ?..

— Точно такъ-съ...

— Если углы одного треугольника равны рознь угламъ другого, подобны-ли треугольнички?—выпалилъ залпомъ господинъ Страховъ.

— Да-съ, одинаковы...

— Подобны, а не одинаковы.

— Подобны-съ...

— Докажите...

— Углы равны... то есть одинаковы и подобны... А потому, значить, и треугольнички подобны, одинаковы и рав...

— Нѣтъ-съ, это какое-же доказательство! Вотъ бумага и перо... Не угодно-ли...

Столбушкинъ взялъ бумагу и перо и просидѣлъ въ молчаніи съ минутой.

— Не знаете-съ?... Какіе вамъ извѣстны виды четырехугольничковъ?

— Разные извѣстны-съ...

— Н-да? Изберите какой-нибудь...

„Четыреугольничъ, значить ужъ—непремѣнно четыре угла“, начиная все-таки соображать, рѣшилъ Столбушкинъ и изобразилъ на бумагѣ квадратъ.

— Какъ называется этотъ четырехугольничъ?

— Этогъ?.. Такъ-съ четырехъугольникомъ и называется...

— Н-да? А этогъ?

И господинъ Страховъ нарисовалъ фигуру самъ.

— Это тоже четырехъугольникъ, только... кривой...

Кривой? Скажите! А по нашему это—параллелограммъ... Не слышали?.. Такъ-съ... Докажите, что линіи, дѣлящія пополамъ два накрестъ лежащія угла, параллельны между собою?—выпалилъ опять господинъ Страховъ.

Протянулась опять неловкая минута глубочайшаго, томительнаго молчанія.

— Ну-съ!—прервалъ это молчаніе господинъ Страховъ.

Столбушкинъ чувствовалъ уже, что все пропало. На экзаменѣ ариметики господинъ Страховъ задалъ ему тоже только три вопроса; на два онъ отвѣтилъ, не могъ отвѣтить только на третій и то Андрею Антиповичу пришлось упрашивать учителя поставить „троечку“. Теперь онъ не сумѣлъ отвѣтить ни на одинъ изъ заданныхъ вопросовъ...

— Этого я немогу доказать!—стономъ вырвалось у него...

Господинъ Страховъ молча поклонился, молча написалъ на листѣ „единица“, выставилъ рядомъ этотъ „коль“ и цифрою, передалъ листокъ предсѣдателю и, скрестивъ на груди руки, сталъ ожидать слѣдующаго „балбеса“...

Столбушкинъ застегнулъ наглухо потертое драповое пальтишко, поднялъ мѣховой воротникъ и вышелъ изъ подъѣзда.

— Папочка, выдержалъ?..

Андрей Антиповичъ высунулся изъ воротника и увидѣлъ Петрушу.

— Зачѣмъ ты пришелъ? Поздно...

— Скорѣе узнать хотѣлось, папочка... Выдержалъ!..

— Нѣтъ, родной, не выдержалъ!—отвѣтили дрогнувшимъ голосомъ Столбушкинъ и спрятался опять въ воротникъ.

И Петруша поднялъ свой. И до самаго дома отецъ и сынъ шли молча и будто спрятавшись...

Взобравшись по узкой лѣстницѣ въ пятый этажъ, Андрей Антиповичъ потянулъ ручку звонка не сильно, чуть-чуть, и за дверями послышался робкій, нерѣшительный звонокъ...

— Не выдержалъ?!— испуганно спросила его жена, отворяя дверь.

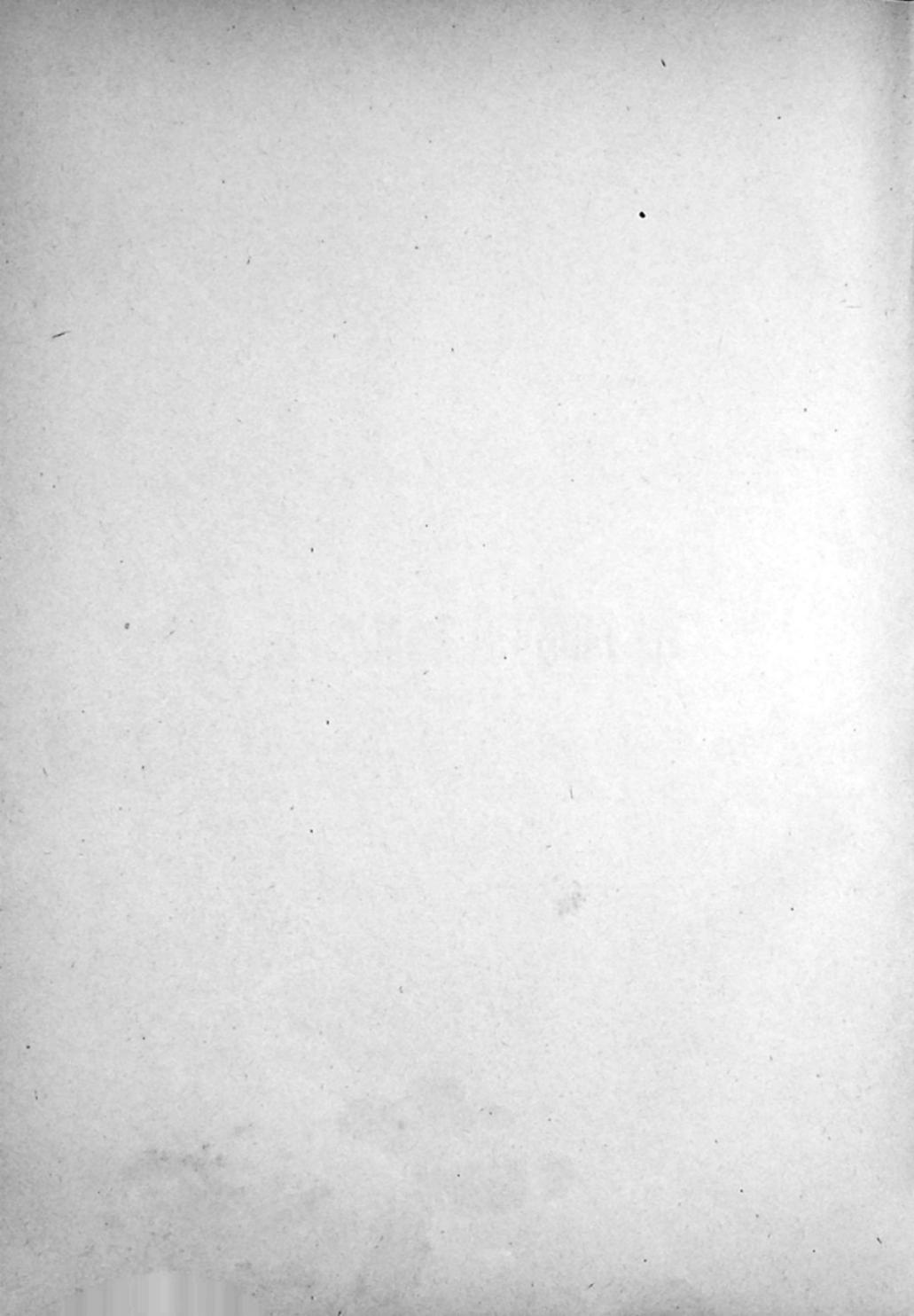
— Да... Осрамился...

Она закрыла лицо руками, глухо зарыдала и ушла въ спальню. Петруша, упорно отворачиваясь отъ свѣта маленькой лампочки, горѣвшей въ этой крохотной прихожей, наскоро раздѣлся и шмыгнулъ въ темный корридоръ...

„Осрамился“, думалъ Андрей Антиповичъ. „Пошелъ людей смѣшить—спустя лѣто, по малину!..“

МАЛЕНЬКИЙ ГАМЛЕТЪ.

Маленькій Гамлетъ.

— Не пойду я на эту елку... Не пойду!—
обыкновенно твердилъ про себя маленькій кадетикъ,
Володя Гурьевъ, стояаясь по длинному, пустын-
ному и слабо освѣщенному корридору корпуса...

Это было вечеромъ, въ Рождественскій сочель-
никъ.

Корпусъ, обыкновенно шумный и многолюдный,
опустѣлъ за послѣдніе дни. „Самые счастливые“,
„загородные“ кадеты, родители которыхъ жили въ
провинціи, уѣхали на праздники пять—шесть дней
тому назадъ. „Городскихъ“ отпустили третьяго
дня. Вчера простили и наказанныхъ, и даже они
ушли домой... И остались въ корпусѣ только
„самые несчастные“, тѣ которые и всегда остаются
„на всѣ праздники“, родители которыхъ жили гдѣ
нибудь очень далеко, и сироты, которыхъ опекуны
не брали изъ корпуса даже и въ этотъ большой
„дѣтскій“ праздникъ и для которыхъ корпусъ устраи-
валъ обыкновенно въ сочельникъ „казенную“ елку.

Но за что и почему онъ—Володя—оставленъ въ корпусѣ на этотъ праздникъ?.. Вѣдь у него есть и папа, и мама... Гдѣ живетъ теперь папа—Володя не знаетъ точно. Онъ и не помнитъ папы, потому что тотъ уѣхалъ отъ мамы и отъ него, когда Володѣ было всего три года, и „развелся“ съ мамой, какъ впоследствии сказали Володѣ люди...

Но мама живетъ со своимъ „новымъ мужемъ“ и „съ новыми дѣтьми“ у этого новаго мужа въ деревнѣ... И, хотя въ эту деревню можно доѣхать изъ Петербурга въ одинъ день, и Володя могъ-бы уѣхать изъ корпуса „на всѣ праздники“, вмѣстѣ съ „самыми счастливыми“ кадетами, однако... Новый маминъ мужъ не любитъ Володю и—Володя слышалъ это тоже отъ людей—приказалъ мамѣ отдать Володю въ корпусъ, въ Петербургъ. Мама послушала—отдала... И не взяла даже на Рождество, на елку...

— Мама, мама!—вырвалось упрекомъ у Володи... Онъ хотѣлъ сказать еще что-то злое и нехорошее; но ему стало очень стыдно, и онъ этого не сказалъ...

Въ одномъ изъ корпусныхъ флигелей, гдѣ жили семейные воспитатели, Володя увидѣлъ черезъ окно горящую елку и вокругъ нея—дѣтей и взрослыхъ... Онъ остановился у окна, приложилъ къ его холодному стеклу свой горячій лобъ и, глядя на елку, простоялъ до тѣхъ поръ, пока почувствовалъ, что голова его похолодѣла и такъ же холодно стало на груди, подъ бушлатомъ...

„Простудишься и умрешь“, подумалъ онъ, но не отошелъ отъ окна. „И умру! И буду очень радъ,

потому что меня никто не любить... И даже... даже мама не любить“!

— Мама!—воскликнулъ онъ опять, и противъ воли уже—громко...

Въ горлѣ у него защекотало, ему стало и очень обидно, и какъ-то особенно скучно; лицо складывалось уже въ гримасу, и онъ чуть не заплакалъ... Но въ ту же минуту нахлынуло опять что-то злое, онъ отошелъ отъ окна, зашагалъ опять по корридору и затвердилъ:— Не пойду... На эту елку я не пойду!..

Хотя онъ и твердилъ это, но ему очень хотѣлось пойти даже на эту елку, потому что все-таки это была „елка“, а Володѣ было одиннадцать лѣтъ. И интересно было взглянуть, какая бываетъ „казенная“ елка въ корпусѣ... Но въ то же время ему казалось обиднымъ и несправедливымъ, что, имѣя папу и маму, имѣя и елку дома, онъ долженъ быть на казенной елкѣ; онъ былъ увѣренъ, что на этой елкѣ онъ непременно расплачется при товарищахъ, а они—и Петровъ, и Пуцинь, и Рюминь—поднимутъ его на смѣхъ... И онъ рѣшилъ твердо не идти на эту елку. Онъ рѣшилъ это еще съ утра и теперь его заботила только мысль—подъ какимъ предлогомъ онъ не пойдетъ, что скажетъ воспитателю... Собраться было приказано въ восемь часовъ; теперь былъ уже восьмой часъ, и, не зная, что придумать, Володя убѣжалъ въ этотъ корридоръ.

„Если я пробуду здѣсь все время, пока у нихъ будетъ эта „елка“—замѣтятъ, что меня нѣтъ, и—накажутъ“, соображалъ онъ.

А большіе часы пробіли половину восьмого... „Что-жь это“?! подумалъ тоскливо Володя. Въ этотъ вечеръ ему такъ хотѣлось плакать, что и теперь онъ заплакалъ бы съ отчаянія, если-бы именно въ эту минуту не пришла счастливая мысль укрыться отъ елки въ лазаретъ... Онъ побѣжалъ къ дежурному воспитателю, который и долженъ былъ устраивать кадетамъ казенную елку...

— Петръ Антоновичъ, позвольте мнѣ—въ лазаретъ.

— Зачѣмъ?

— Я нездоровъ...

Воспитатель посмотрѣлъ ему въ лицо и дотронулся до его лба.

— Да, голова горячая.. Что у тебя болитъ? Горло?

Володя побоялся „соврать на горло“; еще недняхъ одинъ товарищъ „попался съ горломъ“:—сказалъ на горло, а посмотрѣли—ничего не оказалось...

— Нѣтъ, голова,—сказалъ онъ, благо и Петръ Антоновичъ нашель, что она—„горячая“...

— А можетъ, немного болитъ, такъ пройдетъ?... Вѣдь сейчасъ будемъ елку зажигать...

У Володи опять защекотало въ горлѣ... Такъ хотѣлось ему посмотрѣть „хоть на эту елку“, но такъ хотѣлось опять и заплакать, заплакать горько, надолго, пока „все выплачется“...

— Нѣтъ... У меня очень болитъ... Очень!—проговорилъ онъ.

— Ну иди, иди!—разрѣшилъ Петръ Антоновичъ.—Я найду потомъ къ фельдшеру, узнаю— что у тебя такое...

Володя прибѣжалъ въ лазаретъ... Фельдшера не было въ помѣщеніи, и служитель пошелъ за нимъ... Кадетикъ бросился на койку, уткнулъ голову въ подушку и наконецъ—заплакалъ...

Такъ плакать— „очень плакать“—ему пришлось и раньше... Онъ плакалъ такъ въ прошломъ году, когда узналъ впервые, что мама рѣшила отправить его въ Петербургъ, въ корпусъ; онъ плакалъ такъ и въ день отъѣзда изъ деревни, прощаясь съ мамой, плакалъ такъ не разъ и первое время, въ корпусѣ... Но каждый разъ, „выплакавъ все“, онъ успокаивался. Теперь-же онъ никакъ не могъ успокоиться и пересталъ всхлипать только когда услышалъ надъ собою озабоченный возгласъ фельдшера.

— Что съ вами?.. Чего вы плачете?..

— Больно!—сказалъ Володя, чувствуя, что не можетъ сказать правды этому совершенно чужому человеку...

— Гдѣ больно?.. Что болитъ?

— Голова...

— Такъ мы ее полѣчимъ... А плакать-то зачѣмъ? Оттого, что плакать будете—сильнѣе разболится... Перестаньте-ка, перестаньте!.. Сейчас полѣчимъ..

Онъ повязалъ голову Володи полотенцемъ, смочивъ его какой-то благовонной жидкостью, и тугъ же засунулъ ему „подъ мышку“ градусникъ.

— Лежите такъ четверть часа... А черезъ четверть часа я приду и узнаю, что у васъ такое...

И фельдшеръ ушелъ...

Володя лежалъ, придерживая рукой градусникъ. Влажное полотенце освѣжило его пылающую голову, но не излѣчило, конечно, того, что „было“ у этого кадетика...

„Елка... вездѣ теперь елка... у всѣхъ елка“, твердилъ онъ. И такъ ярко представилось ему это свѣтлое, сіяющее огнями волшебное деревцо, разукрашенное, заманчивое, несущее столько радости чистому дѣтскому сердцу... Мелькнула и та елка, которую только что онъ видѣлъ изъ окна корридора, въ квартирѣ воспитателя; представилась и та невиданная „казенная“ елка, которую именно теперь зажигали въ гимнастическомъ залѣ; вспомнились и тѣ елки, которыя устраивались каждый годъ тамъ, въ деревнѣ, у новаго маминаго мужа, для тѣхъ ея дѣтей и для него...

„И у нихъ теперь елка“, думалъ онъ опять. „Зажгли... И они тамъ, тѣ мамины дѣти... И Сеня и Маруся... Мама, „онъ“, ихъ бабушка—всѣ ласкаютъ ихъ... цѣлуютъ... подарки дѣлаютъ... Даже и чужія дѣти тамъ... гости... А меня нѣтъ... только меня нѣтъ!.. Я тутъ одинъ... Зачѣмъ, зачѣмъ она его послушала!.. Миѣ не надо подарковъ... Миѣ ничего не надо... миѣ надо только—маму... Маму миѣ надо!.. Если бы я былъ тамъ, опять, какъ на той елкѣ, она...

И такъ живо вспомнилась ему прошлогодняя елка, послѣдняя елка дома, около мамы... И

вспомнились не подарки, не лакомства... Вспомнилось то, чего онъ уже никогда не забудетъ...

Изъ ярко освѣщенной залы, гдѣ горѣла елка и были „всѣ“, мама вдругъ быстро увела его въ слабо-освѣщенную гостиную, наклонилась къ нему, крѣпко обняла его и нѣсколькими поцѣловала нѣсколько разъ... И такъ-же быстро она вернулась съ нимъ въ залъ... Володя понялъ тогда, что она не хотѣла ласкать и цѣловать его въ залѣ, потому что тамъ были „онъ“ — ея новый мужъ — и „тѣ“ дѣти, и „ихъ“ бабушка... И онъ помнилъ, что радость и гордость переполнили тогда его сердце... У нихъ съ мамой завелся отъ „тѣхъ“ — секретъ...

Онъ вспомнилъ теперь этотъ „секретъ“ и поцѣлуй матери, вспомнилъ такъ живо ея красивое-красивое лицо, ея большіе глаза, въ которыхъ блеснула слеза, когда она его ласкала, вспомнилъ, какъ тепло было ему около нея, отъ ея мягкаго платья, какъ хорошо пахли ея волосы, къ которымъ она прислонила тогда его лицо, и до боли, до слезъ ему захотѣлось и теперь приласкаться и прижаться къ ней, посмотреть на нее, спрятаться около нея, поцѣловать ее и сказать ей, что онъ ее любитъ, очень любитъ, что безъ нея ему жутко, страшно, скучно, больно... Очень больно!..

— Мама!.. Мама! — твердилъ онъ въ изнеможениі. — За что ты меня бросила, прогнала.. за что разлюбила!.. Зачѣмъ ты его послушала?.. Мама! — крикнулъ громко ребенокъ. И теперь, разрыдавшись, добавилъ: — И я тебя не люблю!..

ХОЛОДНО.

Х о л о д н о .

Ямщикъ привезъ меня изъ деревни на маленькую станцію желѣзной дороги за часъ до отхода поѣзда въ Петербургъ, и, поджидая поѣздъ, я сидѣлъ въ нетопленномъ и плохо освѣщенномъ „залѣ 1-го и 2-го класса“ въ полномъ одиночествѣ... Зимняя ночь наступила такъ рано и была такъ темна, на дворѣ бушевала непогода и въ комнатѣ было холодно, мрачно и неуютно. И ждать было такъ томительно-скучно...

См. 83 Я попросилъ соннаго станціоннаго сторожа затопить печку; но онъ отказалъ:— „по положенію“ печка топилась уже, утромъ. Думая убить время за чтеніемъ, я просилъ зажечь вторую лампу, вдобавокъ къ высоко висѣвшей и тусклой стѣнной; но и въ этомъ получилъ отказъ:— „положено“ было горѣть только одной лампѣ... Спросилъ чаю—услыхалъ, что „эта станція не буфетная“... Лучше всего было-бы заснуть; но я боялся проспать поѣздъ. Оставалось одно—„думать“... Хвала Создателю, это „положено“ и „разрешается“

всюду и всегда... И, прислонившись къ спинкѣ „бархатнаго“, но грязнаго дивана, я задумался...

Однако, вскорѣ въ сосѣдномъ помѣщеніи хлопнула входная дверь, потомъ отворилась дверь въ „зало“, и вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, одѣтый въ теплое пальто и обутый въ валенки. Мелькомъ взглянувъ на меня, онъ хотѣлъ сѣсть въ кресло, стоявшее у холодной печки, но тутъ же, взглянувъ пристальнѣе, подошелъ и вопросительно, но увѣренно назвалъ мою фамилію. А когда онъ подалъ мнѣ руку, и я узналъ его...

Это былъ врачъ Шевелевъ. Еще въ гимназін, когда онъ предложилъ классу составить подписку „по двугривенному“, чтобы дать возможность бѣднякъ-однокласснику расплатиться за разбитое дорожное стекло въ казенномъ библиотечномъ шкапу, этотъ человѣкъ выдѣлился для меня изъ однообразной сѣрой толпы товарищей. Я помнилъ его и студентомъ-медикомъ. Но послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ мы не встрѣчались...

— Какими судьбами ты здѣсь?—спросилъ онъ.

— Проѣздомъ...

И, рассказавъ ему коротко зачѣмъ я пріѣзжалъ въ эти мѣста, я задалъ тотъ-же вопросъ ему.

— А я живу здѣсь,—отвѣтилъ Шевелевъ.— Нѣтъ, „живу“—громко сказано... Я тутъ „прозябаю“ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ... Холодно...

И мы разговорились... То есть вѣрнѣе, говорилъ онъ, а я больше слушалъ...

Было что послушать...

— Если ты живаль въ деревнѣ, — говорилъ онъ: — ты знаешь, какъ нуждается она во врачахъ и какъ мало ихъ тутъ, какъ часто люди и особенно дѣти мрутъ здѣсь только потому, что на пространствѣ сорока-пятидесяти верстъ живетъ одинъ докторъ, которому, какъ говорится — „не разорваться“ ... Господи, Господи!.. Сыворотка дѣлаетъ теперь чудеса и въ городахъ имѣется въ каждой аптекѣ. А въ деревняхъ дѣти мрутъ отъ дифтерита по прежнему — сотнями! Будто эти деревенскія дѣти менѣе нужны или не такъ дороги обществу и государству!.. Живою остается въ деревнѣ только та мать, у которой роды проходятъ вполне нормально. Но та, которой необходима „помощь врача“, умираетъ „въ неблагополучныхъ родахъ“, измученная и истерзанная дикими бабками и знахарями, пытающимися „облегчить ея страданія“ — дикими средствами... Винять народъ за то, что онъ къ нимъ обращается... Но куда же, къ какому онъ пойдетъ?.. Не вѣрь! Лгутъ на народъ враги его! Гдѣ завелся докторъ, тамъ знахарь вывелся, и тамъ народъ не только не ищетъ его, но забылъ о немъ... Только дѣло именно въ томъ, что врачей не мало въ деревнѣ, какъ говорятъ и пишутъ въ газетахъ, врачей — нѣтъ въ деревнѣ. А необходимо имѣть ихъ столько, сколько теперь хотя бы... урядниковъ... Народъ болѣетъ давно... Болѣзни запущены... Люди гниютъ отъ страшной болѣзни и передаютъ ее потомству... Слѣпыхъ и слѣпнущихъ огромный процентъ... Столько дѣла — слѣпшаго, неотложнаго, а людей — нѣтъ!..

И не мудрено, при такихъ условіяхъ. Такъ ничего не будетъ... никогда не будетъ... Такъ, обезсиленные и разочарованные, въ отчаяніи убѣгутъ и тѣ, кто есть... Убѣгу и я!.. Тяжело... И не просто—тяжело, а—не подь силу!.. И—холодно...

Шевелевъ былъ очень разстроены. И нервность, съ которой онъ говорилъ, и торопливость, съ какой онъ ходилъ изъ угла въ уголь по небольшой комнатѣ, доказывали его волненіе... Но говорилъ онъ охотно, будто обрадовавшись случаю высказать все, что наболѣло и наслоилось на очевидно усталой душѣ...

— А ты давно здѣсь?—спросилъ я, едва онъ замолкъ.

— Давно... Десять лѣтъ... Какъ только сталъ врачомъ, я бросился сюда... Я и на доктора не держалъ и не „пробовалъ счастья“ въ городѣ... Я родился въ деревнѣ. Юношей я много плакалъ надъ нею, я зналъ безъ газетъ и рассказовъ о томъ, что тутъ дѣлается, и вѣрилъ, что я нуженъ тутъ, что тутъ я могу принести наибольшую пользу ближнему... И первыя пять лѣтъ, пока я былъ холостой, я былъ очень доволенъ собой... Я работалъ много, успѣшно, могъ не думать ни о комъ, кромѣ своихъ больныхъ, и принадлежалъ имъ всецѣло... И я рѣшилъ остаться навсегда свободнымъ, вольнопрактикующимъ деревенскимъ врачомъ... Но, черезъ пять лѣтъ по пріѣздѣ въ деревню, я женился... Да, это была непоправимая ошибка... Но, подобно большинству, и я ее сдѣлалъ. Я забылъ что тотъ, кто рѣшилъ посвятить себя служенію „ближнему“, не долженъ заводить „своихъ“—

„ближайшихъ“... Разъ завелись эти „ближайшіе“, „ближніе“ уже на второмъ планѣ, служеніе имъ уже не то, уже—на половину...

— Но почему же?..

— Не будемъ... не будемъ лицемерить!—торопливо перебилъ меня Шевелевъ. — Почему? Хотя бы потому, что на первомъ планѣ будутъ уже они—„ближайшіе“... И служеніе ближнимъ будетъ уже не исключительно ради пользы послѣднихъ, но и для благосостоянія ближайшихъ... Ужасно это, но ничего съ этимъ не подѣлаешь... „Почему“! Пока я былъ холостой, я вель кочевую жизнь... Ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненный, я снимался съ мѣста и переѣзжалъ на другое, съ другого — на третье. Я ѣхалъ туда, гдѣ—зналъ—я наиболѣе необходимъ. И я ничего не возилъ съ собою... „Трудящійся достоинъ пропитанія“!... Да у меня и не было ничего! Работая, я былъ сытъ, а это было все, что мнѣ было нужно тогда... Женившись, прежде всего, я былъ лишень свободы передвиженія... Съ семьей надо было выбрать мѣсто постоянного жительства, надо было „пустить корни“... И тогда я облюбовалъ мѣстечко здѣсь, въ полуверстѣ отъ этой станціи... Мѣстечко, правда, хорошее... Двадцать пять верстъ отъ губернскаго города и, значить, столько же отъ врача-„конкурента“... Ты слышишь?.. Ты видишь, чему пришлось радоваться теперь, „женившись“?!—воскликнулъ съ горечью Шевелевъ.—Для „ближнихъ“ надо и желательно, чтобы другой врачъ жилъ чуть не рядомъ со мною, чтобы насъ, врачей, было тутъ какъ можно больше. А ради благополучія

„ближайших“ врачъ-„конкурентъ“ долженъ жить какъ можно дальше!..

Онъ махнулъ рукой, махнулъ съ отчаяніемъ, будто на что-то погибшее, конченное, и продолжалъ спокойнѣе.

— Около станціи есть нѣсколько помѣстій, и владѣльцы живутъ въ нихъ круглый годъ. Недалеко рѣка и мельница, тутъ-же плохенькая деревенька въ шесть дворовъ... Все, какъ быть должно въ русской деревнѣ... А сравнительная близость губернскаго города и безусловная близость станціи желѣзной дороги представляютъ исключительныя для деревни удобства... Столичные газеты получаютъ не черезъ недѣлю, а въ тотъ же день, къ вечеру, и во время распутицы я не бываю отрѣзанъ отъ всего міра на цѣлый мѣсяць... Словомъ, я устроился прекрасно, сравнительно съ тѣмъ, какъ порою приходится устраиваться нашему брату въ „медвѣжьихъ углахъ“... Прекрасно! — повторилъ онъ, грустно улыбувшись. — Одинъ изъ помѣщиковъ сдалъ мнѣ небольшой, ветхій домишко... И хотя зимою въ немъ бывало такъ холодно, что мнѣ приходилось заниматься „въ кабинетѣ“ въ тепломъ пальто и въ валенкахъ и въ неурочные часы выпивать рюмку-другую водки, чтобы только согрѣться; хотя въ немъ было грязно, потому что уже много лѣтъ онъ стоялъ безъ ремонта; хотя въ немъ не было ни малѣйшихъ удобствъ, — я жилъ въ немъ пять лѣтъ, зная, что на сто верстъ кругомъ не найду лучшаго помѣщенія... Новыя избы еще ставятся въ деревняхъ, хотя-бы послѣ пожара; но дома помѣщиковъ горятъ и гніютъ, но

вновь не воздвигаются... Тутъ, за эти пять лѣтъ, я прижилъ трехъ ребятъ и нажилъ „маленькій ревматизмъ“... Но, конечно, я ничего не нажилъ „про черный день“ и, „свободно практикуя“, не выслужилъ сроковъ ни на пенсію, ни на эмеритурѣ... Доходы мои были не велики, къ тому же весьма неопредѣленны и притомъ... Знаешь, что— притомъ?—выкрикнулъ, прерывая себя и опять волнуясь, Шевелевъ.—А вотъ что... „Дышать свободно“, „сводитъ концы съ концами“—„существовать“—я могъ только тогда, когда въ моемъ районѣ было „очень много больныхъ“!.. „Хорошій доходъ“ приносили посты, когда и крестьяне, и сельское духовенство, и мелкіе купцы, и обнищавшіе дворяне садились добровольно на „плохое питаніе“ и постомъ разстраидали свои желудки... Но, когда въ смыслѣ заболѣваній „все обстоитъ благополучно“, мнѣ приходится перебиваться „съ хлѣба на квасъ“ и очень плохо питаться. А продолжительное благополучіе населенія — „ближняго“—должно приводить меня уже въ полное отчаяніе, потому что тогда голодаютъ мои „ближайшіе“, моя семья... Суди-же самъ, каково жить и работать при этихъ условіяхъ... Суди самъ!.. Но я терпѣлъ все,—продолжалъ онъ черезъ мгновеніе.—Я терпѣлъ, думая, что приношу пользу людямъ того клочка земли, на который забросила меня судьба, что я имъ необходимъ... Да, отъ себя не скроешь, а заговорилъ—не скрою и отъ тебя... Не будь меня въ этой мѣстности, купецъ Назаровъ померъ-бы отъ удара; дѣвочка плотника Николая умерла бы отъ ожоговъ; Марья Андреевна

такъ и не разрѣшилась бы отъ бремени... Не отправь я во-время сумасшедшаго кузнеца Антона въ городъ, въ больницу, кузнецъ этотъ перерѣзаль-бы семью въ семь человѣкъ... А карбункуль у лавочника? А крупозное воспаленіе легкихъ у „батюшки“? А тифъ у „матушки“? Утопленникъ Герасимъ, котораго я „отходилъ“? Три человѣка, опившіеся въ храмовой праздникъ?.. Всѣхъ я спасъ отъ вѣрной смерти... И только-ли эти?.. Сколько было ихъ за десять лѣтъ! Сотни... А имена ихъ—Ты, Господи, вѣси!.. Я лѣчилъ и сосѣдей, ѣздилъ и вдаль, куда бы меня ни позвали, никогда никому не отказывалъ—ни купцамъ, ни дворянамъ, ни понамъ, ни крестьянамъ... По мнѣ всѣ люди—люди; я люблю человѣка и счастье мое—облегчить его страданія и, если можно, продлить его жизнь... И „бралъ“ я, что мнѣ давали, и то—только потому, что я долженъ кормить „ближайшихъ“ работою, трудомъ; и то—бралъ далеко не всегда... Прости... Я не рисуюсь, я говорю это опять-таки только потому, что изъ пѣсни слова не выкинешь... Да, я много терпѣлъ, я терпѣлъ все и очень много выплещь-бы еще... Но теперь я не могу больше и... и не хочу!.. Я убѣдился, что я тутъ не нуженъ!—совершенно неожиданно заключилъ докторъ.

— Какъ—не нуженъ?!

— Не нуженъ!—повторилъ съ горькой обидою Шевелевъ. — Кто нуженъ, тѣмъ дорожать, тому есть куда голову преклонить, тому хоть—не холодно!..

— Что же случилось?—спросилъ я нетерпѣливо.

— Что случилось?.. Да, началось именно съ „несчастнаго случая“,—сказалъ онъ въ печальномъ раздумьи.—Случилось это прошлымъ лѣтомъ... Я былъ дома, сидѣлъ въ своемъ кабинетикѣ и читалъ... Вдругъ, на станціи раздался тревожный звонъ въ тотъ колоколъ, который обыкновенно звонить такъ спокойно и однообразно, отправляя отходящіе поѣзда... Этотъ звонъ напомнилъ мнѣ церковный набатъ. Мнѣ стало жутко:—я видѣлъ не разъ, на какое страшное бѣдствіе онъ сзываетъ народъ... И я невольно вскочилъ... И тутъ-же, черезъ окно, я увидѣлъ и пламя и дымъ у себя во дворѣ... Я выскочилъ во дворъ. Горѣла пристроечка, гдѣ помѣщались мои дрова, сѣно, телѣжка, сани... Я бросился въ комнаты искать жену и дѣтей... Ихъ не было; къ счастью, онѣ гуляли... Прислуга тоже куда-то ушла... Никого!.. За что хвататься? Все приходилось бросить, потому что минутъ черезъ пять долженъ былъ загорѣться и домъ... На дворѣ отчаянно взвыла собака, привязанная на цѣпи въ горѣвшей пристроечкѣ... Я кинулся опять туда, но проникнуть въ этотъ сарайчикъ было уже невысказано. Старая пристроечка трещала, какъ костеръ... Я вернулся въ домъ и сталъ выбрасывать въ садикъ всякую дребедень, все, что попадалось подъ руку и что я могъ поднять... А когда загорѣлся и домикъ, и я выскочилъ изъ него, спасаясь отъ огня, приближались наконецъ люди... И, какъ это бываетъ всегда при деревенскихъ пожарахъ, мы стояли, безпомощные,

и смотрѣли какъ домъ обваливался, таялъ и превращался, въ пепель... Сгорѣла вся моя убогая „обстановка“. Въ сараѣ сгорѣли собака—другъ моего дома—и молодой барашекъ, котораго дѣти откармливали и ласкали, а моя докторша собиралась зарѣзать къ Рождеству... Сами мы остались съ тѣмъ, въ чемъ были... Сгорѣли и зимнія и лѣтнія вещи, бѣлье, посуда, кровати, постели—все! Сгорѣлъ шкафъ съ аптекой, и завтра я не могъ уже дать больному лѣкарства. Сгорѣлъ и шкафикъ съ инструментами, купленными въ разное время и на послѣднія деньги, и, какъ докторъ, я былъ уже безъ рукъ... Сгорѣло все!.. А ночь надвигалась... И, если-бы не близость этого „зала“, въ которомъ мы теперь сидимъ, мнѣ пришлось-бы ночевать съ семьей въ роцѣ, на сосновыхъ иглахъ и еловыхъ шишкахъ... Мягкая постель!..

Шевелевъ улыбнулся все съ тою-же горечью и продолжалъ.

— Конечно, мое имущество не было застраховано... Пособія по случаю несчастія просить было не у кого. Я человѣкъ „свободной профессіи“, вольный практикъ, не принадлежу ни правительству, ни городу, ни земству... Я принадлежалъ просто людямъ, служилъ „ближнему“... И оказалось, что мнѣ, мнѣ, который столько „помогалъ“ и столько помогъ, помочь некому!.. Я ни на кого не жалуясь, я никого не упрекаю... Я повторяю только, что мнѣ некому было помочь именно потому, что я принадлежалъ не комунибудь, а—всѣмъ... Но, и этого мало! Я сталъ искать квартиру и... и не нашель...

— Какъ не нашель?!

— Не нашель! — подтвердилъ Шевелевъ. — Подъ разными предлогами всѣ сосѣдніе владѣльцы отказывали мнѣ... Кто говорилъ, что у него нѣтъ подходящаго помѣщенія, хотя у него было; одинъ говорилъ одно, другой—другое, а иные, не стѣняясь, говорили и прямо, что ко мнѣ приходятъ люди съ разнообразными болѣзнями, что это и вообще непріятно, и они могутъ занести заразу... И говорили это тѣ самые люди, которыхъ я лѣчилъ и отъ заразныхъ, и отъ всякихъ болѣзней. Говорили это врачу, который „такъ нуженъ въ деревнѣ“!.. Нѣтъ, кто нуженъ, того принимаютъ съ распростертыми объятіями!.. Теперь я успокоился, смирился... Но тогда мнѣ было страшно горько, было обидно до слезъ... Кончилось тѣмъ, — продолжалъ Шевелевъ:—что я поселился въ деревнѣ, въ крестьянской избѣ... Мужикъ пустилъ!.. Но у него я не могу жить... То есть, не я, а мои „ближайшіе“... Я живалъ и въ избахъ, пока былъ одинъ... Впрочемъ, теперь и самъ я не могу... Вѣришь-ли, боюсь я теперь пожара, какъ самая „пужливая“ купчиха... Съ самага лѣта ни одной ночи я не спалъ спокойно... Не только во снѣ, на яву мерещится мнѣ это страшное, красное пламя, въ десять минутъ слизнувшее все, что я сколотилъ за десять лѣтъ, и чудится мнѣ, что, случись пожаръ ночью — я не успѣю вынести дѣтей, и они сторятъ, какъ сторѣлъ ихъ несчастный барашекъ... И теперь, на ночь, я уже ни за что не поѣду даже и къ тяжело больному, даже къ умирающему... Да, все то же: — когда въ опасности

„ближайшіе“, я не иду къ погибающему „ближнему“!.. Адъ, адъ со всѣхъ сторонъ!.. Адъ, а не жизнь!.. Одну половину избы занимаетъ мой хозяйнъ съ семьею, съ телятами, свиньями, курами, другую—я... И въ одной комнатѣ—я, жена, дѣти и прислуга... Холодъ отчаянный! Семь—восемь градусовъ, сколько ни топи! Полъ холодный, дуетъ изъ оконъ, изъ дверей, изъ всѣхъ щелей!.. Дѣти мерзнутъ, болѣютъ; жена давно простудилась и скверно кашляетъ... Терпѣли, терпѣли,—не вытерпѣли!.. Отправилъ семью въ губернской городъ погостить, отдохнуть и обогрѣться. И гостить она тамъ уже больше мѣсяца,—боится вернуться въ этотъ „родной уголь“, который я ей приготовилъ!.. Да и не верну я ихъ! Довольно! Не подь силу!.. Суди, братъ, какъ хочешь, а брошу я все и уѣду... Не могу я, права я не имѣю загубить, ради „ближнихъ“, своихъ — „ближайшихъ“!.. Пусть идутъ мнѣ на смѣну молодые; холостые, свободные, которые отвѣчаютъ только за себя. А я, видно, состарился... Прямо—собачья жизнь!.. Знаешь ты, почему теперь я здѣсь, почему мы съ тобою встрѣтились?—спросилъ Шевелевъ.—Днемъ я ѣздилъ, за двадцать верстъ, къ больному... Назябся, усталъ, вернулся домой только подъ вечеръ... Холодно! Протопилъ печку, закрылъ трубу пораньше, чтобы сохранить тепло въ избѣ, хотя на то время, пока засну, легъ въ постель и закутался... Лежу; правда—согрѣлся и сталъ засыпать... Но, слава Богу, не заснулъ... Чувствую, голову туманить, а въ вискахъ, словно молоточками—тукъ-тукъ-тукъ!.. Угорѣлъ... Печка треклятая! Закрылъ ее ранше, чѣмъ

она совсѣмъ выстудилась... Ну, открыль трубу, пріотворилъ окно, нарядился и — съ постели на воздухъ... А на воздухѣ видѣль, что творится?! Темъ, морозъ, вѣтеръ, снѣгъ такъ и крутитъ! Добрый хозяинъ собаки не выгонитъ изъ дома!.. Пришелъ сюда, думалъ тутъ погрѣться и вздремнуть, ашь и тутъ — холодно!..

Онъ вздрогнулъ и весь будто съезжился.

— Холодно! — повторилъ онъ. — Всюду — холодно!.. И жить какъ-то холодно... И неуютно, и непривѣтливо... Да и страшно... Вѣдь всѣ мы — подъ Богомъ... Вдругъ — помрешь! А сироты?.. Поминишь, у насъ былъ въ гимназій товарищъ — Зуевъ? Какъ и я, онъ кончилъ врачемъ, не захотѣль пристроиться ни къ первому, ни къ двадцатому числу и тоже уѣхалъ на вольную практику въ деревню, въ Тверскую губернію... И умеръ тамъ... Недавно пишетъ мнѣ его вдова... Заразился отъ больного тифомъ и умеръ... Ну, тоже какъ и я, онъ принадлежалъ не кому-нибудь, а „всѣмъ“, и потому помочь его вдовѣ и сиротамъ — некому... Совѣта просить у меня, несчастная, что дѣлать?! „Онъ — не герой?“ спрашиваетъ въ письмѣ. „Тотъ, кто пошелъ на войну убивать людей и убитъ ими самъ — герой“... Слава ему и памятникъ, почетъ и полное обезпеченіе его осиротѣвшей семьи... А тотъ, кто пошелъ спасать людей и, спасая, самъ погибъ — не герой?.. И сироты его не дѣти героя? И общество не должно вывести ихъ въ люди, чтобы они повторили собою героя-отца?.. Нѣтъ, общество, бросаетъ ихъ на безпомощную мать, на женщину, ко-

торая развѣ только развратомъ можетъ у насъ заработать столько, чтобы поднять семью“!—Да, братъ, какъ задумаешься объ этомъ несчастіи—а вѣдь оно такъ возможно! — именно страшно становится!.. Вотъ, и самъ я испыталъ, и на Зуевѣ убѣдился:— не всегда бываетъ, что „какъ аукнется, такъ и откликнется!.. Нѣтъ, никто, никто не откликнется даже изъ тѣхъ, на чей зовъ откликался ты...

Шевелевъ задумался, тоскливо глядя впередъ, и сидѣлъ, словно ушибленный, страдающій...

— И не вѣрится больше въ то, во что такъ вѣрилось прежде, въ юности, во что и теперь мучительно хотѣлось-бы вѣрять и вѣрить—до конца!—сказать онъ въ заключеніе. — А потому, конечно, на душѣ еще холоднѣе...

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стр.
✓ На яву и во снѣ	5
✓ Садитесь, пожалуйста!	17
✓ Блаженные	31
✓ Безвыходное положеніе	41
✓ Проектъ	57
✓ Ломовой	85
✓ Молочные братья	115
✓ По приказанію его превосходительства	129
✓ Клёнъ, баронъ и Агафонъ	157
✓ Открытіе	173
✓ Мать-мачеха	187
✓ Поздно	207
✓ Маленькій Гамлетъ	227
✓ Холодно	237

199-1

1000р.

60

ОКТ
Магалин № 200
и. 10 р.
кв. №

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

Чб

Центр Белова (рр)

